

Георгий Гурджиев.

ВСТРЕЧИ С ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМИ ЛЮДЬМИ

ВВЕДЕНИЕ

С тех пор как я закончил писать свою первую книгу, прошел один месяц - период, который необходимо было посвятить отдыху. Как вы можете узнать из последней главы этой книги, я дал себе слово, что за этот месяц не напишу ни одной строки. Если я и обращался к литературному творчеству, то только для того, чтобы произнести тост, восхваляющий отменные качества старого кальвадоса, который я пью сейчас в винном подвальчике Шато дю Приер, напитка, изготовленного людьми, знающими, в чем заключается истинный смысл жизни.

Ободренный истинным интересом, проявленным читателями к моей первой книге, я решил вновь взяться за литературный труд. На этот раз я выбрал более доступную форму повествования, которая поможет подготовить читателя к восприятию моих идей.

Сознание современного человека, находящегося на любом уровне интеллектуального развития, способно познавать окружающий мир только посредством восприятия отдельных фактов, всякий раз случайно или намеренно искаженных, что создает в нем ложное представление об окружающей действительности. Постепенно дисгармония, вызванная потоком избыточной и искаженной информации, приводит к плачевным результатам, которых избежали те, кто смог изолировать свое сознание от этих вредных влияний. Доказательством вреда, причиняемого влиянием современной цивилизации, является уменьшающаяся с каждым десятилетием продолжительность жизни.

Во второй книге я намереваюсь познакомить читателя с семью заповедями, которые мне посчастливилось найти и расшифровать во время моих многочисленных экспедиций. В них наши далекие предки сформулировали познанную ими объективную истину, которую способно оценить даже сознание нашего современника. Я начну с одной расшифрованной мной надписи, которая послужит отправным пунктом для моего повествования и одновременно звеном, соединяющим последнюю главу предыдущей книги с первой главой нынешней.

Эта древняя мудрость гласит:

Только тот достоин звания человека, кто сумел сохранить всех овец, доверенных его попечению, и при этом не погубил волков.

Конечно, понятие "волки" и "овцы" не следует воспринимать буквально, они здесь символизируют разум и чувства. Древние считали достойным того человека, который был способен создать условия для "мирного" сосуществования этих двух разнородных и враждующих составляющих человеческой личности.

Интересно отметить, что среди множества пословиц, загадок и притч, существующих у азиатских племен, есть одна загадка, в которой фигурируют волк и коза и которая дополняет уже процитированную пословицу.

Перед нами ставится задача: как перевезти через реку волка, козу и капусту если в лодку можно посадить только одного "пассажира", и при этом необходимо учитывать, что волка не следует оставлять "в обществе" козы, а козу "в обществе" капусты, иначе последствия будут плачевными.

Чтобы найти правильное решение этой задачи, одной сообразительности мало, необходимо также быть деятельным человеком, ведь придется лишний раз пересечь реку.

Заканчивая вчера в парке перечитывать эту, как я назвал ее, "разминку для ума", я не заметил, как вечер сменился ночью, и знаменитый холодный туман Фонтенбло начал пробираться в каждую складочку моей одежды, а сизые обитатели горных высей, называемые птицами, все чаще и чаще оставляли следы своей жизнедеятельности на моем голом как колено черепе. Раздосадованный таким бесцеремонным поведением божьих тварей, я решил

последовать их примеру и также, пренебрегая мнением авторитетов, вставить эту главу в новую книгу, а там будь что будет.

Здесь я описал свои не особенно лестные впечатления от общения с современными литераторами и, что еще хуже, с современной литературой. В связи с этим я хотел бы вставить в эту главу отрывок из выступления одного почтенного персидского писателя, который произвел на меня неизгладимое впечатление. Я тогда еще совсем молодым человеком приехал в Персию, и мне довелось присутствовать на собрании местной интеллигенции, на котором обсуждалось состояние современной литературы.

Один из выступавших был немолодым интеллигентным персидским писателем, интеллигентным не в европейском, а в азиатском смысле слова, то есть не только очень образованным, но и гармонически развитым человеком.

Среди прочего он сказал: "Как жаль, что современный период, который называют европейской цивилизацией, оказался таким бесплодным, неспособным передать нашим потомкам ничего полезного".

Современные писатели, вместо того чтобы стараться выразить свои идеи как можно яснее, все внимание уделяют тому, что называется "красотой стиля".

И в самом деле, вы можете потратить целый день на чтение "толстой" книги и все же теряться в догадках, что же хотел сказать автор. И только потратив еще день или два и дочитав ее до конца, обнаружить, что идея не стоила и выеденного яйца, что вся интрига закручена вокруг того, любит ли Смит Мэри, а Мэри Смита.

Это касается как художественной, так и научной литературы.

Научные труды, как правило, содержат набор старых гипотез, перетасованных каждый раз по-новому.

В романах главным образом описываются высокие чувства, которые уже выродились в народе, или же они посвящены описанию всевозможных грехов, в которых находят себе выход не получившие удовлетворения естественные человеческие чувства.

Есть еще одна категория книг, содержащая, как правило, описания разнообразных путешествий и приключений, а также флоры и фауны разных стран и континентов. Произведения такого рода пишутся людьми, которые выходили за порог своего дома только для того, чтобы купить сигареты, и вымучивают эти жалкие истории, истязая свое донельзя жалкое воображение. Зачастую они просто слизывают целые куски из других книг, komponуя их различным образом.

Не обладая и малейшим пониманием ответственности писателя, эти "творцы", стремясь к красоте стиля, уничтожают последние остатки смысла, содержащегося в их произведениях.

Как ни странно вам это покажется, но я обвиняю в том вреде, который причинила человечеству литература, не что иное, как современную грамматику. Ее я считаю одним из самых страшных орудий "заговора" современной цивилизации, направленного против общества.

Современная грамматика большинства языков построена искусственно, в то время как прежде грамматика формировалась самой жизнью в зависимости от уровня развития данного народа, климатических условий, преобладающих способов добывания пищи.

Современная же грамматика мешает писателю точно выразить свои мысли, таким образом читатель, особенно иностранный, лишается последней возможности уловить смысл сказанного.

Чтобы пояснить свою мысль, приведу в качестве примера один эпизод, свидетелем которого мне довелось быть.

Как вы знаете, у меня есть только один близкий родственник, это мой племянник по линии отца, который несколько лет тому назад унаследовал нефтяное месторождение, расположенное недалеко от Баку, и был вынужден поселиться там.

Так как мой племянник не мог покидать Баку из-за необходимости контролировать свой бизнес, я иногда навещал его.

Район, где располагалось это месторождение, теперь принадлежит России, стране, обладающей богатой современной литературой.

В городе Баку и его окрестностях жили люди разных национальностей, которые в своих семьях говорили на родном языке, а в межнациональном общении вынуждены были использовать русский язык.

Во время моих приездов в Баку я общался с представителями разных народов, и поэтому решил выучить русский язык.

К тому времени я уже владел многими иностранными языками, и эта задача не казалась мне особенно сложной. Через некоторое время я смог говорить на русском довольно бегло, но, конечно, подобно местным жителям, с сильным акцентом.

Как человек, получивший филологическое образование, хочу отметить, что, даже отлично владея иностранным языком, невозможно думать на нем, если продолжать говорить и думать на своем родном.

И, следовательно, заговорив на русском языке, я все же продолжал думать на персидском, постоянно подыскивая своим "персидским" мыслям эквиваленты в русском языке.

При переводе определенной мысли с персидского языка на русский иногда возникали почти необъяснимые трудности, и я стал задумываться над тем, почему иногда так трудно передать совсем простую мысль словами чужой речи.

Заинтересовавшись этой проблемой и имея массу свободного времени, я начал изучать грамматику русского языка и некоторых других современных языков и вскоре понял, что трудности при переводе мысли с одного языка на другой заключаются в искусственных грамматических правилах построения речи. Так у меня сформировалось твердое убеждение в том, что правила грамматики многих языков составлялись людьми, стоящими на более высокой ступени интеллектуального развития, чем основная масса населения.

В качестве подтверждения этой мысли укажу на затруднение, которое возникло у меня на начальных этапах изучения русского языка и которое заставило меня более детально изучить этот вопрос.

Однажды, когда я, как обычно, занимаясь изучением русского языка, пытался сформулировать на нем свои мысли, родившиеся в моем сознании на родном персидском языке, я захотел использовать выражение, которое мы, персы, часто употребляем в разговорной речи - "myan-diaram", которое на французском языке означает "je dis", а на английский переводится фразой "I say". Пытаясь подобрать соответствующее выражение в русском языке, я долго напрягал свою память, но, несмотря на свое достаточно хорошее владение языком, не нашел необходимого эквивалента. Ни одно из выражений, употребляемых как среди простого народа, так и в среде интеллектуальной элиты, не подходило.

Потерпев фиаско, я сперва предположил, что не обладаю достаточным запасом русских слов и выражений, и обратился к своим многочисленным словарям, а также проконсультировался у тех людей, которые считались признанными авторитетами в этой области. Однако оказалось, что в современном русском языке не существует выражения, эквивалентного персидскому "myan-diaram", вместо него употребляется выражение "я говорю", которое соответствует в персидском языке "myan-soil-yaran", во французском "Je parle" и в английском "I speak".

Так как другие представители персидского народа имеют общую со мной систему восприятия образов, могут ли они принять такую неравноценную замену без внутреннего сопротивления? Конечно, нет. Ведь, "soil-yaran" и "diaram" или "speak" и "say" - это глаголы,

обозначающие различные действия.

Вот один из тысячи возможных примеров, иллюстрирующих трудности, которые возникают при переводе мысли на язык иных культур, находящихся по общему признанию в периоде расцвета.

Вследствие отсутствия эквивалентов слов и выражений, наблюдаемого в современных литературных языках, представители тех цивилизаций, в которых слова имеют только буквальный смысл, слыша или читая слова и выражения, употребляемые в переносном смысле, воспримут мысль автора в искаженном виде.

При этом слова и выражения, обозначающие широкий круг понятий, относящихся к жизни и деятельности простых людей, имеют точные эквиваленты в большинстве языков.

Пример отсутствия в русском языке выражения, точно соответствующего персидскому варианту, который я привел выше, служит подтверждением моего вывода, на первый взгляд поверхностного, что любой самый искусный перевод с одного языка на другой является всего лишь эрзацем - неким искусственным подобием оригинала.

Должен сказать, что, начав изучать грамматику русского языка, а также и других современных языков, с целью установить причину отсутствия эквивалентных выражений, я решил, что одних только филологических знаний для этого недостаточно, и стал знакомиться с историей происхождения и развития русского языка.

И мои изыскания подтвердили, что прежде этот язык содержал слова, соответствующие конкретным понятиям из области практической деятельности. Но с течением времени, достигнув определенной ступени развития, он стал объектом экспериментов бесчисленных псевдолитературных выскочек, так что смысл многих слов и выражений оказался искаженным, или они были даже совсем выведены из употребления только потому, что они не соответствовали требованиям, предъявляемым к "культурной" речи. Среди них оказалось и слово, которое я долго не мог отыскать, соответствующее персидскому понятию "diagram" и в те времена звучавшее так: "сказываю".

Интересно отметить, что это слово сохранилось и до настоящего времени, но употребляется в прежнем, буквальном значении только людьми, хотя и являющимися представителями русской нации, но живущими в районах, удаленных от культурных центров страны и, таким образом, изолированных от влияния современной цивилизации.

Искусственно созданные языковые конструкции, которые молодое поколение вынуждено усваивать, являются, по моему мнению, одной из основных причин того, что среди современных европейских народов развивается и нормально функционирует только один из трех принципов, необходимых для формирования здорового сознания, а именно мышление. Но без определения и сознания собственных чувств и инстинктов, что очевидно для каждого здравомыслящего человека, не может быть сформирована полноценная личность.

Подводя итог всему ранее сказанному о современной литературе, точнее всего могу описать ее словами: "Она не имеет души".

Современная цивилизация убила душу литературы, как и всего того, к чему она прикоснулась.

Я имею более чем достаточно оснований для такой беспощадной критической оценки современной цивилизации, тогда как дошедшие до наших дней памятники античной литературы свидетельствуют о том, что нам есть что позаимствовать из нее, что она способна помочь формированию полноценной, гармонично развитой личности и должна передаваться из поколения в поколение.

Я пришел к выводу что мудрость древних народов, квинтэссенция их идей, увековеченных в форме кратких и доступных изречений, может быть очень полезна их потомкам.

Чтобы показать различия между литературой прежних времен и современной, я хочу напомнить старый анекдот про двух воробьев.

Однажды под стрехой сидели два воробья, старый и молодой. Они обсуждали событие, которое стало "сенсацией дня" и заключалось в том, что служанка муллы выбросила из окна на улицу, где собирались стаи воробьев, нечто, на первый взгляд похожее на кусок засохшей каши, но которое оказалось всего лишь старой мочалкой. Некоторые из молодых неопытных воробьишек бросились на нее.

Обсуждая этот случай, старый воробей внезапно весь нахохлился и с недовольной гримасой стал искать под крылом блох, которые его постоянно донимали. Поймав одну, он сказал с глубокомысленным видом: "Не те нынче времена. Сидим, бывало, под стрехой, дремлем. А тут вдруг внизу шум, гром. Запах такой, что слюнки текут. Душа радуется в предчувствии того, как мы слетим вниз и устроим грандиозный пир. А что сейчас? Шума достаточно, и вонь такая, что вытерпеть невозможно. А в результате несколько пятен масла на мостовой".

В этой беседе, как вы уже наверное поняли, речь идет о конных экипажах. Последние, производя гораздо больше шума и неприятного запаха, вполне бесполезны в смысле обеспечения воробьев питанием. А без пищи и воробью несладко.

Этот анекдот является отличной иллюстрацией к моему утверждению о различии между современной и ушедшей цивилизациями.

Литература должна служить совершенствованию человечества, но в настоящее время не может выполнять эту функцию, так как она слишком поверхностна. Как в анекдоте о старом воробье, шуме, суете и плохом запахе.

Любой человек, отбросив предубеждения, может заметить различия в степени развития чувств между людьми, родившимися и проведшими всю свою жизнь в Азии, и коренными европейцами.

В самом деле, многие отмечают, что у современных жителей Азии, которые существовали изолированно от современной цивилизации, чувства развиты гораздо сильнее, чем у европейцев. А так как чувства - это основа при формировании гармоничной личности, то азиаты, имея, как правило, меньше фундаментальных знаний, тем не менее имеют более верные представления об окружающем мире и самих себе, чем те, кто считает себя сливками современного цивилизованного общества.

Европейское образование заключается в осмыслении объекта наблюдения, в то время как азиаты получают информацию с помощью чувств или даже инстинктов.

Жители азиатских стран первое время проявляли заинтересованность европейской литературой, но, осознав ее весьма поверхностный характер, потеряли значительную часть этого интереса и в настоящее время едва ли ее читают.

В их прохладном отношении к литературе Европы главную роль, по-моему, сыграл такой литературный жанр, как роман.

Большинство популярных европейских романов посвящено нарушению гармонии в отношениях между людьми, произошедшей вследствие их слабости и безволия и описанной со всякими стилевыми ухищрениями. Азиаты, которые все еще недалеко ушли от Матери Природы, считают такое состояние взаимоотношений как для мужчин, так и для женщин ущербным и недостойным, и особенно недостойным для мужской половины человечества, и инстинктивно презирают таких людей.

Что касается других жанров, таких, как научные статьи, очерки и другие формы познавательной литературы, жители азиатских стран, стоя ближе к природе, подсознательно чувствуют полное отсутствие подлинного понимания автором того, о чем он пишет, вследствие недостатка знаний.

И вот в то время как азиаты практически полностью игнорируют современную литературу, полки книжных магазинов Европы ломятся от новинок.

Конечно, может возникнуть резонный вопрос, как согласовать мое утверждение с тем фактом, что подавляющее большинство жителей Азии неграмотны.

На это я отвечу, что все же действительная причина отсутствия интереса азиатов к современной европейской литературе заключается в присущих ей недостатках. Я сам неоднократно был свидетелем того, как сотни неграмотных людей собирались вокруг человека, умеющего читать, чтобы слушать Священное Писание или сказки Шехерезады "Тысяча и одна ночь".

Конечно, вы можете возразить мне, отметив, что события, описанные в этих произведениях, особенно в сказках, взяты из их жизни, и поэтому понятны и интересны слушателям. Но секрет в том, что эти тексты, особенно в "Тысяча и одной ночи" являются литературой в полном смысле слова. Все читатели и слушатели понимают, что все, описанное в этих книгах, придумано автором, но эти выдумки очень правдоподобны, даже те эпизоды, которые не могли бы произойти в реальной жизни. Читательский интерес рождается вследствие тонкого проникновения автора в психологию своих персонажей и поддерживается развитием действия, концентрирующегося вокруг событий, происходящих в реальной жизни.

Потребности современной цивилизации породили новый, совершенно специфический вид литературы - журналистику.

Я не могу обойти молчанием этот факт, так как, по моему мнению, журналистика не приносит ничего, способствующего развитию полноценного, гармоничного сознания, и, оказывая разрушительное влияние на взаимоотношения людей, является одним из главных зол в жизни современных людей.

Этот род литературы получил такое распространение в наши дни, что становится фактором, все более и более увеличивающим безволие и ущербность современных людей. Развивающаяся атрофия воли и пассивность лишают людей доступного им прежде самоосознания, они перестают понимать самих себя, что не позволяет им идти по пути самосовершенствования.

С другой стороны, это ежедневное легковесное чтение так изменяет образ мышления, что лишает их даже приобретенного ранее самоосознания и гармонии. Таким образом, исчезают условия, дававшие прежде людям возможность сделать жизнь более или менее гармоничной, хотя бы только в области их взаимоотношений.

К несчастью, газеты и журналы, издаваясь все более частыми и большими тиражами, ослабляют способность человека мыслить независимо и принимать самостоятельные решения, уменьшают сопротивление всем видам обмана и заблуждений, дезориентируют его сознание, стимулируя в людях развитие всяческих отрицательных свойств, таких, как зависть, подозрительность, лицемерие, гордыня и тому подобное.

Чтобы обосновать свое непоколебимое убеждение во вреде, приносимом человечеству периодической печатью, расскажу о нескольких историях, реальность которых я могу подтвердить, так как сам по воле случая принимал в них участие.

У меня был довольно близкий друг, американец, проживавший в Тегеране, который незадолго до смерти сделал меня своим душеприказчиком.

У него был сын, уже немолодой человек, который получал доходы от бизнеса, жил со своей многочисленной семьей в одном из крупных европейских городов.

Однажды вечером после ужина он и его домочадцы почувствовали себя плохо и к утру умерли все до одного. Будучи душеприказчиком семьи, я был вынужден приехать туда, где произошло это страшное событие.

Там я узнал, что незадолго до трагедии отец того несчастного семейства в течение

нескольких дней постоянно читал газеты. В нескольких из этих изданий он прочел объявления об открытии магазина, где продавались колбасы, производимые, как утверждалось, из особо качественного сырья по специальной технологии.

В конце концов под воздействием этой настойчивой рекламы он пошел в этот магазин и купил колбасы, хотя ни он, ни его семейство прежде не увлекались колбасными изделиями, так как они все выросли в Армении, где колбас не едят. Отведав этой колбасы на ужин, все они получили тяжелое отравление, от которого и скончались.

Это экстраординарное событие разбудило мои подозрения, и, чтобы пролить на него свет, я воспользовался услугами частного детектива.

Мне удалось узнать следующее. Одна крупная фирма приобрела по низкой цене огромную партию колбасных изделий, первоначально предназначавшуюся для отправки в другую страну, но отвергнутую из-за задержки при погрузке. Чтобы избавиться от всей партии колбас как можно быстрее, эта фирма не поскупилась на вознаграждение журналистам, которым она доверила эту рекламную кампанию.

А вот другая история.

Во время моего очередного посещения Баку я увлекся от нечего делать чтением газет, получаемых моим племянником. Меня заинтересовали огромные статьи сразу в нескольких газетах, посвященные одной известной актрисе.

О ней писали так много и в таких выражениях, что даже я, пожилой человек, под впечатлением прочитанного отложил в сторону все запланированные дела и, нарушив привычный распорядок дня, отправился в театр.

И что вы думаете я там увидел? Нечто, соответствующее тому, о чем писали в газетах? Ничего подобного.

На своем веку я повидал немало актрис такого жанра, плохих и хороших, и без преувеличения могу считаться авторитетом в этой области. Но даже не принимая во внимание мой изысканный вкус, с точки зрения обычного человека, я должен признать, что за всю свою жизнь я не видел ничего более бездарного и скучного. Эта женщина не имела ни малейшего представления об актерском искусстве.

Она произвела на меня такое плохое впечатление, что даже если бы во мне проснулся альтруист, я не предложил бы ей и роли своей кухарки.

Как я узнал позже, один из нефтепромышленников заплатил журналистам кругленькую сумму, пообещав удвоить ее, если они обеспечат аншлаг на выступлениях его любовницы, которая до недавнего времени служила горничной у одного русского инженера.

И еще один случай. В одной очень популярной немецкой газете я время от времени встречал статьи, до небес превозносившие одного художника, и благодаря этому у меня сложилось мнение что живописец обладает феноменальным талантом.

Мой племянник, только что купивший большой дом в Баку, решил, готовясь к своей свадьбе, оформить его как можно богаче. Так как в течение года на его нефтяных участках дважды произошли выбросы нефти, увеличившие ее добычу, то я посоветовал своему племяннику потратить эти деньги с толком. оплатив услуги этого прекрасного художника, о котором я слышал столько хорошего, а также купить несколько фресок, которые должны были украсить стены дома.

Такие затраты не только улучшат репутацию владельца дома, но и сделают его наследников в будущем обладателями прекрасных фресок и других работ кисти знаменитого мастера.

И племянник последовал моему совету Он даже нанес личный визит этой европейской знаменитости, чтобы сделать свое предложение. Вскоре художник прибыл, прихватив с собой целый вагон ассистентов и маляров и, как мне показалось, даже личный гарем, конечно, в

европейском понимании слова, и без особой спешки приступил к работе.

Результатом трудов этой знаменитости было то, что день свадьбы пришлось перенести, чтобы привести дом в исходное состояние.

Чтобы отдать должное журналистам, отмечу, что в данном случае они восхваляли этого весьма посредственного художника почти бескорыстно, ведь надо же им было о чем-то писать, создавать сенсации, пусть даже делая из мухи слона.

И в качестве последнего примера я хочу привести историю одного недоразумения, которое характеризует состояние современной литературы.

Однажды я познакомился с парой юных европейцев, которые любили путешествовать. Оказалось, что мой юный друг увлечен решением одной интересной задачи. Во всех странах, в которых ему удалось побывать, он собирал и анализировал информацию о влиянии никотина, содержащегося в разных видах табачных изделий, на организм и психику человека.

Собрав достаточное количество необходимых ему данных по интересующей его проблеме во многих странах Азии, он вместе со своей женой вернулся в Европу, где начал писать книгу, содержащую результаты его исследований. Но так как его юная беспечная жена, не имевшая ни малейшего понятия об экономии, потратила во время путешествий все имевшиеся у них деньги, она была вынуждена пойти работать машинисткой в одно крупное издательство.

В офис, где она теперь работала, часто заходил один писатель, который, увидев молодую очаровательную женщину, влюбился и попытался соблазнить ее. Но эта юная особа, верная своему долгу, отвергла его домогательства. И вот в то время, когда молодая женщина торжествовала, одержав моральную победу, неудачный воздыхатель с помощью всевозможных интриг добился ее увольнения. Моральный уровень этого человека вполне допускал возможность такого рода мести за отказ удовлетворить его страсть.

К тому времени мой юный друг опубликовал свою книгу и, пылая ненавистью к человеку, оскорбившему его жену, стал писать критические статьи на книги этого писателя, разнося их в пух и прах. И он добился своего - спрос на книги автора значительно упал.

Я знавал одного музыкального критика, который ни разу в своей жизни не прикасался ни к одному музыкальному инструменту и даже не знал нот. Он не мог отличить "до" от "ре", но благодаря существующему положению вещей занял ответственный пост музыкального критика и таким образом стал авторитетом для читателей солидной и популярной газеты, формирующим музыкальные вкусы тысяч людей.

Читатели иногда не знают мотивов и истинных взглядов автора статьи, не знают всех закулисных интриг и выгод, которые можно извлечь, используя средства массовой информации в корыстных целях.

Дожив до преклонного возраста, я могу утверждать, и любой здравомыслящий человек согласится со мной, что нелепо вырабатывать свою систему ценностей и формировать вкусы, основываясь на той "информации", которую мы получаем из средств массовой информации.

Звезды современной культуры, имея очень низкий уровень морали и интеллекта, подобно детям, играющим с огнем, сами не способны оценить отрицательные последствия влияния средств массовой информации на массовое сознание.

Изучая античную историю, я пришел к выводу, что носители древней культуры никогда не позволяли себе того, что является нормой в настоящее время.

Мои выводы основаны на достоверных источниках, дошедших до нас из тех времен, когда наша страна являлась одной из крупнейших держав мира и Вавилон, принадлежавший нашему народу, был единственным культурным центром той эпохи.

Опираясь на исторические факты, мы можем утверждать, что "пресса" существовала и в те времена, конечно, в гораздо более скромных объемах.

Но в античном мире это ответственное дело доверялось только самым просвещенным и достойным людям, заслужившим эту честь всей своей честной жизнью и благими делами.

Прежде чем быть допущенными на эти должности, люди приносили присягу служить на благо своему народу

Теперь же любой мальчишка может быть журналистом, если у него хорошо подвешен язык и он обладает элементарной грамотностью.

Я познакомился с подобным типом людей довольно близко и еще более утвердился в своем мнении о них, когда в течение трех-четырех месяцев ежедневно посещал собрания молодых бакинских журналистов.

Это произошло при следующих обстоятельствах.

Однажды, в очередной раз посетив Баку с намерением провести там всю зиму у своего племянника, я стал там свидетелем того, как несколько молодых людей пришли к нему, чтобы просить разрешения проводить на первом этаже его дома, где сперва предполагалось устроить ресторан, собрания "Общества литераторов". Мой племянник дал им согласие, и начиная со следующего дня эти молодые люди стали собираться у нас. главным образом по вечерам.

Так как посторонним лицам не запрещалось посещать их собрания, я часто заходил к ним, будучи почти свободным по вечерам. Моя комната располагалась рядом с местом их встреч, и это способствовало завязыванию довольно близких приятельских отношений.

Большинство из них были еще совсем юные создания, слабые и изнеженные на вид. Лица некоторых явно свидетельствовали о том, что их родители злоупотребляли спиртными напитками или обладали другими пагубными привычками.

Хотя Баку был всего лишь небольшим городком в сравнении со многими европейскими городами и хотя люди, собравшиеся в нашем доме, были только мелкими сошками, я все же позволю себе сделать некоторые обобщения, касающиеся их коллег, работающих где бы то ни было. Путешествуя по Европе и тесно общаясь со многими представителями этой профессии, я все более и более утверждался в своем мнении о них. Они походили друг на друга как горошины одного стручка.

Единственное различие между ними состояло в том, насколько высоко они задирали нос, а это зависело исключительно от того, сотрудниками какого издательства они подвизаются, насколько велик тираж газеты или журнала, предоставляющего свои страницы для их беспомощных опусов. Известность и степень материального процветания фирмы, владеющей этим изданием и, следовательно, его сотрудниками, и определяет степень их самомнения.

Многие из них почему-то считаются поэтами. В наши времена, если кто-то напишет несколько строчек революционной чепухи, вроде этой:

Зеленые розы,
Красные мимозы
Дивной красоты,
Как мои мечты

и т. п., он сразу же награждается званием поэта такими же, как он, бумагомарателями, а иные из них даже заказывают визитные карточки, где их обладатель именуется поэтом.

Среди современных литераторов принято превозносить друг друга при каждом удобном случае.

Мне кажется, что это одна из главных причин того, что сфера влияния этих фальшивых авторитетов очень быстро распространяется и толпа раболепно поклоняется и безудержно льстит этим ничтожествам, чем их и считает всякий здравомыслящий человек.

На собраниях литераторов в Баку. о которых я рассказал, один из этих людей встал на возвышение и начал читать стихи, подобные тем, которые я только что процитировал, дальше

рассказал о том, что говорил министр на одном из банкетов, будучи навеселе, и все в том же роде. Закончил же выступающий следующими словами: "Я уступаю место на трибуне одному из величайших писателей наших дней, мистеру такому-то, который посетил наш город и был так любезен, что почтил наше скромное собрание своим присутствием. И теперь мы будем иметь счастье услышать его выступление".

Эта знаменитость появилась на импровизированной трибуне с такими словами: "Дорогие леди и джентльмены, мой коллега, мой собрат по перу был столь любезен, назвав меня одним из величайших писателей". Тут я должен заметить, что этот писатель не мог слышать ни одного слова, сказанного его "собратором по перу", так как вошел в эту комнату позже, после окончания его выступления, открыв плотно запертую дверь, а уж хорошая звукоизоляция стен нашего дома мне хорошо известна.

Затем он продолжал: "На самом деле я даже не заслуживаю чести сидеть в его присутствии. Величайшим писателем нашего времени являюсь не я, а он, мой высокоуважаемый коллега, известный не только всей России, но почитаемый всем цивилизованным человечеством. Наши потомки будут с благоговением произносить его имя и никогда не забудут того, что он сделал на благо человечества. Его законное место не среди нас, а в кругу богов Олимпа".

И только после этой преамбулы наше "светило" произнесло никому не нужную чепуху, а потом был сервирован стол, впрочем весьма скромный, с двумя бутылками дешевого вина. Во время трапезы несколько кусочков колбасы и рыбы переключались в карманы некоторых из присутствующих. Невольным свидетелям смущенно объяснили: "Это для моей собаки. Этот паршивец завел привычку выпрашивать у меня подачку, когда я возвращаюсь домой".

На следующий день во всех местных газетах появился подробный отчет об этом литературном мероприятии, составленный в весьма выдержанном стиле и содержащий цитаты из выступлений всех присутствовавших, но в котором не упоминалось о скромности ужина и об исчезновении со стола некоторых продуктов.

Таковы эти люди, постоянно учащие нас жить, формирующие наши вкусы и образ мышления, которым может верить только очень наивный читатель, не знающий, что они собой представляют в действительности.

Почти все писатели и журналисты Европы за редким исключением стали тем, что они есть, не благодаря своим достоинствам, а благодаря слабостям.

С моей точки зрения, не может быть сомнения в том, что ущербность современной цивилизации во многом обусловлена тем вредным, деморализующим влиянием, которое периодическая печать оказывает на массовое сознание.

Меня безмерно удивляет тот факт, что ни одно из современных правительств, расходуя более половины того, что называется государственным бюджетом, на полицию, пенитенциарную систему, судопроизводство, церковь, медицину и т.п., и платящих немалое жалование бесчисленному количеству государственных служащих, таких, как врачи, священники, агенты тайной полиции и прокуроры, с единственной целью поддержать моральный уровень населения, не потратит и цента на то, чтобы устранить это зло, являющееся очевидной причиной многих преступлений и несчастий.

Так закончил свою речь этот мудрый благородный перс.

Я привел слова этого человека только потому, что мысль, заключенная в них, очень полезна и поучительна, особенно для тех поклонников современной цивилизации, которые наивно полагают, что она находится на гораздо более высоком уровне развития человеческого разума. Этим я хочу закончить вводную часть книги и приступить к основной ее части.

Начав работать над материалом, предназначенным для публикации, с намерением придать ему как можно более доходчивую форму, я припомнил совет небыизвестного муллы

Насредина, который звучал так: "Во всяком деле старайся совместить приятное с полезным".

Что касается второй части совета нашего мудрого учителя, мне не придется слишком беспокоиться о ней, так как идеи, которыми изобилует текст, позволят достичь этой цели, а что касается моего собственного удовольствия - то я получу его, придавая тексту форму рассказа, что сделает мою жизнь более терпимой, так как люди будут считать меня писателем,

Чтобы вы могли понять, что я подразумеваю под выражением "терпимая жизнь", должен сказать, что после моих путешествий по странам Азии и Африки, которые по тем или иным причинам привлекли в настоящее время общественное внимание, я долгое время считался магом и экспертом по "потустороннему миру".

Поэтому первый встречный, считая, что он имеет полное право надоедать мне с целью удовлетворения своего праздного любопытства, задавал глупые вопросы о высоких материях, вынуждая посвящать его в те или иные стороны моей личной жизни и рассказывать о всех моих приключениях во время путешествий по дальним странам.

Как бы я ни устал, я обязан был что-нибудь отвечать, иначе возникали обиды и недоброжелательное отношение ко мне. и в дальнейшем эти люди постоянно нелестно отзывались обо мне, не упуская случая устроить мне какую-либо неприятность. Вот почему, просматривая материал, предназначенный для этой книги, я решил оформить его в виде отдельных историй, служащих подтверждением какой-либо идеи и косвенно отвечающих на вопросы, задаваемые мне наиболее часто. И впоследствии, имея дело со всякими бессовестными бездельниками, я смог бы удовлетворять их праздное любопытство, просто отсылая к соответствующей главе книги. Этот стиль повествования, привычный для читателя, одновременно дает мне передышку, спасая от умственного переутомления, неизбежного при добросовестном выполнении многочисленных обязанностей, налагаемых на нас жизнью.

Вопросы, наиболее часто задаваемые людьми различных классов и уровней образования, таковы:

- С какими замечательными людьми я встречался?
- Увидел ли я на Востоке что-либо необычное и удивительное?
- Есть ли у человека душа и бессмертна ли она?
- Обладает ли человек свободой воли?
- Что такое жизнь и почему существуют страдания?
- Верю ли я в оккультные и спиритические науки?
- Что такое гипноз, магнетизм и телепатия?
- Почему я заинтересовался этими проблемами?
- Что привело меня к созданию системы, практикуемой в институте, носящем мое имя?

То, как я построил повествование, разделив текст книги на несколько самостоятельных глав. служит ответом на первый из этих вопросов, а именно: каких замечательных людей я встречал? В каждой из глав книги я расскажу о какой-либо встрече, расположив главы в определенном порядке так, что будет явно просматриваться автобиографическая линия, и одновременно отвечу на все вопросы, задаваемые мне наиболее часто.

Перед тем как идти дальше, я хотел бы пояснить, что я понимаю под выражением "замечательные люди", так как, подобно всем определениям конкретных понятий, оно воспринимается крайне субъективно.

Например, человека, показывающего фокусы, многие относят к "замечательным", но перестают считать его таковым, разгадав секрет фокусов.

Для того, чтобы разъяснить свою точку зрения, я дам как можно более короткое определение этого понятия.

По-моему, замечательным человеком может по праву считаться тот, кто выделяется из

окружения благодаря своему уму и таланту, кто никому не навязывает свой образ мышления и в то же время терпим и справедлив к слабостям и недостаткам других.

Так как первым человеком, чье влияние оставило глубокий след в моей жизни, был мой отец, я начну с него.

ЧАСТЬ I. МОЙ ОТЕЦ

В последней четверти прошлого и в начале нынешнего века мой отец был известным ашугом, т.е. поэтом и сказителем по прозвищу Адаш; и хотя он был не профессионалом, а только любителем, но сумел завоевать широкую популярность среди жителей Кавказа и Средней Азии.

Ашугами в Азии и на Балканах называли представителей устного народного творчества, которые сочиняли, декламировали и пели, исполняя перед многочисленными слушателями старинные песни, рассказывали легенды, народные сказки, читали поэмы.

Несмотря на то что в те времена люди, посвятившие себя такому роду деятельности, были, как правило, неграмотны, не имели даже начального образования, они обладали такой памятью и такой богатой фантазией, которые сейчас кажутся невероятными и даже феноменальными.

Ашуги не только запоминали на слух бесчисленные и часто очень длинные сказания и поэмы, но, обладая отличным слухом, путем импровизации создавали прекрасные произведения искусства, подбирая к ним все новые мелодии и ритмы.

Теперь это искусство утеряно, и даже во времена моей молодости молодые люди, обладавшие подобным даром, встречались все реже и реже.

Я имел счастье наблюдать выступления ашугов, которые в те времена были очень известными людьми, и их образы глубоко запечатлелись в моей памяти.

Это произошло потому, что мой отец брал меня, тогда еще совсем ребенка, на их состязания, на которых ашуги, приехавшие из многих стран, таких, как Персия, Турция, Кавказ и даже из некоторых областей Туркестана, соревновались перед большим количеством зрителей в искусстве пения и импровизации.

Обычно это происходило следующим образом.

Один из участников состязания, выбранный по жребию, начинал петь, сразу подбирая мелодию и задавая своим коллегам канву выступления, которую они и подхватывали, импровизируя каждый на свой лад. Темы имели религиозный и философский характер, или вниманию слушателей предлагались подлинные старинные легенды и предания.

Звучал, как правило, турецкий язык, который был в этих местах общепринятым языком межнационального общения и позволял людям, говорившим на разных диалектах, понимать друг друга.

Такие состязания продолжались неделями и даже месяцами, завершаясь присуждением призов и вручением подарков благодарными зрителями, которые награждали коврами и домашним скотом наиболее отличившихся ашугов.

Я присутствовал на трех таких состязаниях, первое из которых проходило в Турции в городе Ван, второе в азербайджанском городе Карабах и третье - в маленьком городке Субатан под Карсом.

В Александрополе и Карсе, где наша семья жила во времена моего детства, отца часто приглашали на собрания, на которые люди, ценившие его дар, приходили, чтобы послушать песни и сказания в его исполнении.

Там он читал поэму или рассказывал старинную легенду, которую хотели услышать присутствующие.

Часто одного вечера не хватало на то, чтобы завершить повествование, и участники встречи собирались и на следующий день.

По вечерам перед воскресными и праздничными днями, когда нам не нужно было рано вставать, отец рассказывал детям всякие интересные истории про античных героев, читал стихи и неизменно заканчивал одной из сказок "Тысяча и одна ночь", которых он знал так много, что

их действительно хватило на тысячу и одну ночь.

Среди самых сильных впечатлений от этих вечерних чтений, оставивших глубокий след в моей жизни, было одно, которое стало духовным откровением, давшим мне возможность постичь непостижимое.

Это впечатление, запавшее мне в душу и выкристаллизовавшееся с течением времени, произвела на меня дискуссия моего отца со своим другом по поводу одной античной легенды.

Это случилось в то время, когда мой отец под давлением жизненных обстоятельств вынужден был стать профессиональным плотником.

Приятель отца часто заходил к нему в мастерскую и просиживал там ночи напролет, обсуждая с отцом значение античных легенд и преданий.

Другом отца был не кто иной, как настоятель Борщ, человек, который должен был вскоре стать моим наставником, сформировать мое мировоззрение, сделать из меня то, чем я сейчас являюсь.

Вечером, когда эта дискуссия состоялась, я был в мастерской отца, как и мой дядя, который приехал навестить нас из пригорода, где располагался его загородный дом, окруженный садами и виноградниками.

Мы с дядей сидели в углу на куче стружек и, замерев, слушали пение отца, которое повествовало о вавилонском герое Гильгамеше, и его разъяснения этого произведения.

Спор возник, когда отец закончил 21-й стих этого эпоса, в котором Ут-Напишти рассказывает Гильгамешу историю гибели во время потопа страны Шуруппак.

После этой песни отец остановился, чтобы набить трубку, и сказал, что, по его мнению, легенда о Гильгамеше пришла к нам от шумеров, народа более древнего, чем вавилоняне, и, несомненно, эта легенда в качестве подлинного свидетельства потопа отразилась в иудейской Библии и послужила фундаментом развития христианского мировоззрения с привнесением изменений лишь в отдельные детали.

Отец-настоятель Борщ начал возражать, приводя в опровержение этой точки зрения различные аргументы, и вскоре спор стал таким горячим, что они даже забыли отослать меня спать, как это делалось раньше в подобных случаях.

Я с моим дядей были так увлечены этой полемикой, что пролежали, не шелохнувшись, на куче опилок до утра, когда она наконец завершилась и спорщики разошлись.

Эта 21-я песня была повторена в течение ночи столько раз, что запечатлелась в моей памяти на всю жизнь.

То, что закладывалось во мне благодаря сильным впечатлениям, полученным в детстве под влиянием отца, хотя и не было сразу осознано мной, но сказывалось в течение всей моей дальнейшей жизни.

Однажды произошло событие, перевернувшее все в моей душе. Читая журнал, я случайно наткнулся на статью, в которой говорилось о том, что среди руин Вавилона обнаружено несколько табличек с надписями, которым не менее четырех тысяч лет, там же приводился текст надписей с расшифрованным переводом - это был эпос о герое Гильгамеше.

Когда я понял, что это была та самая легенда, которую я в детстве так часто слышал от отца, и особенно когда я прочел 21-й стих этого эпоса, составленный почти в тех же выражениях, которые были уже мне знакомы, я ощутил такое волнение, как будто это событие определяет всю мою будущую жизнь.

Я был потрясен тем, что эта легенда передавалась ашугами из поколения в поколение в течение тысяч лет почти без изменения содержания.

Этот случай раскрыл мне глаза: я понял, какое благотворное влияние оказало на меня общение с моим отцом, и я пожалел, что так поздно осознал великое значение памятников

античной литературы.

И была другая легенда, слышанная мной от отца, в ней тоже говорилось о великом потопе в стихотворной форме. Много-много веков тому назад, за целых семьдесят поколений перед последним потопом (здесь нужно иметь в виду, что одним поколением считается период в сто лет), когда на месте суши была вода, существовала великая цивилизация, центром которой был остров Ханаан, он же являлся и центром земли.

Как я узнал из других исторических источников, остров Ханаан располагался там, где находится современная Греция.

Единственными людьми, пережившими первый потоп, были члены существовавшего в те времена братства Имастумов. Имастумами в древней Армении называли выдающихся людей, членов касты, распространенной по всей земле.

Это братство состояло из очень образованных людей, изучавших, кроме всего прочего, астрологию. Как раз перед потопом члены братства расселились во всех уголках земли, чтобы иметь возможность наблюдать за этим феноменом из разных мест. Несмотря на большое расстояние между ними, эти люди поддерживали постоянную связь друг с другом и отправляли всю важную информацию в центр посредством телепатии.

Для этого они использовали специальных медиумов, которые были как бы принимающими аппаратами. Находясь в трансе, эти люди бессознательно принимали и регистрировали информацию, передаваемую им из разных мест земли.

Это, так сказать, точное описание средств связи, существующих в наши дни.

Воспользуюсь представившейся мне возможностью, рассказывая о моем отце, упомянуть о его друге и моем первом наставнике - настоятеле Борше. Я считаю совершенно необходимым описать обычай, установившийся между этими людьми, которые взяли на себя обязательство воспитывать меня, тогда еще совсем ребенка, готовя к сознательной жизни.

Этот обычай, как я понял значительно позже, сыграл огромную роль в моей жизни, в формировании моего образа мышления, моей души.

Они сами называли это кастусилией (kastousilia), словом, пришедшим к нам, видимо, из древней Ассирии, которое мой отец взял из какой-нибудь легенды.

Обыкновенно это происходило так: один из них неожиданно задавал другому вопрос, и тот должен был ответить, сохраняя полное хладнокровие, убедительно и логично.

Например, однажды вечером мой будущий учитель, неожиданно войдя в мастерскую, с порога спросил отца: "А где сейчас находится Всевышний?"

И мой отец ответил невозмутимо: "Он сейчас как раз в Сарыкамьше".

Сарыкамьш - это лесистая местность в районе границы между Россией и Турцией, где растут необычайно высокие сосны, славящиеся по всему Кавказу и Средней Азии.

Получив такой ответ, настоятель осведомился: "А что он там делает?" На это отец ответил, что Всевышний мастерит длинные приставные лестницы и закрепляет счастье на вершинах сосен, так что отдельные люди и целые народы могут подниматься и спускаться по ним.

Эти вопросы и ответы звучали всегда в очень серьезном тоне, даже если один интересовался ценой картофеля, а другой сообщал, что благодаря хорошему урожаю картофель в этом году чрезвычайно дешев.

Только гораздо позже я понял, сколько смысла заключено в этих вопросах и ответах.

Став свидетелем подобных дискуссий, посторонний человек мог подумать, что перед ним два выживших из ума старика, которые находятся вне стен сумасшедшего дома только в результате недоразумения.

Мой отец обладал очень простым и определенным взглядом на то, в чем состоит смысл жизни. Он много раз говорил мне в дни моей юности, что главное для человека - обрести

внутреннюю свободу и подготовить себе счастливую спокойную старость.

Он считал совершенно необходимым, чтобы цель, стоящая перед человеком, была проста и понятна и не заключала в себе каких-либо абстрактных умствований. Но достичь этой цели можно, только если в детстве и юности человек усвоит следующие заповеди, которым будет строго следовать в дальнейшей жизни.

Первая - любить своих родителей.

Вторая - оставаться простым человеком.

Третья - быть вежливым со всеми вне зависимости от того, бедны они или богаты, хозяева или слуги. И какую бы религию они ни исповедовали.

Четвертая - любить свою работу ради нее самой, а не за прибыль, которую она приносит.

Мой отец, любивший меня, как своего первенца, больше всех, оказал на мою жизнь особое влияние. Я относился к отцу скорее как к старшему брату, и он, постоянно общаясь со мной, рассказывая различные увлекательные истории, помог развиваться моему поэтическому воображению и высоким идеалам.

Мой отец воспитывался в семье греков, чьи предки иммигрировали из Византии, покинув свою родину, чтобы спастись от преследований турков, завоевавших Константинополь.

Сперва они осели в центре Турции, но позже, по нескольким причинам, одной из которых был поиск лучших климатических условий и лучших пастбищ для многочисленных стад домашнего скота, составлявших основу богатства моих предков, они переселились на восточное побережье Черного моря в окрестности города Гюмюшхане, а незадолго до последней русско-турецкой войны, из-за новых преследований их турками, переехали в Грузию.

В Грузии мой отец отделился от своих братьев, отправившись в Армению, и поселился в городе Александрополе, который прежде, при турках, назывался Гюмри.

При разделе имущества семьи на долю моего отца пришлось несколько стад домашнего скота, что в те времена составляло огромное богатство.

Через один-два года все, что унаследовал мой отец, было потеряно по обстоятельствам, не зависящим от воли человека.

Поселившись в Армении со своей семьей, пастухами и стадами, мой отец стал самым богатым человеком в этой местности, и более бедные семьи передали ему имевшееся у них небольшое количество скота, за что он, по существовавшему здесь обычаю, должен был отдавать им определенное количество масла и сыра.

Таким образом его стадо увеличилось на несколько тысяч голов, но в результате мора, который пришел из Азии и распространился в Закавказье, почти все поголовье пало в течение нескольких месяцев. Немногочисленные оставшиеся животные представляли собой кожу и кости.

Мой отец, беря на свое попечение чужой скот, одновременно взял на себя по местным обычаям всю ответственность за падеж и другие беды, которые могли приключиться, например, при нападении на стадо стаи волков, что случалось здесь довольно часто. Поэтому он был вынужден отдать оставшихся животных в виде компенсации другим людям.

Таким образом, мой отец из богатого человека внезапно превратился в нищего.

В те времена наша семья состояла из шести человек: моего отца, матери, бабушки, которая пожелала доживать свои дни рядом со своим младшим сыном, и троих детей - меня самого, моих младших брата и сестры.

После случившегося несчастья отец был вынужден завести собственное дело, так как содержать семью, привыкшую жить в полном довольстве, было нелегкой задачей. Собрав остатки имущества, в основном домашнюю обстановку, он организовал ломбард и одновременно, согласно местным обычаям, мастерскую по изготовлению всевозможных

изделий из дерева.

Но так как мой отец никогда прежде не занимался коммерческой деятельностью и, следовательно, не имел в этой области никакого опыта, его ломбард приносил одни убытки. В конце концов его пришлось закрыть и оставить только мастерскую, специализировавшуюся на производстве небольших деревянных поделок.

Во второй раз неудача постигла отца через четыре года после первого несчастья. Наша семья жила в городе Александрополе в то время, которое совпало с периодом активного восстановления русскими пограничного города Карса, который они захватили.

Решив, что в Карсе можно будет хорошо зарабатывать, и поддавшись уговорам моего дяди, который уже имел в этом городе свой бизнес, отец перевел мастерскую в Карс. Сперва он поехал туда один, потом вернулся за нами.

К этому времени наша семья увеличилась на три "космических аппарата для переработки пищи" в виде трех моих очаровательных сестреночек.

Обосновавшись в Карсе, отец сперва отдал меня в греческую школу затем перевел в русскую.

Так как я обладал хорошими способностями и быстро запоминал, мне не приходилось тратить много времени на приготовление уроков, и все оставшееся время я помогал отцу в его мастерской.

Вскоре я даже завел своих собственных клиентов из числа друзей, для которых я делал игрушки и некоторые школьные принадлежности, например, пеналы. Мало-помалу мне стали доверять и более серьезную работу по мелкому ремонту домов.

Несмотря на то что в те времена я был совсем ребенком, я помню все, что тогда происходило, в мельчайших деталях. До сих пор меня восхищает мужество, с которым мой отец встречал все несчастья, которые сыпались на него, как из рога изобилия, и сохранял жизнерадостность и самообладание, оставаясь в душе настоящим поэтом.

Что бы ни случилось, в какие бы трудные обстоятельства мы ни попали, в нашей семье всегда господствовали согласие, любовь и желание помочь друг другу.

Благодаря врожденной способности моего отца черпать вдохновение и радость в самой обыденной жизни он был для нас примером и заряжал нас своим оптимизмом.

Говоря об отце, я не должен обойти молчанием и моего взгляда на то, что называют сверхъестественным. По этому вопросу он имел свое особое мнение.

Однажды, навещая отца, я задал ему один из стереотипных вопросов, которые во время моих многочисленных странствий я часто задавал людям, с которыми меня сводила судьба.

Я попросил его сказать мне без общих фраз и пространного философствования, как лично он считает - бессмертна ли душа?

"Ты хочешь узнать мое мнение? -- спросил он. - Что ж, в такое бессмертие, при котором, как принято считать, душа, отделяясь от тела после смерти человека, существует независимо от него, я не верю.

Я пришел к убеждению, что человек от рождения обладает определенным свойством, благодаря которому в процессе жизни в нем образуется некая субстанция, почти независимая от его физического тела.

Когда человек умирает, эта субстанция продолжает существовать еще некоторое время после отделения от физического тела.

Хотя это "нечто" формируется из того же материала, что и физическое тело человека, оно гораздо более чувствительно к различным видам воздействий. Это доказывает и тот эксперимент, который ты проводил много лет тому назад".

Он имел в виду один из моих опытов, при котором однажды присутствовал, когда я

приводил в состояние гипноза различных людей с целью прояснить для себя один интересный феномен.

Я поступал следующим образом: делал из глины и воска фигурку человека, изображавшую моего подопытного, которого я приводил в гипнотическое состояние. Дальше я натирал какую-либо часть тела загипнотизированного человека смесью оливкового и бамбукового масла, затем, удалив часть масла, натирал им соответствующее место глиняной фигурки.

Особенно удивило тогда моего отца то, что, когда я кольнул иглой фигурку в место, смазанное маслом, загипнотизированный человек дернулся, а когда я уколол фигурку сильнее, на соответствующем месте кожи человека выступила капелька крови.

Интересным оказался и тот факт, что испытуемый человек, выведенный из состояния гипноза, не помнил абсолютно ничего, что с ним за это время произошло, и, конечно, не чувствовал боли от "уколов".

Ссылаясь на то, чему свидетелем он был, мой отец сказал: ""Нечто", сформировавшееся в человеке, может самостоятельно реагировать на определенные внешние воздействия".

Отец, занимаясь моим воспитанием, имел определенную систему, глубоко им выношенную и повлиявшую на формирование моей личности самым благотворным образом.

С раннего детства он так формировал мой образ мышления, так развивал мои чувства, чтобы в будущем исключить появление у меня таких черт характера, как привередливость, трусость, робость, зазнайство, вызывающих безволие, безразличие к жизни.

Я очень хорошо помню, как с этой целью он подкладывал мне в кровать животных - мышь и лягушку, позволял мне брать в руки неядовитых змей и даже играть с ними.

Отец учил меня, что человек должен заботиться о своих близких, особенно о старых людях, таких, как моя мать, тетя, и даже пожилых пастухах, которые на нас работали.

Он заставлял меня вставать рано утром, когда детский сон особенно сладок, и идти к роднику. чтобы облиться холодной ключевой водой, а также приучал меня обходиться легкой одеждой даже в холодную погоду.

И как я ни пытался отлынивать от этих легких обязанностей, отец никогда не уступал, хотя был добрым человеком и очень любил меня. Несмотря на то что я очень часто подвергался наказаниям, я вспоминаю его с благодарностью за все то, что он для меня сделал.

Не будь отец так строг и требователен ко мне, я не смог бы, став взрослым человеком, преодолеть все препятствия, которые возникали на моем пути во время длительных странствий.

Отец проявлял требовательность не только ко мне, но и к себе относился не менее строго. Он вел жизнь, педантично подчиненную строгому распорядку.

Например, он всегда ложился спать очень рано, чтобы так же рано вставать на следующее утро, и не изменил этой привычке даже в день свадьбы собственной дочери.

В последний раз я виделся с отцом в 1916 году. Ему было уже 82 года, и при этом он был здоровые полным сил и оптимизма человеком, в его густой бороде белело всего несколько седых волос. Он умер годом позже и не своей смертью.

Это событие, горестное и несправедливое для тех, кто его хорошо знал, случилось во время нелепого взрыва человеческих страстей, когда турки в очередной раз атаковали Александрополь и моя семья вынуждена была бежать, чтобы спастись.

Отец не захотел бросить наш дом на произвол судьбы и, защищая его от турок, был тяжело ранен, вскоре умер и был похоронен несколькими стариками, случайно оказавшимися свидетелями этих событий.

Тексты древних легенд и песен, записанные отцом, были, к несчастью, безвозвратно утеряны во время массовых грабежей и погромов. Его голос, записанный на пленку фонографа, содержащую несколько сотен песен, возможно, уцелел среди вещей, которые мне пришлось

оставить в Москве.

Мне будет очень жаль любителей народного фольклора, если эти записи бесследно исчезнут.

Своеобразие личности моего отца, его недюжинный ум будут, несомненно, по достоинству оценены читателями, если я приведу здесь несколько любимых изречений моего отца, которые он часто и очень к месту употреблял в беседе.

В связи с этим очень интересно отметить, что те же самые изречения, если их вставлял в разговор кто-нибудь другой, воспринимались иначе и казались верхом нелепости.

- Не отведав соли, не узнаешь вкус сахара.
- Сутана - хороший покров для глупости.
- Если священник пошел направо, разумный человек должен, не раздумывая, повернуть налево.
- Чтобы признать себя трусом, нужно иметь немало мужества.
- Человека насыщает не наличие пищи, а отсутствие жадности.
- В потемках вошь страшнее тигра.
- Своя ноша не тянет.
- Глуп тот, кто слишком много умничает.
- Болтливая жена хуже тяжелой болезни.
- Счастлив тот, кто не замечает своих несчастий.
- Чингисхан был могущественным человеком, но полицмейстер еще могущественнее.
- Если хочешь стать богатым, подружись с полицией.
- Если хочешь стать знаменитым - подружись с журналистами.
- Если хочешь быть сытым - подружись с тещей.
- Если хочешь жить в мире и спокойствии - подружись с соседом.
- Если хочешь спокойно спать - помирись с женой.
- Если хочешь стать атеистом - подружись со священником.

Чтобы дать вам полное представление о личности моего отца, я должен рассказать о его характере, редко встречающемся среди современных людей и вызывавшем удивление у всякого, кто был с ним хорошо знаком.

С тех самых пор, когда отец внезапно лишился всего своего богатства и был вынужден заняться коммерческой деятельностью, его дела шли так плохо, что все те, кто был в курсе его бизнеса, считали его крайне непрактичным.

И в самом деле, любое коммерческое предприятие, которое организовывал мой отец, несмотря на все его усилия приносило ему одни убытки. Однако так происходило не потому, что он был непрактичным в деловом отношении или не имел способностей к коммерческой деятельности. Причина этих неудач заключалась в его характере.

Свойство его натуры, по-видимому сформировавшееся еще в детском возрасте, я бы определил так: инстинктивная антипатия к возможности строить свое счастье на несчастьях других людей.

Иными словами, будучи очень гордым и честным человеком, мой отец никогда не мог извлекать выгоду из наивности или неопытности своих партнеров. Но большинство из тех, кто окружал его, являясь типичнейшими представителями своего времени, использовали его честность и несуетность для того, чтобы обмануть его самым бессовестным образом.

В самом деле, к моему отцу идеально применимы строки Священного Писания, которые цитируются представителями самых разных вероисповеданий для того, чтобы описать убожество нашей обыденной жизни:

"Если не хочешь быть избитым - бей первым.

Если ты не ударишь - будешь забит до смерти, как Сидорова коза".

Несмотря на то что мой отец часто попадал в сложные ситуации, преодолеть которые было невозможно, и несчастья сыпались на него как из рога изобилия, несмотря на то что он постоянно сталкивался с самыми низменными проявлениями человеческой природы, заставлявшей предполагать, что человек произошел от шакала, - он сохранил доброе, отзывчивое сердце и всегда оставался самим собой.

Отсутствие в его жизни того, что называется материальным благополучием, не тревожило его ни в малейшей степени. Все, что было необходимо моему отцу, - это немного хлеба на обед и тишина в те часы, когда он предавался медитации.

Единственное, что могло его расстроить, - отсутствие свободного времени по вечерам, когда он любил наблюдать за звездами.

Все, что я могу пожелать для себя. это стать таким человеком, каким был мой отец в зрелые годы.

Под давлением обстоятельств, от меня независящих, я был лишен возможности посетить могилу моего дорогого отца, и маловероятно, что я смогу сделать это в будущем, однако, завершая эту главу, посвященную самому дорогому для меня человеку, завещаю своим сыновьям по крови и духу, если судьба дарует им такую возможность, - отыскать одинокую, заброшенную могилу и установить на ней памятник с надписью:

Он принадлежит нам.

Мы принадлежим ему.

Наша близость безмерна.

ЧАСТЬ II. МОЙ ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Как я уже упоминал в предыдущей главе, моим первым учителем был настоятель Борш. Служа настоятелем собора в Карсе, он был одновременно величайшим духовным авторитетом для целой области, незадолго до описываемых событий захваченной русскими войсками.

Отец Борш, благодаря счастливому случаю, сыграл огромную роль в становлении моей личности.

Певчих в соборный хор набирали из учащихся муниципальной русской школы, которую я посещал. Благодаря хорошему голосу я попал в число избранных.

Старый настоятель, интересуясь церковным пением, часто присутствовал на наших спевках. Он очень любил детей и поэтому был добр с маленькими певчими.

Вскоре настоятель стал проявлять ко мне особое внимание; то ли потому, что я обладал очень хорошим голосом, который выделялся в общем хоре, то ли потому, что я был большим озорником, а ему нравились такие непоседы. В любом случае, он проявлял ко мне неподдельный интерес и вскоре стал помогать мне готовить школьные уроки.

В конце года я пропустил много спевков в соборе, потому что заболел трахомой. Узнав об этом, настоятель лично пришел к нам домой, приведя с собой двух врачей-окулистов. После обследования доктора прописали мне порошок сульфата меди, специальную мазь и затем ушли, а мой отец разговорился с настоятелем Боршем. Эти два человека, прожившие такие разные жизни, оказались родственными душами.

Почувствовав друг к другу большое расположение с самой первой встречи, они часто встречались в нашей мастерской и беседовали часами, прихлебывая кофе, приготовленный моим отцом. Устроившись на мягкой куче опилок в укромном уголке, они обсуждали религиозные и исторические вопросы. Я помню, что настоятель Борш особенно оживлялся, когда мой отец рассказывал ему об Ассирии.

Отцу-настоятелю было тогда около семидесяти лет. Не обладая крепким здоровьем, он сохранял бодрость духа. Этот высокий стройный человек с благородными чертами лица обладал глубокими и обширными знаниями, при этом его взгляды отличались от взглядов его окружения.

Его считали человеком со странностями, и, с обывательской точки зрения, он давал достаточно оснований для такого отношения. Будучи довольно богатым человеком и получая хорошее жалование, он занимал только одну комнату с кухней, хотя его помощники, люди гораздо менее обеспеченные, жили в шести-десятикомнатных комфортабельных квартирах.

Отец Борш вел очень уединенную жизнь, почти ни с кем не общаясь, не нанося визиты своим немногочисленным знакомым, не позволяя входить в свою комнату никому, кроме меня и прислуги, причем прислуге не разрешалось входить к нему в его отсутствие.

Добросовестно исполняя свои обязанности, отец-настоятель отдавал все свободное время наукам, особенно астрономии и химии, иногда для отдыха занимался музыкой - игрой на скрипке и сочинением духовной музыки. Многие из его произведений стали широко известны в России.

Некоторые из его вещей, которые были сочинены в моем присутствии, мне приходилось впоследствии слышать в граммофонной записи.

Настоятель Борш заходил к нам, чтобы повидать моего отца, обычно по вечерам, когда они оба были свободны от своих обязанностей.

Чтобы, так сказать, не вводить других в соблазн, он старался сделать эти визиты как можно более незаметными, так как он занимал видное положение в городе и почти все знали его в лицо, в то время как мой отец был простым плотником.

Во время одной из таких встреч в мастерской моего отца настоятель Борш заговорил с ним о моем дальнейшем образовании.

Он сказал, что находит меня очень способным мальчиком и считает совершенно бессмысленным мое дальнейшее пребывание в школе, где мне предстояло потратить целых восемь лет на то, чтобы получить аттестат, соответствующий начальному образованию.

И в самом деле, муниципальная школа была устроена абсурдно, так как, отучившись восемь лет, вы в конце концов получали документ об образовании, соответствующем трем классам.

Поэтому настоятель Борш убедительно посоветовал моему отцу забрать меня из школы и обучать дома, предложив свои услуги, пообещав найти мне и других учителей. Он сказал, что если мне впоследствии понадобится аттестат, я смогу получить его в любой школе, сдав экзамены за соответствующий класс.

После семейного совета отец так и сделал. Я бросил школу, и с того времени настоятель Борш занялся моим образованием, лично преподавая мне некоторые предметы и подыскав мне учителей. Это были выпускники теологической семинарии Пономаренко и Крестовский, которые служили дьяконами в соборе, готовясь стать армейскими капелланами. Еще со мной занимался доктор Соколов.

Пономаренко учил меня географии и истории, Крестовский - Священному Писанию и русскому языку, Соколов занимался со мной анатомией и физиологией. Математику и многие другие предметы преподавал мне сам настоятель.

Мне приходилось нелегко. Хотя я был способным учеником и обладал хорошей памятью, мне едва хватало времени, чтобы готовиться к занятиям, и не оставалось буквально ни одной свободной минуты.

Много времени приходилось тратить на дорогу, так как все учителя жили в разных районах, а доктор Соколов - в форте Чакман, в нескольких милях от города.

Вначале отец и мать хотели, чтобы я стал священником, но настоятель имел свое мнение по этому вопросу. Он считал, что священник должен не только заботиться о душах своей паствы, но и обязан знать все об их телесных неудачах и о том, как врачевать их.

Он был убежден, что обязанности священника и врача должны быть объединены, ведь только тот врач, который имеет доступ к душе своего пациента, сможет оказать ему реальную помощь. В то же время только тот будет хорошим священником, кто имеет медицинское образование, потому что тело и душа взаимосвязаны, и невозможно лечить одно, если причина недуга кроется во втором.

Отец Борш считал, что я должен получить медицинское образование, но не для того, чтобы впоследствии работать врачом.

Но сам я хотел для себя иной судьбы. Имея с детства склонность к изготовлению всякого рода поделок, я мечтал о технической специальности.

И так как еще не было решено, на чем следует остановиться, я продолжал готовиться на священника и врача, так как многие предметыгодились бы мне в любом случае.

Все продолжалось, как и прежде, и я, будучи способным учеником, смог преуспеть в обоих направлениях и даже нашел время для чтения книг, частью даваемых мне отцом Боршем, а частью добываемых мной самим.

Отец-настоятель очень тщательно занимался со мной по тем предметам, которые он выбрал, и зачастую после уроков позволял мне оставаться, угощая чаем и слушая, как я исполняю духовные песнопения, сочиненные им.

Во время наших частых и продолжительных встреч он беседовал со мной на разные темы: и те, что касались преподаваемых им предметов, и те, что не имели к ним отношения. Мало-помалу между нами установились такие доверительные отношения, что отец Борш стал

разговаривать со мной не как с ребенком, а как со взрослым человеком, как с равней.

Я так привык к нему что чувство робости, которое я вначале испытывал, совершенно исчезло. Сохраняя все свое уважение к нему, я тем не менее иногда забывался настолько, что позволял спорить с ним, что его не только ни в малейшей степени не обижало, но, как мне теперь кажется, даже радовало.

В беседах со мной отец-настоятель часто обращался к вопросам пола. Относительно сексуального желания он сказал мне следующее: "Если юноша, не достигший зрелости, позволит себе удовлетворить свою страсть, с ним произойдет то же, что с небезызвестным Исавом, который продал за чечевичную похлебку право первородства. Потому что, уступив искушению хотя бы один раз, он лишит себя возможности в дальнейшем быть достойным человеком.

Удовлетворять вожделение до достижения зрелости - все равно, что добавлять спирт в моллавалльянский мадьяр. (Примечание. Моллавалли - район Карской области, а мадьяр - это молодое перебродившее вино.) Если влить в это вино хотя бы каплю спирта, оно превращается в уксус.

Но когда юноша достигнет зрелости, он может делать то, к чему стремится. Так и с вином: когда процесс брожения закончится, вы можете добавлять в него спирт в тех количествах, которые считаете необходимыми, добиваясь определенной крепости напитка".

Отец Борш имел весьма оригинальное мировоззрение, которое принципиально отличалось как от взглядов окружавших его людей, так и от всего того, что я успел почерпнуть в книгах.

Я приведу здесь некоторые из его идей, позволяющих ознакомиться с его представлениями о личности человека.

Он говорил: "Человек, не достигший зрелости, не несет ответственности за свои поступки, хорошие или плохие, вольные или невольные. Лицами, отвечающими за все, являются его близкие - люди, намеренно или случайно взявшие на себя обязанность подготовить его к сознательной жизни.

Детство и юность даются человеку, неважно, женщина это или мужчина, для того, чтобы в нем сформировалась сознательная личность. Взрослея, человек как бы продолжает находиться в "материнском лоне", и только выйдя из него, наделяется личной ответственностью за все, что он делает.

Согласно законам природы, как утверждают мудрые люди, процесс созревания заканчивается у мужчин к 20-23 годам, у женщин - к 15-19 годам, в зависимости от климатических условий местности, где они росли.

Эти периоды обусловлены законами природы, но, к сожалению, это еще не стало общепризнанным фактом.

По моему мнению, современная педагогика крайне небрежно относится к вопросам пола, которые играют важнейшую роль в жизни каждого человека.

Что касается ответственности за свои действия, то большинство современников, достигших зрелости или даже перешагнувших этот рубеж, как ни странно это может показаться на первый взгляд, не виноваты, по моему мнению, во многих своих скверных поступках, так как они вызваны нарушением законов природы.

Одна из самых главных причин совершения людьми немотивированных асоциальных действий состоит в том, что в этом возрасте молодые люди часто испытывают недостаток в общении с лицами противоположного пола, необходимом для полноценного развития и самосовершенствования личности, и поэтому находятся в состоянии внутреннего дискомфорта.

Вот почему человеку, достигшему зрелости, совершенно необходимо иметь рядом лицо противоположного пола, для того чтобы вести гармоничную полноценную жизнь.

Наши далекие предки понимали это очень хорошо и считали необходимым для

нормального развития общества достижение гармонии в семейных отношениях.

У древних народов даже был обычай обручать своих маленьких детей: мальчиков с семи лет и девочек с годовалого возраста. С момента помолвки родители будущих супругов брали на себя обязательство всячески содействовать развитию у своих детей привычек, вкусов и склонностей, которые окажут благотворное влияние на их совместную жизнь".

Я также очень хорошо помню, как отец и Борш повторяли: чтобы в зрелом возрасте человек мог стать полезным членом общества, а не паразитировать на нем, его воспитание должно опираться на десять основных принципов.

С раннего детства ребенку необходимо исподволь внушать следующее:

- Веру в неизбежное наказание заслушание.
- Веру в то, что вознаграждение дается только по заслугам.
- Любовь к Господу, но безразличие к святым.
- Неприятие жестокого обращения с животными.
- Боязнь обидеть родителей и учителей.
- Отсутствие страха перед чертями, мышами и змеями.
- Способность радоваться тому, что имеешь.
- Желание сохранить добрые отношения с окружающими.
- Терпеливое отношение к физическим страданиям.
- Стремление зарабатывать "свой кусок хлеба" как можно раньше.

К моему глубокому сожалению, мне не довелось присутствовать при последних днях жизни этого достойного человека и заплатить последний долг в земной жизни моему незабвенному учителю, моему второму отцу.

Однажды в воскресный день, через много лет после его кончины, священнослужители карского собора были очень удивлены и крайне заинтересованы тем, что какой-то незнакомец заказал полную заупокойную службу для того, кто лежал в одинокой и всеми забытой могиле. Они в недоумении переглядывались, видя, что этот никому не известный человек с трудом сдерживает подступавшие к глазам слезы.

Покойтесь с миром, дорогой учитель. Не знаю, оправдал ли я ваши надежды, но в течение всей моей жизни я нерушимо следовал вашим заповедям.

ЧАСТЬ III. БОГАЕВСКИЙ

Богаевский, или отец Евлиссий, в настоящее время жив и здоров и удостоен чести служить помощником аббата в главном монастыре Ессейского братства, находящемся на берегу Мертвого моря. Согласно преданиям, это братство возникло за двести лет до Рождества Христова, и утверждают, что именно в этом братстве Иисус Христос принял первое причастие.

Впервые я встретился с Богаевским, или отцом Евлиссием, когда он был еще совсем молодым человеком, только что закончившим обучение в русской духовной семинарии и в ожидании принятия сана служившим дьяконом в карском соборе.

Вскоре после приезда в наш город он, в ответ на просьбу отца-настоятеля, дал согласие стать моим учителем, заменив Крестовского, который незадолго до того получил место капеллана в одном из полков, стоявшем где-то в Польше. Богаевский был приглашен в Карс, чтобы заместить Крестовского в соборе.

Он оказался очень общительным и добродушным человеком и вскоре заслужил всеобщую любовь и доверие. Даже Пономаренко, которого окружающие считали, и не без основания, грубияном, и тот сошелся с Богаевским довольно близко. Они совместно снимали комнату, расположенную рядом с городским общественным садом и пожарной каланчой.

Так как Богаевский был еще совсем молод, у меня с ним возникли дружеские, доверительные отношения, и я часто заходил к нему в гости или оставался после окончания занятий, чтобы послушать, о чем он беседует с Пономаренко или другими знакомыми, которые часто собирались у него. Иногда я помогал ему по дому.

Среди тех, кто чаще всего приходил к Богаевскому, мне запомнились военный инженер Всеславский, его близкий друг и соотечественник, и офицер артиллерийских войск Кузьмин, специалист по взрывным веществам.

Сидя у самовара, они беседовали обо всем на свете, и я внимательно прислушивался ко всему, о чем они говорили. Будучи большим любителем чтения, я поглощал огромное количество книг, посвященных различным вопросам, и как губка впитывал в себя все, что узнавал. Из-за разницы в возрасте я никогда не решался вмешиваться в их беседы и испытывал благоговение перед их обширными и глубокими знаниями.

Жизнь в нашем провинциальном городке была скучна, и, чтобы развеять тоску, эти люди собирались одной компанией довольно часто. Их дискуссии, постоянным свидетелем которых мне доводилось быть, пробудили во мне интерес к абстрактным вопросам, который не угас до сих пор.

Это увлечение "высокими материями" определило всю мою будущую жизнь, поэтому я остановлюсь на этом периоде моей жизни довольно подробно. Однажды во время очередной дискуссии завязался горячий спор о спиритизме и в том числе о столоверчении, которое в те дни привлекало всеобщий интерес.

Военный инженер утверждал, что этот феномен осуществляется при участии духов, остальные присутствующие относили его к проявлению иных сил природы, таких, как магнетизм, закон притяжения, самовнушение и т.п., но никто не отрицал существования этого феномена как такового.

Я слушал как всегда внимательно: эта тема меня очень заинтересовала. Хотя я много читал, но мне еще не попадались книги о спиритизме. Этот интерес многократно усиливался под влиянием одного события в моей жизни. Я все еще скорбел о недавно умершей младшей сестренке, и тема смерти и загробной жизни, обсуждаемая моими знакомыми, чрезвычайно волновала меня.

Дискуссия закончилась, и собравшиеся решили провести эксперимент, для которого понадобился стол на трех ножках. Как раз такой находился в комнате, но, большой специалист по этому вопросу, офицер артиллерии отверг его, потому что он был изготовлен с применением гвоздей. Он объяснил, что нужен такой стол, в котором отсутствует металл, и поэтому я был послан к соседу и вскоре вернулся, захватив с собой то, что было необходимо.

Наступил вечер, мы расселись вокруг стола, положив на него руки определенным образом, как нам показал Кузьмин.

Минут через двадцать стол начал двигаться. И инженер спросил его о возрасте каждого из присутствующих, и он отстучал ножкой соответствующие цифры.

Мне трудно описать, какое сильное впечатление произвело на меня это событие. Передо мной открылся целый мир неизведанного, непостижимого.

Все, что я увидел и услышал, так поразило меня, что я думал об этом всю дорогу домой и целую ночь не спал, размышляя над тем, что случилось.

В конце концов я решился спросить обо всем увиденном у отца Борша.

Услышав мой подробный рассказ, отец-настоятель ответил: "Все это полная чепуха. Не забивай себе голову подобными глупостями. Подумай сам, если духи действительно имели бы возможность стучать ножкой стола - это значило бы, что они обладают физической силой. А если это так, то почему они прибегают к такому идиотскому способу заявить о своем присутствии".

Но хотя я очень уважал своего учителя, я не смог безоговорочно принять его ответ. Мне подумалось, что мой молодой репетитор и его друзья, которые окончили высшие учебные заведения, гораздо более образованны, чем старый человек, который учился во времена, когда наука еще не достигла такого прогресса, как теперь. Я решил, что мои молодые друзья наверняка знают о некоторых вещах гораздо больше, чем мой старый учитель.

Чтобы глубже разобраться в этом вопросе, который меня заинтересовал, я обратился к книгам, которые мне давали Богаевский и его друзья.

Но моя напряженная учеба оставляла очень мало свободного времени, и в конце концов я забыл обо всем этом.

Время шло. Я очень усердно занимался со своими учителями, а во время недолгих каникул ездил к дяде в Александрополь, где завел много друзей. Целью моей поездки было желание подзаработать, так как я постоянно испытывал нужду в деньгах. Мне необходимо было покупать еду, одежду, книги и т.п., а также материально поддерживать некоторых членов семьи.

В Александрополе меня ценили как мастера на все руки и часто просили починить то одно, то другое. Один человек хотел починить замок, другой - старые часы, третий просил собрать печь особой конструкции из местного камня. Кому-то необходимы были богато вышитые подушки для приданого своей дочери, кто-то хотел украсить поделками свою гостиную. Короче говоря, у меня была обширная клиентура, и моя работа щедро оплачивалась.

В Карсе я вращался в среде интеллигентных людей и из-за своих предрассудков не хотел, чтобы они узнали, что я простой ремесленник, и заподозрили, насколько бедна моя семья. Мне было бы неприятно, если бы они увидели, как я зарабатываю себе на жизнь. Мое самолюбие было бы сильно уязвлено.

Итак, на Пасху, как обычно, я отправился в Александрополь, который находился примерно в шестидесяти милях от Карса, с намерением остановиться в доме моего дяди, который всегда относился ко мне очень хорошо.

На следующий день моя тетя за обедом вдруг сказала мне: "Послушай, будь поосторожнее, чтобы с тобой ничего не случилось".

Я удивился: "А что со мной может случиться?"

"Да я и сама толком ничего не знаю, - смутилась она. - Но часть предсказания сбылась, и я боюсь, как бы и остальное не осуществилось", - и она рассказала следующее.

В начале зимы полоумный Иунг Ашох Мадиросс приехал в Александрополь, и почему-то моей тетке пришло в голову узнать о том, что ожидает меня в будущем. Она пошла к нему и услышала предсказание моей судьбы, причем некоторые описанные события действительно уже осуществились. "Но, слава Богу,- добавила тетя, - кое-что не сбылось: первое - у тебя должен был заболеть правый бок, и второе - несчастный случай на охоте. Пожалуйста, будь осторожен с огнестрельным оружием и не ходи на охоту, - попросила эта добрая женщина. - Он хоть и не в своем уме, но лучше не рисковать".

Я очень удивился всему услышанному, потому что два месяца тому назад у меня на правом боку и вправду появился карбункул, от которого я избавился только через несколько недель ежедневных хождений в военный госпиталь на перевязку. Но я об этом никому не рассказывал, и даже у меня дома об этом не знали. Как же могла моя тетя, которая была так далеко, проведать об этом случае?

Однако я не придавал значения этой истории, так как не верил в предсказания, и вскоре вообще забыл обо всем.

В Александрополе у меня был друг по фамилии Фатинов, который в свою очередь имел приятеля Горбакяна, сына управляющего одной компанией в бакинском районе.

Примерно через неделю после того, как тетя удивила меня своим рассказом, Фатинов зашел ко мне и предложил пойти вместе с ним и его приятелем на озеро, чтобы поохотиться на уток. Это озеро располагалось у подножия большой горы. Я не раздумывая согласился составить им компанию, так как нуждался в отдыхе. Перед этим я усердно штудировал труды по нейрофизиологии и был очень утомлен. К тому же я с детства обожал стрелять.

Однажды, когда мне только что исполнилось шесть лет, я без разрешения взял отцовскую винтовку и отправился стрелять воробьев. И хотя из-за сильной отдачи первый же выстрел свалил меня с ног, это никак не охладило мой пыл и даже усилило страсть к огнестрельному оружию. Конечно, ружье у меня отобрали и повесили очень высоко, чтобы я не смог до него добраться, но я изготовил себе другое - из старых гильз. Это ружье стреляло картонными пулями от моей игрушечной винтовки. Оно же, заряженное свинцовым шариком, попадало в цель так метко, что очень заинтересовало моих товарищей по играм. Они стали мне заказывать такие же винтовки, и, заслужив репутацию отличного "ружейного мастера", я стал неплохо зарабатывать.

И вот через два дня Фатинов со своими приятелями зашел за мной, и мы вместе отправились на охоту. Так как до озера было не меньше пятнадцати миль, выйти нужно было на рассвете, чтобы к вечеру, не спеша, добраться до места.

Нас было четверо, вместе с присоединившимся солдатом - денщиком Горбакяна. Мы все захватили ружья, а Горбакян даже казенную винтовку. Вовремя добравшись до озера, мы разложили костер, приготовили ужин и легли спать.

Проснувшись на рассвете, мы разошлись по берегу, заняв каждый свое место, и стали ждать, когда взлетят утки. Слева от меня расположился Горбакян. Выстрелив по первой утке, он взял слишком низко, и пуля попала мне прямо в ногу. К счастью, рана оказалась сквозной, кость не была задета.

Конечно, охоту пришлось прервать. Нога сильно кровоточила и начала болеть, и так как я не мог идти, мои друзья несли меня всю дорогу на импровизированных носилках.

Некоторое время я пролежал дома, и хотя рана вскоре зажила, хромота оставалась еще длительное время.

Совпадение того происшествия с предсказаниями нашего местного "прорицателя"

заставило меня задуматься. Заехав к дяде в очередной раз, я узнал, что Иунг Ашох Мадиросс сейчас находится в Александрополе, и попросил тетю пригласить его. Он произвел на меня впечатление не вполне нормального человека, время от времени вздрагивал и непрерывно курил. Определенно, он был очень болен.

Весь процесс "прорицания" выглядел следующим образом. Сидя между двумя зажженными свечами, он держал перед собой отставленный большой палец руки, пристально глядя на его ноготь, пока не погрузился в состояние, подобное сну. Тогда он начал рассказывать, что он видит на ногте, сперва описывая, во что человек одет, затем его черты лица и только потом предсказывал то, что ждет этого человека в будущем.

Если приходилось предсказывать судьбу отсутствующего человека, медиум просил описать его внешний вид, назвать возраст и показать направление, в котором он сейчас находится.

По моей просьбе медиум описал мое будущее. И когда-нибудь я расскажу вам, сбылось ли его предсказание.

В Александрополе я столкнулся с другим феноменом, которому не могу найти объяснения. Напротив дома моего дяди росли тополя, это было очень красивое место, и я любил ходить туда, прихватив с собой книгу или какую-нибудь работу. Здесь всегда играли дети, которые приходили сюда из разных районов города. Тут можно было встретить ребятшек с любым цветом кожи: греков, курдов, татар. Их игры подымали невероятный шум и суматоху, которые, впрочем, мне совсем не мешали. Однажды я сидел под топодем, погруженный в работу, заказанную мне соседом, свадебным подарком его племяннице. Я должен был вырезать на дощечке монограмму, состоящую из инициалов племянницы и ее будущего мужа, а также день, месяц и год этого памятного события. В то время, когда я усердно трудился над выполнением заказа, вдруг раздался пронзительный крик. Я вскочил, уверенный, что с одним из играющих детей произошел несчастный случай. Я увидел мальчика, который стоял в окружении детей, громко рыдал и делал странные движения. Другие ребятшки смеялись над ним. Подойдя поближе, я спросил у них, что случилось, и узнал, что плачущий мальчик был езидом, вокруг него нарисовали круг, из которого невозможно выбраться, пока его не сотрут. Ребенок изо всех сил пытался выйти из круга, но у него ничего не получалось. Я подошел и стер часть круга, что позволило мальчику выйти из него.

Я был так поражен этим феноменом, что просто прирос к месту, и далеко не сразу ко мне вернулась способность двигаться. Хотя я не раз слышал о езидах, но никогда не верил в это. И только увиденное собственными глазами заставило меня изменить точку зрения.

Заметив, что дети вернулись к своим обычным играм, я в глубоком замешательстве занялся прерванной работой над монограммой, которую необходимо было закончить в течение сегодняшнего дня. Ведь это был подарок молодоженам, чья свадьба была назначена на завтра.

Езиды были сектой, члены которой проживали в Закавказье, главным образом возле горы Арарат. Их называли сатанистами.

Спустя много лет после описанного случая я проделал специальный эксперимент с целью изучить этот феномен и убедился, что если вокруг езида начертить круг, то он и в самом деле не сможет из него выбраться, как бы ни старался. Внутри окружности движения человека не ограничены, и чем шире этот круг, тем больше пространство, по которому он может перемещаться, но пересечь эту магическую линию он не способен. Какая-то сверхъестественная сила, значительно превышающая физическую силу человека, удерживает его внутри.

Меня никак нельзя назвать слабаком, но я не смог вытащить из такого круга хрупкую женщину.

Когда езида пытаются вытолкнуть из круга насильно, он немедленно впадает в состояние, похожее на каталепсию, из которого выходит после того, как вновь окажется внутри круга. Но

если этого человека не вернуть в круг немедленно, то он приходит в себя только через тринадцать или двадцать один час.

Привести его в нормальное состояние раньше невозможно, по крайней мере, мне не удалось это сделать, несмотря на то, что я обладаю довольно глубокими познаниями в области гипноза и мне не раз приходилось выводить людей из состояния обычной каталепсии. Только особо просвещенные сектанты могут это сделать при помощи таинственных заклинаний.

Итак, несколько придя в себя, я отправился в русский квартал Александрополя, где жило большинство моих друзей и знакомых, в надежде на то, что они помогут мне разобраться в увиденном. Русский квартал был таким районом города, где жила местная интеллигенция.

Должен заметить, что примерно с восьмилетнего возраста, благодаря счастливому стечению обстоятельств, моими друзьями в Александрополе, а также и в Карсе, были люди не только старшие по возрасту, но и принадлежавшие к семьям, занимавшим более высокое социальное положение. В греческом квартале, где прежде жили мои родственники, у меня не было друзей. Все они жили в другой части города и были детьми офицеров, чиновников и духовенства. Я часто ходил к ним в гости и таким образом вскоре стал своим почти во всех домах этого квартала.

Помнится, первым человеком, с которым я обсуждал поразивший меня феномен, был мой близкий друг Ананьев. Он даже не дослушал до конца, заявив, что дети просто разыграли меня.

"Вы слишком наивны и доверчивы, вот они вас и провели. Но какие ловкие эти проказники!" - добавил он и пошел в соседнюю комнату, чтобы надеть форму перед уходом на службу. (В те дни Ананьев работал на почте.) Затем он предложил мне проводить его, но я отказался, сославшись на нехватку времени, а сам отправился к другому приятелю, жившему на той же улице. Павлов, так его звали, был бухгалтером и отличным парнем, несмотря на его любовь к крепким напиткам. У него я застал дьякона - отца Максима, офицера артиллерии Артемина, капитана Терентьева, учителя Стольмаха, и еще двоих, с которыми я не был знаком. Когда я вошел, они пили водку и предложили мне присоединиться к их компании.

Должен сказать, что я выпивал и раньше понемногу, и, когда мне предлагали, как в данном случае, я обычно не отказывался. Привычка к небольшим порциям водки возникла у меня после одного случая в Карсе. Однажды утром, после ночи, проведенной за чтением увлекательной книги, я собрался лечь спать, но неожиданно за мной зашел один солдат, который предложил мне отправиться в собор. В этот день должна была проходить служба, не помню, в честь чего, и в последний момент было решено вести ее в сопровождении хора певчих. Во все концы города за ними были посланы денщики и солдаты.

Не сомкнув глаз ни разу за всю ночь, я так устал, поднимаясь к расположению гарнизона по крутому склону, что едва передвигал ноги. После церковной службы был накрыт стол, и хормейстер, сам большой любитель выпить, видя мое состояние, предложил мне рюмку водки.

Выпив ее, я почувствовал себя гораздо лучше, а после второй рюмки всю мою усталость как рукой сняло. С тех пор, когда я уставал физически или нервничал, я выпивал одну-две рюмки водки.

В этот вечер я выпил только одну рюмку за компанию и больше не притрагивался к спиртному. Собравшиеся еще только приступили к выпивке, но я заранее знал, чем она закончится. Отец-дьякон, например, почему-то начинал петь зауспокойную Александру I. Другие вели себя не лучше. Учитывая ситуацию, я задал свой вопрос как бы в шутку.

Мою историю выслушали с большим интересом и наперебой начали высказывать свое мнение. Первым заговорил капитан, рассказавший, что он своими глазами видел нечто подобное: несколько солдат начертили на земле окружность вокруг одного курда, а тот со слезами на глазах начал умолять их стереть эту линию. И до тех пор, пока капитан не приказал

своим солдатам сделать это, курд не мог выбраться из круга.

"Я думаю, - добавил капитан, - что дали клятву никогда не выходить из замкнутого круга. Они не выходят из него не потому, что физически не в состоянии сделать это, а потому, что не хотят нарушать данную клятву".

А вот что сказал отец-дьякон: "Эти сатанисты прекрасно знают, что их господин не причинит вреда своей пастве, но они как бы соблюдают внешние приличия, демонстрируя, какой властью он над ними обладает. Дьявол ведет себя со своей паствой точно так же, как Филин со мной".

Филином звали жандарма, который стоял здесь же на углу и иногда за небольшое вознаграждение ходил за сигаретами для всей компании, когда в этом возникала необходимость.

"Положим, - продолжал отец-дьякон, - я окажусь на улице в сильном подпитии. Этот Филин как представитель власти должен немедленно арестовать меня и доставить в полицейский участок. Чтобы не вызвать нареканий прохожих, он для вида так и сделает, но как только мы зайдем за угол, отпустит меня на все четыре стороны, не забыв взять на чай". Офицер артиллерийских войск заявил, что никогда не слышал о подобном феномене и что, по его мнению, все это чушь. Он удивился, что интеллигентные люди могут в это верить и даже ломать голову над разъяснением подобной загадки.

Учитель Стольмах возразил, что убежден в существовании сверхъестественных явлений, найти объяснение которым современная наука не может, но с ее дальнейшим развитием существование метафизических сил непременно будет доказано. "Что касается вашего рассказа, я думаю, это один из магнетических феноменов, еще не изученный современными учеными". Он собрался еще что-то добавить, когда Павлов прервал его:

"Черт побери этих всех сатанистов. Дать им всем по бутылке водки, и тогда никакой дьявол не затащит их обратно в круг. Давайте выпьем за здоровье Исакова". (Исаков был владельцем местного винокуренного завода.)

Эта дискуссия нисколько не помогла мне понять, что же я видел собственными глазами. Наоборот, с этого момента я начал сомневаться в том, что мои друзья обладают глубокими знаниями.

На следующее утро я случайно встретил доктора Иванова, главного врача госпиталя тридцать девятого дивизиона. Его вызвали к больному армянину и он предложил мне пойти с ним в качестве переводчика. Доктор Иванов был в нашем городе очень уважаемым человеком и имел обширную практику. Я хорошо его знал, часто встречая у своего дяди. После окончания визита я сказал ему: "Ваше благородие (он был в звании генерала), пожалуйста, объясните мне, почему езиды не могут выйти из круга?" - "А, вы имеете в виду этих сатанистов? Это всего лишь проявление истерии". - "Истерии?" - переспросил я. - "Да, типичное истерическое состояние психики", - и он прочел мне небольшую лекцию об истерии. Все, что я смог узнать из этой лекции, это то, что такое истерия. Но я это знал и раньше, проштудировав к этому времени гору книг по нейрофизиологии и психологии, которые брал в библиотеке. Но ни эти книги, ни речь доктора Иванова не разрешили моих сомнений и не дали объяснения этому феномену.

Чем больше объяснений я слушал, тем труднее мне было понять, где истина и чему верить. Тому, что написано в книгах, или тому, что я видел собственными глазами.

Вскоре случилось другое происшествие, которое меня еще сильнее озадачило. Я шел к роднику, чтобы умыться, - я привык умываться по утрам ледяной водой - и увидел группу женщин, что-то оживленно обсуждавших. Подойдя к ним, я узнал, что в их квартале появился горнах - так называли злого духа, который вселялся в тела недавно умерших людей и в таком обличье совершал всяческие злодеяния, особенно досаждая врагам покойного.

И вот один из злых духов вселился в тело татарина, недавно скончавшегося и погребенного

всего день тому назад.

Я знал, что тот человек умер. Его дом был расположен возле дома, где прежде жили мои родители, и я часто ходил туда, чтобы получить плату с арендаторов.

Это был молодой человек, который недавно поступил в полицию. Несколько дней тому назад во время состязаний по джигитовке он упал с лошади и получил сильные внутренние повреждения. И хотя врач сделал все возможное, этот молодой человек скончался, и по татарским обычаям был в тот же день похоронен.

Вселившийся в его тело злой дух направлялся домой, когда кто-то, заметив его, поднял тревогу. Этот же человек, чтобы помешать злему духу причинить кому-либо зло, перерезал ему глотку и отнес обратно на кладбище.

Среди приверженцев христианской веры существовало убеждение, что духи вселяются в тела только умерших татар, так как, согласно обычаю, они зарывают гроб совсем неглубоко, и злему духу очень легко забраться в тело.

Происшествие ошеломило меня. Какое объяснение я мог придумать? Все обсуждали это событие, в том числе - мой дядя, уважаемый Георгий Меркуров, и его сын, недавно закончивший школу и служивший в полиции. Они были гораздо старше меня, пользовались уважением окружающих и знали столько всего, о чем я не имел ни малейшего понятия. Заметил ли я на их лицах негодование, горе или удивление? Нет, казалось, они даже рады, что кому-то удалось вовремя наказать злого духа, который так и не успел натворить бед.

Я опять засел за книги, надеясь, что с их помощью смогу удовлетворить свое любопытство. Богаевский, который очень помогал мне, к сожалению, вынужден был вскоре уехать, так как получил место капеллана в одном из гарнизонов Закавказья. Пока он жил в Карсе и был моим учителем, он удивлял меня тем, что заставлял исповедоваться каждую неделю, еще не будучи посвященным в сан. Перед отъездом он предложил мне еженедельно записывать мои исповеди и посылать ему в письмах. Он обещал иногда отвечать мне. Мы договорились, что мой дядя будет получать эти письма и передавать мне.

Через год после этого Богаевский прервал свою службу капеллана и ушел в монахи. Ходили слухи, что он это сделал из-за романа его жены с одним офицером. Выгнав жену, Богаевский отказался оставаться в этом городе и даже не захотел вести службы в соборе. Вскоре после его отъезда из Карса я уехал в Тифлис. К тому времени я получил от него всего два письма, после чего не имел никаких известий в течение нескольких лет.

Позже я случайно встретился с ним в Самаре, где он жил в доме местного епископа. Богаевский не сразу узнал меня, так как я за эти несколько лет повзрослел и очень изменился. Но когда я назвал себя, он очень обрадовался, и несколько дней подряд мы встречались и беседовали с ним. Затем нам обоим пришлось уехать из Самары.

Это была последняя моя встреча с Богаевским, больше я его никогда не видел. Только слышал, что он не захотел остаться в русском монастыре и уехал в Турцию, а затем, оставив монашество, направился в Иерусалим. Там Богаевский познакомился с одним торговцем четками, который оказался монахом Ессейского братства, и с его помощью вступил в это братство. Благодаря своей праведной жизни Богаевский сначала стал церковным старостой, а затем, несколькими годами позже, настоятелем одного из приходов братства в Египте. Его настолько ценили и уважали, что, когда умер один из помощников аббата, предложили занять это место.

Я узнал много интересного о его необыкновенной судьбе из рассказов одного турка-дервиша, который часто виделся с Богаевским и даже получил от него письмо, содержащее благословение. К письму было приложено несколько фотографий: на одной был изображен сам Богаевский в одеянии греческого монаха, на других были виды святых мест в окрестностях

Иерусалима.

Из наших частых бесед в Карсе я знал, что Богаевский, в те времена еще не принявший сана, имел свой особый взгляд на вопросы морали. Он говорил мне, что на земле существует два вида морали: всеобщая, сформированная самой жизнью в ходе тысячелетнего развития, и другая, субъективная, обслуживающая как отдельных индивидуумов, так и целые нации, семьи, социальные группы.

Всеобщая, объективная мораль, данная нам в заповедях Господа Бога, донесенная его пророками, стала почвой, на которой вырастает то, что мы называем совестью. И благодаря совести эта всеобщая мораль сохраняется на земле. Всеобщая объективная система ценностей не меняется, только шире распространяется по земному шару. Что касается субъективной морали, она изобретена людьми и поэтому относительна, различна у разных народов и социальных групп, и даже у отдельных людей. Она зависит от индивидуального или группового понимания добра и зла, господствующего в данный период времени в данном месте.

"Например, здесь, в Закавказье, - говорил Богаевский, - если женщина не закрывает лица, если она первая заговорит с гостем, окружающие будут считать ее непорочной, испорченной и плохо воспитанной. В России же напротив, если женщина закрывает лицо, если она неприветлива с гостем и не вступает с ним в разговор, ее будут считать невоспитанной, невежливой и неприятной.

Другой пример: если мужчина, живущий в Карсе, не ходит раз в неделю или в крайнем случае раз в две недели в турецкие бани, его знакомые начнут испытывать к нему неприязнь и даже отвращение и найдут, что от него очень плохо пахнет, хотя это может и не соответствовать истине. А в Санкт-Петербурге все наоборот: если человек из приличного общества даже намекнет на то, что он посещает баню, его сочтут некультурным, неинтеллигентным человеком. И если этот человек действительно любит попариться и хочет следовать этой привычке, он будет вынужден скрывать ее от окружающих как что-то постыдное, чтобы сохранить хорошую репутацию.

Очень хорошо иллюстрируют мою мысль два случая, о которых я тебе расскажу, - продолжал Богаевский. - Это происходило у нас в Карсе, и в свое время эти события привлекли всеобщее внимание. Первое - суд над лейтенантом К. и второе - самоубийство лейтенанта Макарова.

Лейтенант К. предстал перед трибуналом за избиение сапожника Иванова, в результате которого тот лишился глаза. Подсудимый был оправдан, когда судьи узнали в процессе расследования, что сапожник очень досаждал лейтенанту К. и распространял о нем порочащие его слухи.

Заинтересовавшись этим делом, я, несмотря на решение суда, провел собственное расследование, расспросив знакомых и родственников пострадавшего, чтобы лично удостовериться в том, каковы действительные причины поступка лейтенанта К.

Как я узнал, этот лейтенант заказал у сапожника сначала одну пару сапог, а потом еще две и обещал заплатить ему за работу в двадцатых числах месяца, когда будет получено жалованье. Так как деньги не были посланы в срок, сапожник пришел к лейтенанту с просьбой вернуть долг. Офицер обещал заплатить на следующий день, и так продолжалось довольно долго. Лейтенант кормил его обещаниями, не отдавая денег, однако Иванов не прекращал свои визиты, так как для него эти деньги были очень важны. Для того чтобы купить кожу для сапог, он потратил все свои сбережения, и ему нечем было кормить своих шестерых детей.

В конце концов приходы сапожника так надоели лейтенанту, что он приказал своему денщику гнать того взашей, а если он заявится снова, задать ему хорошую трепку.

Денщик, человек добродушный, не стал бить Иванова, как ему было приказано, а желая по-

дружески убедить его не раздражать хозяина, пригласил сапожника на кухню. Иванов присел, а денщик начал ощипывать гуся, предназначенного для жаркого. Видя это, сапожник заметил: "Ваш хозяин, не заплатив мне долга, ест каждый день жареных гусей, а мои дети пухнут с голоду!"

В это время лейтенант К. случайно зашел в кухню и услышал эти слова. Он в бешенстве схватил со стола свеклу и ударил Иванова в лицо так сильно, что выбил ему глаз.

Второй случай, - продолжал Богаевский, - так сказать, полная противоположность первому. Некий лейтенант Макаров не смог заплатить долг в установленный срок капитану Машвелову и поэтому застрелился. Следует сказать, что Машвелов был известным карточным шулером. Каждый день он кого-нибудь обыгрывал, и для всех было очевидно, что он не чист на руку. Некоторое время тому назад лейтенант Макаров сел играть в карты с другими офицерами, среди которых был и Машвелов, и не только проиграл все деньги, что имел при себе, но даже занял некоторую сумму у этого Машвелова, обещая вернуть ему их через три дня. Так как это была довольно большая сумма и он не смог достать столько денег к указанному сроку, Макаров застрелился, чтобы не запятнать честь офицера.

Оба эти события случились из-за денег. В первом случае должник выбил глаз своему кредитору, во втором случае должник предпочел застрелиться. Почему так вышло? Потому что знакомые Макарова стали бы презирать его, если бы он не заплатил карточного долга, тогда как в случае с долгом Иванову все было в порядке вещей, даже если бы его дети умерли с голоду. Своевременный возврат долга сапожнику не предусмотрен кодексом офицерской чести.

Такие события возможны потому, что люди забывают своим детям головы всеми мыслимыми и немыслимыми предрассудками и таким образом мешают самой природе развивать в них совесть".

Богаевский убеждал меня не поддаваться влиянию социальных и национальных предрассудков. Он говорил: "Настоящему человеку необходима настоящая, истинная мораль, которая исходит от совести и дана нам Господом Богом в заповедях.

Совесть повсюду одна: здесь, в Карсе, в Петербурге, в Америке, на Камчатке и на Соломоновых островах. Сегодня ты здесь, а завтра можешь оказаться в Америке, и если ты обладаешь истинной совестью и живешь в согласии с ней, то тебе всегда будет хорошо, где бы ты ни оказался. Ты еще очень юн, только начинаешь жить. Не беда, если кто-то говорит, что ты плохо воспитан, потому что ты не умеешь правильно поклониться или поддержать светскую беседу, - главное, чтобы в тебе развилась совесть, которая является фундаментом всеобщей объективной морали.

Субъективная мораль - вещь относительная, и если твоя голова забита понятиями, которые не имеют абсолютной ценности, тогда, повзрослев, ты будешь судить других людей несправедливым судом. Ты не должен жить по правилам, которые тебе навязывают окружающие в зависимости от их представлении о добре и зле, ты должен делать то, что говорит тебе твоя совесть.

Прислушивайся к голосу совести, и ты будешь знать больше, чем все книги и учителя вместе взятые, а пока твоя совесть еще не сформировалась, живи по заповедям учителя нашего Иисуса Христа: не делай другому то, чего не желаешь для себя".

Отец Евлиссий - один из немногих людей на земле, живущих по заповедям Великого Учителя Иисуса Христа. Может быть, его молитвы помогут тем, кто ищет пути истинного.

ЧАСТЬ IV. МИСТЕР ИКС, ИЛИ КАПИТАН ПОГОСЯН

Саркис Погосян, или, как его теперь называют, Мистер Икс, владеет несколькими пароходами, один из которых, курсирующий вокруг его любимых Соломоновых островов, он держит для своих собственных поездок.

Армянин по национальности, он родился в Турции, а детство провел в Закавказье, в городе Карсе.

Я познакомился и подружился с Погосяном, когда он еще был очень молодым человеком, заканчивающим обучение в теологической семинарии и готовящимся принять сан.

Задолго до первой встречи с ним я много о нем слышал от его родителей, которые жили недалеко от нас и часто приходили в гости к моему отцу. Я знал, что они имели только одного сына, который прежде учился в Ереване, а сейчас перевелся в теологическую семинарию в Эчмиадзине. Родители Погосяна были по национальности турками. Они перебрались в Карс из города Эрзурума вскоре после того, как он был захвачен русскими. Отец был по профессии красильщиком, мать вышивала золотом, особенно хорошо у нее получалась вышивка на поясах и других деталях национального армянского женского костюма. Живя очень скромно, они все деньги тратили на то, чтобы дать своему сыну хорошее образование.

Саркис Погосян редко приезжал к родителям, и мне не пришлось встретиться с ним в Карсе. Впервые я увидел его в Эчмиадзине. Прежде чем отправиться в этот город, я заехал в Карс повидать своего отца. Родители Погосяна, узнав, куда я собираюсь ехать, попросили меня передать их сыну посылку с бельем.

Я направлялся в Эчмиадзин, чтобы отыскать ответ на вопрос - существует ли сверхъестественное? Эта проблема продолжала меня интересовать.

Должен сказать, что, как я уже упоминал в предыдущей главе, увлекшись сверхъестественными явлениями, я погрузился в книги, чтобы там отыскать объяснение этому феномену. Не найдя ответа ни в книгах, ни у ученых, с которыми меня сводила судьба, я обратился к религии. Посещая монастыри, я знакомился с людьми, известными своим благочестием, читал Священное Писание и Жития святых и даже провел три месяца в монастыре у отца Евлалия. Еще я совершал паломничества к святым местам в Закавказье. В этот период времени я стал свидетелем целой серии феноменов, которые произошли на моих глазах и которым я не мог найти разумное объяснение. Все это не только не проясняло мне ум, но даже еще больше озадачивало.

Например, однажды, когда я вместе с группой паломников шел из Александрополя на религиозное празднество у подножия горы Джаджур, я стал свидетелем следующего инцидента.

Парализованный человек родом из маленького поселка Палдеван был посажен в повозку и по дороге разговорился со своими родственниками, которые его сопровождали.

Из их беседы я узнал, что паралитик, человек, которому не было и тридцати лет, болен в течение шести последних лет, но раньше он обладал исключительно хорошим здоровьем и даже был военным. Заболел он, возвратившись из армии, как раз перед своей свадьбой, вдруг потеряв чувствительность в левой половине тела. Несмотря на усилия всевозможных докторов и народных целителей ему не стало лучше. Больного возили в Минеральные Воды на Кавказе, а сейчас родные взяли его с собой, надеясь, что святой поможет и исцелит недуг. По дороге в святыя места мы сделали остановку в поселке Дискиант, как повелось у паломников, чтобы помолиться на чудотворную икону Спасителя, которая находилась в простой армянской семье.

Так как инвалид тоже хотел помолиться у иконы, он был внесен в этот дом с помощью родных.

Сразу после обеда мы отправились к горе Джаджур, на склоне которой находились маленькая церковь и чудотворная могила. По дороге нам пришлось остановиться на месте, где паломники обычно оставляли свои повозки и фургоны, следуя дальше пешком. Это расстояние примерно в четверть мили многие преодолевали босиком, в соответствии со здешними обычаями, или даже на коленях.

Когда паралитика сняли с повозки, чтобы нести наверх на руках, он внезапно запротестовал, сказав, что хочет добраться до святого места без посторонней помощи. Положенный на землю, он стал ползти, используя правую здоровую половину тела. Это было такое тяжелое зрелище, что у всех присутствующих на глазах выступили слезы. Но инвалид продолжал ползти, отвергая помощь окружающих. Наконец, часа через три, после многих остановок в пути, он добрался до могилы святого, которая находилась в центре церкви, и, поцеловав могильную плиту, сразу потерял сознание.

Родные стали хлопотать вокруг него, стараясь привести его в чувство: лили ему воду в рот, смачивали лицо. И как только он пришел в себя, случилось чудо - паралич прошел.

Сперва этот мужчина чуть не лишился рассудка от радости и, вскочив на ноги, стал плясать как сумасшедший, но опомнившись, громко вскрикнул и, распростершись на земле, стал молиться.

Все присутствующие со священником во главе последовали его примеру, упали на колени и стали возносить хвалу Господу. Затем священник благословил коленопреклоненных и, отправившись в храм, провел церковную службу, благодаря Всевышнего за чудесное исцеление.

Другой случай, поразивший меня не менее первого, произошел в Карсе. В том году стояла ужасная жара, начиналась засуха, охватывающая значительную область. Почти весь урожай сгорел, людям угрожал голод, возникла паника. Тем же летом из России приехал архимандрит с чудотворным образом - иконой Божьей Матери, чтобы собрать деньги для помощи грекам, пострадавшим в результате войны. Архимандрит останавливался главным образом в тех местах, где существовали греческие диаспоры, поэтому не минул и Карс. Не знаю, было ли это связано только с религией или здесь примешалась политика, но русская община также приняла в этом участие, устроив ему горячий прием и оказывая всяческие почести.

Когда архимандрит прибывал в какой-либо город, икона переносилась из церкви в церковь, и духовенство выходило встречать ее с хоругвями, подчеркивая исключительность этого события.

На следующий день после того, как архимандрит прибыл в Карс, прошел слух, что перед иконой Божьей Матери будет проведена специальная служба. В этой службе, которая должна была состояться за городом, примет участие весь церковный клир Карса, прося послать дождь жаждущей земле. И в самом деле, в тот же день из всех церквей города в условленное место в окрестностях Карса отправились церковные процессии с хоругвями и иконами. В этой церемонии приняло участие духовенство греческой церкви, недавно восстановленной, церкви стоящего здесь кубанского полка, а также армянской церкви.

В этот день стояло настоящее пекло. В присутствии почти всего населения Карса духовенство провело службу, после которой все отправились обратно в город. И тут произошло то, что невозможно объяснить с точки зрения здравого разума. Небо внезапно покрылось облаками, и, прежде чем люди успели добраться до города, разразился чудовищный ливень, который вымочил всех до нитки.

Объясняя феномены подобного рода, люди обычно употребляют стереотипное слово "совпадение", которое особенно любят в среде так называемых думающих людей. Но нельзя отрицать, что это "совпадение" было уж слишком невероятным.

Третий случай, о котором я хочу рассказать, имел место в Александрополе в то время, когда моя семья ненадолго возвратилась сюда и жила в нашем старом доме. По соседству проживала моя тетья. Одну из квартир в ее доме снимал татарин, работавший в местной управе секретарем. Он жил вместе со старой матерью и младшей сестрой, а недавно женился на красивой девушке - татарке из соседнего городка Карадаг. Поначалу все у них шло прекрасно. Но когда через сорок дней после свадьбы молодая женщина по обычаю отправилась погостить у своих родителей, она, видимо, сильно простудилась и, вернувшись, внезапно почувствовала себя плохо. Семья мужа окружила ее заботой, но несмотря на то, что к ней приглашали лучших врачей, среди которых, как я припоминаю, был главный врач Карса Резник и бывший военврач Кильчевский, состояние молодой женщины продолжало ухудшаться. Мой знакомый медбрат ежедневно по указанию доктора Резника приходил к ним, чтобы делать больной инъекции. Этот человек, чьего имени я, к сожалению, не помню, часто заходил ко мне, выполнив свои обязанности.

Однажды утром он зашел ко мне, когда я вместе с матерью пил чай. Мы пригласили его к столу, и во время беседы я среди прочего поинтересовался, как чувствует себя больная, и был очень огорчен его ответом. Оказалось, что у больной женщины скоротечная чахотка и дни ее сочтены.

Во время нашего разговора в комнату вошла старая женщина, свекровь больной, и попросила позволения у моей матери собрать несколько роз в нашем небольшом садике. Со слезами на глазах она рассказала, что Мариам Ани - так татары называют Деву Марию - явилась больной женщине во сне и велела ей собрать лепестки роз, сварить их в молоке и выпить этот отвар. Не перечая больной, старая женщина решила так и сделать. Услышав это, помощник доктора не смог скрыть улыбки.

Моя мать, конечно, разрешила нарвать роз в нашем саду, и сама пошла помочь ей в этом. Когда мой знакомый ушел, я тоже отправился в сад, чтобы предложить свою помощь.

Каково же было наше удивление, когда на следующее утро по дороге на базар я увидел эту молодую женщину в сопровождении ее свекрови, идущую в армянскую церковь, где была чудотворная икона Божьей Матери, чтобы возблагодарить ее за ниспосланное чудесное исцеление. А еще через неделю она вовсю хлопотала по хозяйству. Доктор Резник назвал это случайностью и вспомнил, что подобное уже встречалось в его врачебной практике.

Эти случаи, свидетелем которых я оказался, а также и многие другие, о которых я много слышал во время своих странствий, указывали на существование сверхъестественных явлений, которые ни в коем случае не могут быть объяснены с помощью точных наук, которые исключают возможность чего-либо подобного.

Эти противоречия лишили меня душевного покоя, потому что доказательства, приводимые сторонниками обеих точек зрения, были достаточно убедительными. Я продолжал свои исследования по этой проблеме, надеясь, что когда-нибудь я найду истину.

Попытка разгадать эту загадку и привела меня в Эчмиадзин или, как его еще называют, Вагаршапат. Для армян он то же самое, что Мекка для мусульман и Иерусалим для христиан. Это резиденция католикоса Армении, а также центр армянской культуры, где ежегодно проходят грандиозные религиозные празднества и куда стекаются паломники как из разных уголков Армении, так и со всего мира. Уже за год до начала этого праздника все окрестные дороги запружены толпами паломников, идущих пешком, путешествующих на повозках и фургонах на лошадях и ослах.

Я шел пешком в группе других паломников из Армении, погрузив свои пожитки на подводу молокан.

Добравшись до Эчмиадзина, я, согласно обычаю направился поклониться святым местам, а затем пошел в город, чтобы подыскать себе жилье. Но меня постигла неудача, так как все

постоялые дворы (отелей тогда еще не существовало) были переполнены паломниками. Поэтому я решил, как делали многие, расположиться на ночлег под повозкой, которая была оставлена возле города. Но было еще рано, и я отправился к Погосяну, чтобы выполнить данное мне поручение и передать ему посылку с вещами.

Он жил неподалеку от самого большого постоянного двора, в доме своего дальнего родственника архимандрита Сурениана. К счастью, я застал его дома. Это был совсем еще молодой человек, мой ровесник, - очень смуглый, среднего роста, с небольшими аккуратными усиками. В его глазах таилась печаль и в то же время полыхал внутренний огонь. Правый глаз слегка косил. В целом он производил впечатление физически слабого, робкого человека.

Погосян начал расспрашивать меня о своих родителях, а затем, узнав, что я не нашел себе пристанища, предложил поселиться у него.

Я с благодарностью согласился и сразу же пошел за своими пожитками, оставленными в повозке молокан. Когда я с помощью Погосяна соорудил себе постель, за нами пришли, чтобы пригласить на ужин к отцу Сурениану, который встретил меня очень приветливо и много расспрашивал как о родителях Погосяна, так и о жизни в Александрополе.

После ужина я в сопровождении Погосяна пошел осмотреть город и поклониться святым реликвиям. Должен сказать, что во время празднества город не спит всю ночь, улицы полны людей и кофейни открыты.

Весь этот вечер и все последующие дни я провел в обществе Погосяна. Он водил меня повсюду, так как знал город и его окрестности. Мы посещали места, куда не допускаются обычные паломники и даже побывали в Канзане, где хранятся сокровища города и куда очень трудно попасть.

Общаясь с Погосяном в течение нескольких дней, я понял, что у нас с ним очень много общего, волновавшие меня вопросы интересовали и его. Постепенно наши беседы становились все доверительнее и сердечнее, завязалась настоящая дружба.

Погосян должен был вскоре закончить учебу в теологической семинарии и через два года принять сан, но его это нисколько не прельщало. Он питал сильную неприязнь к людям, среди которых ему приходилось жить.

Когда мы подружились, он рассказал мне о многих скрытых сторонах жизни церковного клира. Сама мысль, что, приняв сан, он должен будет жить в таком окружении, доводила его до отчаяния.

Проведя в Эчмиадзине три недели, я все это время жил в доме архимандрита Сурениана и таким образом имел возможность лично беседовать с ним, обсуждая вопросы, которые меня интересовали. Я общался также с монахами, с которыми он меня познакомил. Но я, затратив довольно много времени, не нашел ответа на мучившие меня вопросы и в конце концов понял, что здесь мне их не найти.

Расстались мы с Погосяном друзьями, пообещав писать друг другу и обмениваться своими идеями и наблюдениями, касающимися вопросов, которые интересовали нас обоих.

Однажды Погосян приехал в Тифлис, где я в это время жил, и пришел повидаться со мной. Он окончил теологическую семинарию и должен был жениться только ради того, чтобы получить церковный приход. Его родители уже нашли ему невесту, но он все еще колебался, не зная, на что решиться. Эти дни он провел, запоем читая книги, которыми я его снабжал. Когда я возвращался домой с работы (я был кочегаром на тифлисской железной дороге), мы много гуляли по пустынным окрестностям города и говорили, говорили.

Во время одной из прогулок я в шутку предложил Погосяну пойти работать на железную дорогу и был очень удивлен, когда на следующий день он заявил, что согласен, и попросил меня помочь ему устроиться туда. Я не стал его отговаривать и дал ему записку к моему другу

инженеру Ярославу, который сразу же рекомендовал его железнодорожному мастеру И таким образом Погосян получил место помощника слесаря.

Так продолжалось до октября. Погосян не собирался возвращаться к прежней жизни. Однажды в доме Ярослава я познакомился с его знакомым инженером Васильевым, который только что приехал на Кавказ вести разведывательные работы на маршруте проектируемой железнодорожной ветки между Тифлисом и Караклисом. После нескольких дней знакомства Васильев предложил мне отправиться вместе с ним в качестве переводчика. Предложенное жалование было очень соблазнительным, так как в четыре раза превышало то, которое я теперь получал. К тому же моя нынешняя работа отнимала у меня очень много сил и времени. Я предложил Погосяну отправиться вместе с нами, подобрав себе подходящую должность, но он ответил отказом, так как был весьма заинтересован своей теперешней работой и хотел ее сохранить.

Я был в экспедиции в течение трех месяцев. Мы облазили все долины между Тифлисом и Караклисом, и мне за это время удалось неплохо заработать, так как кроме официального жалования я имел еще несколько побочных источников дохода, несколько сомнительных. Заранее зная, через какие населенные пункты пройдет проектируемая железнодорожная ветка, я посылал своего доверенного человека к представителям местной власти этих аулов или городков и предлагал им "устроить" так, чтобы железная дорога была проложена через них. Как правило, мои предложения принимались и я получал за эту "услугу" соответствующее вознаграждение, временами составлявшее весьма значительную сумму.

К тому времени, когда я возвратился в Тифлис, оказалось, что я достаточно обеспечен материально для того, чтобы иметь возможность посвятить себя полностью изучению сверхъестественных явлений, которые меня так интересовали.

Погосян, между тем, став слесарем, также имел теперь больше свободного времени, которое он посвятил чтению. С недавних пор он начал особенно интересоваться древнеармянской литературой поглощая огромное количество книг на эту тему.

Мы одновременно пришли к выводу, что наши предки знали "нечто" и что это знание утеряно безвозвратно. Современная наука не имеет ключа к разгадке этой тайны. Разочаровавшись в современной научной литературе и не находя ответов на многие вопросы, мы направили все свое внимание на древнюю литературу. Получив возможность работать с огромным собранием старинных книг, мы почерпнули много нового. Мы решили поехать в Александрополь и найти там тихое уединенное место, где могли бы полностью посвятить себя чтению древних книг. Мы выбрали древние развалины города Ани, расположенные в тридцати милях от Александрополя, и поселились здесь, среди руин, построив хижину и покупая еду в ближайших аулах и у пастухов.

Ани стала столицей империи Багратидов в 961 году, была завоевана византийцами в 1046 году и уже к тому времени называлась Городом Тысячи Церквей. Позже она была захвачена турками-сельджуками; между 1125 и 1209 годами пять раз захватывалась Грузией; в 1239 году была завоевана монголами и в 1313 была полностью разрушена в результате землетрясения. Среди руин находятся развалины резиденции Патриарха, построенной в 1010 году, развалины двух церквей также одиннадцатого века и церковь, возведенная около 1215 года.

Не могу обойти молчанием факт, который может заинтересовать моих читателей. Приведенные здесь даты, относящиеся к армянской столице Ани, - это единственная информация, которую я взял из официальных источников. Это мое первое и последнее обращение к энциклопедии.

Существует древняя легенда, объясняющая, почему этот город, названный сначала Городом Тысячи Церквей, впоследствии стал называться Городом Тысячи и Одной Церкви. Как-то раз

жена одного пастуха пожаловалась мужу, что шум и суета, которую создают в церкви толпящиеся прихожане, мешают ей полностью отдать себя молитве. И этот пастух, вняв жалобам жены, построил для нее особую церковь. Должен отметить, что в те времена слово пастух имело несколько иное значение. Прежде пастухи владели теми стадами, которые они пасли, и часто были очень богатыми людьми. Когда этот человек закончил строительство церкви, он назвал ее Церковью жены пастуха Пиу, и с тех пор Город Тысячи Церквей стал называться Городом Тысячи и Одной церкви. Согласно другим источникам, задолго до того как пастух построил свою собственную Церковь, в этом городе было более тысячи церквей. Но найденный в результате раскопок камень с надписями подтверждает истинность истории о богатом пастухе и его набожной жене.

Живя среди руин этого древнего города и проводя все время за чтением и обсуждением прочитанного, мы иногда для отдыха проводили раскопки в надежде найти что-нибудь интересное, так как среди развалин Ани было много подземных ходов. Однажды мы с Погосяном, копая в одном из таких подземелий, обнаружили место, где характер грунта изменялся, и, пробиваясь дальше, открыли узкий проход, конец которого был завален камнями. Разобрав этот завал, мы увидели маленькую комнату с арками, согнувшимися от времени. Это была монастырская келья, почти пустая, с полом, засыпанным черепками простой глиняной посуды и древесной трухой, несомненно являвшейся остатками деревянной отделки. Не сразу в некоем подобии ниши мы обнаружили груды древних пергаментов. Некоторые из них полностью превратились в пыль, другие более или менее сохранились. С предельной осторожностью мы отнесли их в нашу хижину и попытались прочесть. Оказалось, что они были заполнены надписями на языке, который сперва показался нам армянским, но тем не менее мы ничего не смогли прочесть. Я владел армянским в совершенстве, как и Погосян, и все-таки наши попытки разобраться в этих надписях оказались безуспешными, так как это был древнеармянский, имеющий мало общего с современным армянским языком. Пергаменты так заинтересовали нас, что мы спешно вернулись в Александрополь, захватив их с собой, и провели много дней и ночей за их расшифровкой. Наконец, ценой огромных усилий, постоянно консультируясь со знатоками древнеармянского языка, нам удалось кое-чего добиться. Оказалось, что это письма, посланные одним монахом другому, некоему отцу Арему. Нас особенно заинтересовало одно из них, носившее загадочный характер. К сожалению, этот пергамент был значительно поврежден и некоторые слова прочесть было абсолютно невозможно, но мы добились немалого успеха в расшифровке письма. Нас больше всего заинтересовал конец, а не начало этого исторического документа. Начинаясь обычным длинным приветствием, оно заканчивалось пожеланием счастья и благополучной жизни в некоем монастыре, где, как можно было предположить, тогда жил отец Арем. Одно сообщение в конце этого письма особенно привлекло наше внимание. Вот оно: "Наш почтенный отец Телвант наконец узнал правду о Сармунгском братстве. Их монастырь действительно существовал возле города Сирануша пятьдесят лет тому назад, и во время переселения народов они также мигрировали и осели в долине Изрумун в трех днях пути от Нивси". Далее автор переходил на другие, менее интересные темы.

Нас больше всего поразило то, что слово "Сармунг", встречавшееся в книге под названием "Меркават", - это, оказывается, название известной эзотерической школы, которая, согласно историческим источникам, была образована в Вавилоне не менее чем за 2500 лет до Рождества Христова, а также процветала где-то в Месопотамии в шестом-седьмом веках нашей эры. Больше никаких сведений о ней не существует.

Ее эзотерическое учение, концентрируя в себе огромные знания, содержит ключ к разгадке многих тайн. Мы с Погосяном давно заинтересовались этим учением и мечтали найти более

полную и достоверную информацию о нем. И вот, неожиданно для себя, натолкнулись на упоминание об этой эзотерической школе в древних пергаментях. Но кроме упоминания о ней в этом письме не было никакой информации, и мы так и не узнали ничего нового.

Посвятив еще несколько дней упорным поискам, мы установили следующее. Примерно в шестом или седьмом веках потомки ассирийцев айсоры были переселены византийцами из Месопотамии в Персию. Возможно, это произошло как раз в тот период, когда было написано это письмо. И мы смогли установить, что современный город Мосул, прежняя столица государства Ниеви, назывался в те времена Нивси, и что в настоящее время население этого города и его окрестностей состоит главным образом из айсоров. Если эта эзотерическая школа действительно существовала в тот период, то это могла быть только айсорская школа. И если имеются последователи этого учения, то искать их нужно среди айсоров. Принимая во внимание указанное в пергаменте расстояние, равное трем дням пути от города Мосул, мы определили, что это место должно находиться где-то между Урмией и Курдистаном, и надеялись отыскать его без особых усилий. Поиск этого места стал целью нашей жизни.

Айсоры, как я уже упоминал, происходили от ассирийцев, теперь рассеянных по всему миру. Многие из них проживают в Закавказье, евро-западной Персии и восточной Турции, а также по всей Средней Азии. Считается, что всего их около трех миллионов. Большинство из них несториане, то есть не признают божественности Иисуса Христа, остальные - ваххабиты, католики, грегориане. Есть среди них и сатанисты, которых, однако, немного.

Айсоры живут в основном в небольших аулах, властные функции в которых выполняют духовные лица; несколько аулов составляют клан, находящийся под управлением князя или, как его здесь называют, мелика. Все мелики подчиняются патриарху, чья власть является наследственной, переходящей от дяди к племяннику и ведущей свое начало, как принято считать, от Симона, брата Иисуса Христа. Следует упомянуть, что айсоры сильно пострадали в первой мировой войне, будучи пешками в руках русских и английских политиков. Каждый второй айсор был убит из мести курдами и персами, а оставшиеся в живых спаслись только благодаря действиям американского консула. Если этот благородный человек еще жив, по моему мнению, у его дверей следует поставить почетный караул айсоров, а если его уже нет с нами, он заслуживает памятника на своей родине.

В то время, когда мы с Погосяном собирались отправиться в экспедицию, среди местных армян набирало силу политическое движение на национальной основе. На устах каждого армянина были имена людей, воевавших за освобождение Армении, особенно часто упоминалось имя юного Андроника, который позже стал национальным героем.

Повсеместно среди турецких и персидских, а также среди русских армян формировались политические организации, которые, однако, не смогли объединиться. Проводимая извне политика, принципом которой был девиз "разделяй и властвуй", вносила раздор в ряды сторонников национального освобождения.

Однажды ранним утром, когда я, как обычно, отправился купаться на реку Арпачай, на полдороге меня нагнал Погосян, сообщивший, что Армянский комитет намеревается, отобрав добровольцев из числа членов партии, послать их в Моуш со специальной миссией.

"Мне пришло в голову, - продолжал Погосян, - что мы могли бы воспользоваться этим обстоятельством в своих целях, то есть для того, чтобы отыскать дорогу в Сармунгское братство".

Я перебил его, напомнив, что, во-первых, мы не являемся членами партии, и во-вторых... Но он не дал мне договорить, объяснив, что знает, как все это можно будет устроить, и все, что ему теперь нужно знать - согласен ли я с этим планом.

Я ответил, что главное попасть туда, куда мы стремимся, и что меня не интересует, при

каких обстоятельствах это произойдет. Чтобы попасть в долину, которая когда-то называлась Изрумин, я согласен продать свою душу дьяволу или даже священнику Власову. Погосян знал, что я терпеть не мог этого человека, и старался, чтобы нас с ним всегда разделяло расстояние не меньше мили.

"Если вы это можете устроить, - продолжал я, - действуйте, как считаете нужным, а я заранее согласен на все, если в результате мы сможем попасть туда, куда стремимся".

Не знаю, что предпринял Погосян, но в результате мы получили для выполнения специальной миссии письма к доверенным лицам, некоторую сумму в русской, турецкой и персидской валюте, а также рекомендательные письма к людям, живущим в местах, через которые мы будем проходить. Итак, мы двинулись из Александрополя в направлении Кагишмана и через два дня достигли берега реки Араке, естественной границы между Россией и Турцией. Перебравшись через нее с помощью нескольких курдов, высланных нам на помощь, мы решили, что главные трудности позади и дальше все обойдется гладко.

Мы путешествовали в основном пешком, останавливаясь на ночлег у пастухов и тех людей, к которым имели рекомендательные письма.

Хотя мы по мере возможности выполняли возложенную на нас миссию, но ни на одну минуту не забывали о главной цели нашего путешествия, маршрут которого не всегда совпадал с тем, который был нам предписан людьми, пославшими нас, и не испытывали при этом угрызений совести.

Миновав границу с Россией, мы решили идти через Эгрисский хребет. Это был самый трудный путь, но он давал нам шанс избежать встреч с бесчисленными вооруженными бандами курдов и турок, преследующими армян. Перейдя через перевал, мы повернули на юг к озеру Ван, оставив справа истоки рек Тигр и Евфрат.

Во время нашего путешествия мы пережили тысячи приключений, я не буду останавливаться на них, но одно происшествие до сих пор вспоминается мне. Это случилось много лет тому назад, и теперь воспоминания вызывают веселую улыбку, хотя опасность, грозившая нам тогда, была очень серьезной.

Впоследствии я не раз попадал в ситуации, которые могли закончиться для меня катастрофой: мне приходилось стоять под прицелом, в буквальном смысле этого слова, сталкиваясь на горной тропе с вышедшим на охоту туркестанским тигром, но то, о чем я хочу сейчас рассказать, было и страшным и комическим одновременно. Мы шли, что-то беззаботно напевая себе под нос, когда неизвестно откуда на дорогу выскочила огромная собака, за ней другая, третья... всего около пятнадцати, и, окружив нас, стали лаять и прыгать. Погосян инстинктивно подобрал камень и швырнул в них, после чего они сразу же бросились на нас. Это были курдские овчарки, огромные злобные животные, и они в мгновение ока разорвали бы нас, если бы я не толкнул Погосяна на землю, заставив его сидеть неподвижно, и сам немедленно не сделал бы то же самое. Собаки успокоились и сели вокруг нас.

Когда через некоторое время мы пришли в себя и смогли осознать комизм этой ситуации, то расхохотались. Действительно, было очень смешно: пока мы сидели на земле, собаки тоже сидели, они даже с удовольствием ели хлеб, который мы бросали им, но как только мы пытались встать, они с рычанием бросались на нас. Через несколько часов нам было не до смеха. Все наши попытки подняться с земли заканчивались одинаково, и мы решили не рисковать больше и покорно ждать избавления извне. Не знаю, сколько еще мы оставались бы в таком жалком положении, если бы в отдалении не показалась маленькая курдская девочка, которая, ведя в поводу ослика, собирала кизяк. Делая различные знаки, нам, к счастью, удалось привлечь ее внимание. Поняв, что случилось, она убежала за пастухом - хозяином этих собак, который находился за ближайшим холмом. Он отозвал животных, но, когда мы, дождавшись, пока они

отойдут на достаточное расстояние, решились наконец встать, эти злобные твари косились на нас, скаля огромные зубы.

Наша надежда на то, что, перебравшись через Аракс, мы избавимся от большинства опасностей, оказалась иллюзией. Как раз теперь и начинались настоящие трудности. Мы находились в районе, населенном настоящими айсорами, где армянину встреча с людьми грозила большей опасностью, чем встреча с собаками. В этой местности все нации объединились, чтобы преследовать армян. Но выдавать себя за персов или турков тоже было небезопасно. Лучше всего было бы притвориться русскими или евреями, но наша внешность не позволяла нам этого. Выдать себя за иностранцев - тоже было бы не лучшим решением: из достоверных источников я знал, что недавно с нескольких англичан заживо содрали кожу только за то, что они вели археологические изыскания.

После длительной дискуссии мы решили назваться кавказскими татарами и, внеся в наши одежды необходимые изменения, продолжили свой путь.

Ровно через два месяца после переправы через Аракс, мы добрались до города Z, за которым, перейдя через ущелье, нам следовало повернуть к границам Сирии. Но где-то здесь, в окрестностях знаменитого водопада, мы надеялись отыскать место, которое было истинной целью нашего долгого путешествия. Мы имели достаточно времени, чтобы адаптироваться к трудностям, с которыми постоянно сталкивались, и все происходило гладко, пока не случилось происшествие, которое заставило изменить все наши планы.

Однажды во время привала, когда мы подкреплялись соленой рыбой, захваченной в дорогу, Погосян внезапно вскочил, издав крик. Я с ужасом увидел рядом с ним большую желтую фалангу. Убив ее, я занялся пострадавшим. Он был укушен в ногу. Я знал, что укус этого насекомого, принадлежащего к роду тарантулов, часто заканчивается смертью, и разрезал одежду на уровне укуса, чтобы отсосать яд из ранки. Но вспомнил, что это может оказаться опасным и для меня, если у меня на губах или во рту окажется хоть малейшая царапинка. Приняв во внимание все это, я выхватил нож и сделал разрез на ноге в месте укуса. Из-за моей неопытности и волнения разрез оказался слишком глубоким. Немного успокоившись, так как опасность летального исхода миновала, я промыл и перевязал рану, стараясь сделать все как можно тщательнее. Рана была довольно глубокой, из-за сильной потери крови возможны были разные осложнения. О продолжении путешествия не могло быть и речи, нужно было решать, что делать дальше.

Обсудив ситуацию, мы пришли к выводу, что эту ночь мы проведем здесь, а утром поищем возможность попасть в город N, что в тридцати милях отсюда, где живет священник, которому мы должны доставить послание. Мы не сделали этого прежде, потому что город N лежал в стороне от маршрута, который вел нас к нашей истинной цели.

На следующий день с помощью одного старого курда, случайно проходившего мимо и оказавшегося очень дружелюбным человеком, мы наняли в ближайшем поселке двуколку, запряженную двумя волами, которые применяются здесь для перевозки навоза, и, положив на нее Погосяна, отправились в город N. Дорога заняла у нас почти двое суток, так как приходилось останавливаться через каждые четыре часа, чтобы накормить волов. Добравшись до города, мы сразу отправились к армянскому священнику, которому должны были передать письмо. Он встретил нас очень радушно, когда узнал, какое несчастье случилось с Погосяном, то предложил нам остановиться у него в доме. Мы с благодарностью приняли это предложение, так как у пострадавшего поднялась температура, нагноилась рана и ему требовался тщательный уход. Обстоятельства сложились так, что нам пришлось пользоваться гостеприимством этого доброго человека в течение целого месяца.

Живя столько времени под одной крышей с этим священником, мы подружились с ним и

часто вели беседы на различные темы. Однажды он рассказал мне, что обладает одним древним пергаментом, с которым связана очень интересная история. Этот пергамент, на котором изображено нечто напоминающее карту какой-то местности, хранился в их семье с незапамятных времен, передаваясь из поколения в поколение, и достался нашему священнику от его прадеда.

"Год тому назад, - продолжал свой рассказ священник, - какой-то незнакомец пришел ко мне в дом и попросил показать ему пергамент. Я удивился тому, что он знает о существовании этой карты, и так как все это показалось мне довольно подозрительным, сначала отказал ему и даже отрицал наличие у меня этой вещи. Но незнакомец продолжал настаивать, и я сдался. Он тщательно изучил пергамент и затем спросил, не могу ли я продать его за двести турецких фунтов. Эта сумма была очень значительной, но я не нуждался в данный момент в деньгах и отказал, не желая расставаться с вещью, которая была мне дорога как память о моих предках.

Этот человек остановился на ночлег в доме нашего бея, и на следующее утро слуга бея пришел ко мне и от имени того незнакомца предложил мне за пергамент пятьсот фунтов.

Должен сказать, что, оставшись в одиночестве и размышляя об этом деле, я приходил во все большее замешательство. Было очевидно, что этот человек проделал большой путь, чтобы добраться сюда, к тому же мне было непонятно, как он узнал о существовании этого пергамента, и наконец, был загадочен тот интерес, который незнакомец проявлял к этому документу. Все это убедило меня в том, что я обладаю очень ценной вещью. И хотя предложенная сумма в пятьсот фунтов, конечно же, соблазняла меня, я все же колебался, опасаясь уступить вещь дешевле, чем она на самом деле стоит. И, желая проявить осторожность, снова отказался от этой сделки.

Вечером незнакомец снова посетил меня, на этот раз в сопровождении самого бея, и повторил свою просьбу, предлагая мне пятьсот фунтов, на что я ответил категорическим отказом. Но из уважения к бею я пригласил обоих собеседников в дом и угостил их кофе. В ходе беседы выяснилось, что подозрительный незнакомец был русским князем, который интересовался античными редкостями, и так как мой пергамент отлично дополнил бы его богатую коллекцию, он и предлагал мне такую сумму, которая, по его мнению, значительно превышала реальную стоимость вещи.

Бей, заинтересовавшийся этим разговором, выразил желание посмотреть на вещицу, за которую предлагали такую большую сумму. Когда я принес пергамент и показал ему, он был очень удивлен, что какой-то свиток с непонятными надписями может стоить так дорого. Во время дальнейшей беседы князь внезапно спросил меня, за какую сумму я могу позволить ему снять копию с этого документа. Я затруднился с ответом на это неожиданное предложение, испугавшись, что лишился выгодного покупателя. Тогда он сказал, что согласен заплатить двести фунтов за снятие копии. Я постеснялся торговаться, так как считал, что он предлагает мне значительную сумму буквально ни за что. Только подумайте: я получаю двести фунтов, при том, что пергамент остается у меня. Конечно же, я охотно согласился.

На следующее утро, когда князь зашел ко мне, мы разложили на столе пергамент и, покрыв разведенным в небольшом количестве воды порошком алебаstra его смазанную маслом поверхность, сняли копию. Тщательно завернув полученный список в кусок материи, князь расплатился со мной и ушел. Так что Господь по милости своей послал мне двести фунтов и позволил оставить у себя эту семейную реликвию".

История, рассказанная армянским священником очень заинтересовала меня, но я не подал и вида, и, поговорив о чем-то другом, как бы между прочим попросил показать мне эту вещицу, которую оценивают так дорого. Священник принес в церковь пергамент. Развернув его, я сначала не мог разобрать то, что на нем было изображено, но, приглядевшись получше, чуть не завопил от восторга. Господи! Я никогда не забуду то, что почувствовал в это мгновение.

Стараясь скрыть свое волнение, я держал в руках древнюю карту места, которое я искал столько месяцев, о котором грезил долгими бессонными ночами. Мне стоило огромных усилий сдерживать дрожь в руках и продолжать вести светскую беседу. Когда священник вновь свернул этот свиток и удалился, я, печально глядя ему вслед, пожалел, что не был богатым русским князем и не мог заплатить двести фунтов за снятие копии.

Но желание иметь у себя эту карту было так велико, что я решил получить копию любой ценой. К этому времени Погосян чувствовал себя гораздо лучше. С нашей помощью выходя на террасу, он часами просиживал на ней, любуясь окрестными видами. Я попросил его сообщить мне, когда священник надолго отлучится, и, тайно пробравшись в дом, сумел переснять все, что изображалось на пергаменте, с помощью полупрозрачной бумаги. Завладев этой копией, я тщательно зашил ее в подкладку своей одежды, горя желанием немедленно отправиться к месту, указанному на карте, и не думая больше ни о чем другом.

Некоторые назвали бы мой поступок в отношении гостеприимного армянского священника предосудительным, но я полагаю, что он заслуживает некоторого снисхождения, учитывая страсть, которая меня на него толкнула.

Я убедил Погосяна в том, что нам лучше не скупиться и купить пару лошадей местной породы, выездных под седло, которые обладали очень плавной размашистой рысью, и отправиться в направлении сирийской границы. В дороге мы смогли по достоинству оценить характерную особенность этой породы. Пустив их во весь опор, можно было держать в руке полный стакан воды и не расплескать ни капли, так плавно они неслись.

Я не буду описывать наше путешествие во всех подробностях, скажу только, что ровно через месяц после того как мы покинули дом гостеприимного армянского священника, нам удалось добраться до города Смирны, где вечером того же дня стали участниками события, ставшего поворотным пунктом в судьбе Погосяна.

Для того чтобы хорошенько отдохнуть, развлечься и вознаградить себя за все перенесенные трудности, мы решили вечером отправиться в один из греческих ресторанов. Там, не спеша попивая знаменитую дузику и закусывая разнообразными вкусными блюдами из рыбы и мяса, мы мирно беседовали, вспоминая то, что пережили во время странствий. Кроме нас в ресторане было довольно много посетителей, в основном моряков с иностранных кораблей, стоящих в гавани. Они вели себя довольно шумно, и было видно, что это не первое заведение, в котором они побывали в этот день.

Между моряками, сидевшими за разными столами и представлявшими разные страны, время от времени возникали ссоры, которые начинались с обмена соответствующими ругательствами на греческом и итальянском языках, а затем перерастали в драку. Не помню, какая именно фраза вызвала такую бурную реакцию, но внезапно большая группа моряков, сидевших за соседним столом, с криками ярости и со сжатыми кулаками бросилась на своих обидчиков. В мгновение ока началось настоящее сражение. Погосян и я, также возбужденные в результате обильных возлияний, присоединились к той стороне, которая была в меньшинстве, даже не интересуясь, кто из них прав, а кто виноват. Когда не участвовавшие в потасовке посетители ресторана вместе со случайно проходившим мимо военным патрулем наконец растащили дерущихся, всем изрядно досталось. Мой левый глаз украшал огромный синяк, а Погосян, сыпя проклятиями на армянском языке, пожаловался на невыносимую боль в груди.

Когда, по выражению моряков, "буря угасла", мы решили, что для одного вечера приключений вполне достаточно, и поплелись домой. Нельзя сказать, что мы были очень болтливы в дороге. Мой заплывший, нераскрывающийся глаз и поврежденное ребро Погосяна не располагали к обмену любезностями.

На следующее утро, критически обзревая свое отражение в зеркале и сетуя на неразумное

поведение вчера вечером, мы решили не откладывать нашу поездку в Египет. Мы подумали, что свежий морской воздух во время продолжительного путешествия на корабле поможет быстрее залечить наши раны, и отправились в порт, чтобы узнать, по карману ли нам билеты на корабль, отправляющийся в Александрию. Оказалось, что в гавани как раз стоит греческое судно, готовящееся к отплытию в Александрию. Мы поспешили в офис пароходной компании, которой принадлежало судно, чтобы получить необходимую информацию. Но как только мы подошли к офису, к нам подбежал моряк и, что-то бормоча, начал возбужденно размахивать руками.

Сперва мы растерялись, но через некоторое время выяснилось, что это был один из английских моряков, на чьей стороне мы сражались предыдущим вечером. Жестами он предложил нам подождать и, куда-то сбегав, вскоре вернулся в сопровождении трех товарищей, одним из которых, как впоследствии оказалось, был офицер. Они горячо поблагодарили нас за вчерашний поступок и настояли на том, чтобы мы вместе отправились в ближайший греческий ресторан побеседовать там за стаканчиком дузики. Отдав должное этому волшебному напитку, достойному наследнику благословенной мастики древних греков, мы разговорились, объясняясь, конечно, в основном с помощью международного языка жестов и мимики. Когда они узнали, что мы хотим попасть в Александрию, их жестикуляция стала еще более активной. Нам показалось, что они позабыли о нас, взволнованно говоря о чем-то между собой. Неожиданно двое из них, осушив то, что оставалось в стаканах, одним глотком, встали и ушли, другие, продолжая активно жестикулировать, видимо, пытались нас в чем-то убедить.

Наконец нам показалось - мы поняли то, что они нам хотят сказать. И, как впоследствии выяснилось, эта догадка была верна: те двое внезапно исчезнувших моряков пошли на свой корабль, чтобы замолвить за нас словечко и добиться разрешения взять нас на судно в этот рейс. На следующий день их судно отплывало на Сицилию, а из Сицилии шло в Александрию, где планировалась двухнедельная стоянка перед отправкой в Бомбей.

Ожидая возвращения ушедших, мы продолжали прикладываться к стаканам, и тут Погосян, очевидно, вспомнив про свое поврежденное ребро, потерял терпение и стал настаивать на том, чтобы мы немедленно пошли домой. Он с самым серьезным видом утверждал, что я ужасно выгляжу и что мой второй глаз также начинает запухать.

Предположив, что мой товарищ еще не вполне оправился от укуса фаланги, я не стал возражать ему и, не вступая ни в какие объяснения с двумя нашими собутыльниками, отправился вслед за ним.

Озадаченные нашим неожиданным и безмолвным уходом, моряки встали и последовали за нами. Мы шли довольно долго, и каждый развлекал себя по-своему: один что-то мурлыкал себе под нос, другой размахивал руками так, как будто хотел кому-то что-то доказать, третий насвистывал военный марш.

Когда мы пришли, Погосян лег на кровать, даже не раздеваясь, я же, уступив свое ложе старшему из сопровождавших нас моряков, растянулся прямо на полу, жестом предложив другому моряку последовать моему примеру.

Проснувшись среди ночи с раскалывающейся от боли головой, я смутно припоминал последовательность вчерашних событий и, увидев, что моряков в комнате больше нет, опять заснул. Разбудил меня звон посуды: это Погосян готовил себе чай, напевая вполголоса какие-то псалмы. Но мы не стали пить чай в это утро и, не обменявшись и словом, опять улеглись спать. Мне никогда в жизни не было так скверно - во рту как будто переночевала, по меньшей мере, дюжина казаков вместе с их лошадьми. И тут открылась дверь, и в комнату ворвались трое английских моряков. Только один из них был нам знаком, двух других мы видели в первый раз. Перебивая друг друга и размахивая руками, они попытались нам что-то объяснить. Напрягая все свои умственные способности, сильно ослабленные большими дозами алкоголя, мы наконец

сообразили, что нам следует быстро одеться и следовать за англичанами на их судно, так как они получили разрешение взять нас в плавание в качестве дополнительной рабочей силы.

Пока мы собирались, моряки быстро упаковывали наши небогатые пожитки, и как только мы расплатились с хозяином гостиницы, все уже было готово. Мы вышли на улицу и направились к гавани. У берега стоял баркас с двумя моряками на борту, очевидно, ожидавший нас, и, взойдя на него, через полчаса мы причалили к большому военному кораблю. Не успели мы взобраться на палубу, как несколько моряков, стоявших на сходнях, подхватили наши вещи и отнесли их в отведенную нам каюту, находящуюся рядом с камбузом.

Наскоро устроившись в этом довольно тесном, но удобном и чистом помещении, мы вышли на верхнюю палубу, сопровождаемые одним из тех моряков, плечом к плечу с которыми мы дрались в греческом ресторане. Вокруг нас собралась почти вся команда. Независимо от званий и должностей все наперебой благодарили нас за мужество и поддержку на смеси всевозможных языков.

Во время этой оригинальной беседы один из моряков, который сносно владел греческим, предложил, чтобы во время путешествия каждый из присутствующих заучил хотя бы по 20 слов: мы с Погосяном английских, они, соответственно, турецких. Это предложение было всеми встречено с энтузиазмом, и двое английских моряков сразу же составили список английских слов, которые нам следовало выучить в первую очередь, мы же записали для них, соответственно, турецкие слова.

Когда к борту причалил баркас с капитаном, команда разошлась, чтобы выполнять свои обязанности и готовить корабль к отплытию. Погосян и я сразу сели учить английские слова, записанные для нашего удобства греческими буквами. Мы были так погружены в это занятие, стараясь как можно лучше выговаривать звуки, чуждые греческому уху, что не заметили, что наступил вечер и судно уже давно в пути. Мы прервали свои занятия, когда за нами зашел один моряк, объяснивший с помощью жестов, что наступило время приема пищи. За едой, посоветовавшись с моряком, хорошо владевшим греческим языком, мы решили, что я буду выполнять уборку корабля, а Погосян попросится в машинное отделение. Так и вышло.

Прибыв в Александрию, я тепло попрощался с моими новыми друзьями, поблагодарив их за заботу и гостеприимство, и покинул судно. Мне не терпелось как можно быстрее попасть на Кипр. Но Погосян, который за время нашего путешествия очень сдружился с командой корабля и увлекся работой в машинном отделении, отказался сойти со мной и продолжил плавание. Мы договорились поддерживать связь друг с другом.

Как я узнал позже, Погосян после того как мы расстались, продолжал работать в машинном отделении, посетил Бомбей и многие порты Австралии. Высадился он в Англии, в Ливерпуле, последовав совету своих друзей, поступил в технический институт. Параллельно совершенствуясь в английском языке, через два года стал квалифицированным специалистом.

Завершая эту главу, посвященную моему первому другу и единомышленнику Погосяну, я хочу рассказать о некоторых чертах его личности, сформировавшихся еще в юном возрасте.

Никто никогда не видел, чтобы Погосян сидел, сложа руки. Он всегда находил себе какое-нибудь занятие, способное дать пищу его деятельному уму. Вынужденное безделье так угнетало его, что он начинал делать нечто вроде физзарядки.

Однажды, не выдержав, я спросил его, почему он не может спокойно отдыхать и развлекаться, как все нормальные люди, а тратит силы на деятельность, за которую ему никто не заплатит.

"Если мне не заплатят теперь, значит, заплатят в будущем, - ответил он. - Я не шучу, для меня работа - это удовольствие, хотя по своей природе я был так же ленив, как все люди. Я сознательно приучил себя любить работу, потому что осмысленный труд - это единственное, что

отличает нас от животных. Добровольный осмысленный труд никогда не пропадает зря. Раньше или позже он будет щедро оплачен. Постоянно находя себе какое-нибудь занятие, я отучаю себя от праздности, которая свойственна всякому человеку, и при этом зарабатываю себе на жизнь, так как мои родители не в состоянии обеспечить меня средствами, достаточными для праздной жизни".

Всю свою жизнь он последовательно придерживался этих принципов и через некоторое время стал одним из самых богатых людей на земле. И я могу поручиться, что он честно нажил свое огромное состояние. Его вера в то, что упорный осознанный труд не остается без вознаграждения, не обманула его. Он всю свою жизнь работал как вол, и я надеюсь, Господь обеспечит ему в конце концов заслуженный отдых.

ЧАСТЬ V. АБРАМ ЕЛОВ

Абрам Елов был одним из замечательнейших людей, с которыми меня свела судьба в молодости и которые вольно или невольно оказали огромное влияние на становление моей личности.

Впервые я встретился с ним, когда, потеряв всякую надежду узнать у современников ответы на вопросы, которые лишали меня душевного покоя, я возвратился из Эчмиадзина в Тифлис и с головой погрузился в изучение античной литературы. Тифлис привлекал меня тем, что здесь можно было без труда раздобыть любую книгу на любом языке, и особенно на армянском, грузинском и арабском.

Прибыв в Тифлис, я поселился в районе, называемом Дидубай-Базар, на одной из улиц, расположенных вдоль западной стороны Александрийских садов, где находилось огромное количество всевозможных магазинов. Лавки тифлисских букинистов располагались там же, напротив капитальных книжных магазинов. Мелкие торговцы, книгоноши, раскладывали свои книги прямо на земле, особенно в ярмарочные дни. Среди этих торговцев книгами был один юный айсор, который покупал, продавал и брал на комиссию любые книги. Его звали Абрам Елов, самый ловкий мошенник из всех, кого я знал, и несмотря на это мой лучший друг. Он служил для меня ходячим справочником, так как знал бесчисленное количество названий книг на разных языках, фамилии их авторов, дату и место публикации, а также то, где их можно купить. Сначала я только покупал у него книги, а впоследствии, прочитав какую-нибудь книгу, я менял ее у него на другую, интересующую меня, так как он мог раздобыть абсолютно любое издание. Вскоре мы стали близкими друзьями. В это время Абрам Елов готовился к поступлению в кадетский корпус и почти все свое свободное время проводил в зубрежке. Однако будучи увлечен философией, он выкраивал минутку для чтения книг по этому предмету. Из-за увлечения философией и завязалась наша дружба. Мы часто встречались по вечерам в Александрийских садах и беседовали на философские темы, а также часто вместе рылись в горах старых изданий, и я даже стал ему помогать стоять за прилавком в базарные дни.

Наша дружба особенно усилилась после одного забавного случая. В базарные дни возле лавки Абрама Елова устанавливал свою палатку некий грек, который торговал разными вещицами, как он утверждал, заграничного производства, так сказать "made in Paris". Это были всевозможные статуэтки, бюсты знаменитых людей, фигурки Купидона и Психеи, пастухов и пастушек, а также копилки в виде кошек, собак, свинок, яблок, груш и т.п., которые в то время очень ценились и раскупались с большой охотой, украшая затем жилища небогатых людей.

Однажды во время затишья в торговле Абрам, указывая на все эти вещи, сказал мне в свойственной ему ироничной манере: "На этой чепухе он зарабатывает кучу денег. Эти безделушки изготавливаются итальянскими эмигрантами в их лачугах, а лоточники, особенно такие ловкачи, как этот грек, помогают набивать им свои карманы деньгами, заработанными простыми людьми тяжелым трудом: простофили покупают эти шедевры безвкусицы, чтобы украшать свои убогие лачуги".

Наша торговля книгами шла не очень бойко и вынуждала нас сидеть на одном месте целый день, страдая то от жары, то от холода. К концу дня душа едва держалась в теле, а на следующий день снова приходилось идти на эту каторгу. Вскоре после того разговора я пошел к этому греку и узнал, что все эти безделушки действительно изготавливались итальянцами, которые тщательно скрывали секреты производства. Фигурки пользовались таким спросом, что едва хватало двух десятков торговцев, чтобы продавать их по всему городу. Все это навело меня на мысль узнать любым способом секрет производства этих фигурок и начать собственное дело, так как деньги,

заработанные мной прежде, уже подходили к концу.

Я еще раз поговорил с этим греком, не раскрывая ему своих планов, убедил отвести меня к итальянским ремесленникам. Мне очень повезло, так как оказалось, что как раз в это время ученик, работавший у них, был обвинен в краже и с позором выгнан, так что я по рекомендации грека смог сразу же заступить на его место. В соответствии со своим планом я прикидывался полным идиотом, хотя и очень усердным и трудолюбивым. Поверив в непроходимую тупость своего нового подмастерья, итальянцы не стали скрывать от меня свои секреты, как они это делали с предыдущими учениками. Недели через две я уже знал вполне достаточно, так как весь процесс изготовления фигурок проходил у меня на глазах. Многие тонкости были действительно очень важны для успешной работы. Например, необходимо было знать точные пропорции компонентов, которыми разводят гипсовый порошок, чтобы в результате в готовом изделии не было пузырьков и поверхность предмета казалась гладкой. Так же я узнал, что кроме клея, желатина и глицерина добавляют лимонный сок.

Одним словом, через месяц-другой на рынке появились изделия моего собственного изготовления. Я расширил ассортимент изделий, придумав несколько новых фигурок, которые стали пользоваться огромным спросом. Не думаю, что в Тифлисе остался хоть один дом, в котором не было "произведений искусства", изготовленных мною.

Дела пошли так хорошо, что я завел даже полдюжины подмастерьев, и они не жаловались на отсутствие работы. Елов тоже помогал мне и даже однажды на неделю бросил торговлю книгами. Все это время мы продолжали учиться, поглощая огромное количество книг по философии.

Через несколько месяцев, когда я заработал приличную по моим представлениям сумму, я продал свою мастерскую двум евреям за хорошую цену. К тому же мне ужасно надоело изготовление дурацких фигурок. Так как я должен был освободить комнату при магазине, где я жил, я переехал на улицу вблизи железнодорожной станции, и Абрам Елов со своими книгами тоже.

Елов был невысокий, полноватый и смуглый, с глазами, горящими как угольки. У него была густая шевелюра, очень широкие брови и борода, растущая откуда-то из-под носа, так что закрывала ему все щеки.

Он родился в Турции, вблизи озера Ван, то ли в городе Битлис, то ли в его окрестностях, откуда семья переехала в Россию за три-четыре года до того, как мы с ним впервые встретились. В Тифлисе Абрам стал ходить в гимназию, но вскоре, несмотря на то что порядки в этом учебном заведении были не очень строгие, он умудрился так нашалить, что его вскоре исключили решением учительского совета. Через некоторое время отец выгнал его из дому, после чего Абрам стал жить как бог на душу положит. Короче говоря, он был в своей семье, так сказать, поганой овцой. Мать в тайне от отца продолжала посылать ему деньги. К ней он всю жизнь испытывал самые нежные чувства, которые не стеснялся проявлять открыто. Фотография матери всегда висела у него над кроватью. Уходя, он всегда целовал ее на прощанье, а возвращаясь откуда-нибудь, с порога восклицал: "Здравствуй, мамочка!" Мне кажется, за эти чувства к матери я стал уважать его еще больше. Отца он тоже по-своему любил, но считал его ограниченным, тщеславным и капризным. Тот слыл довольно богатым человеком и был уважаем своим окружением, так как происходил, хотя только по материнской линии, из династии Маршимунов, которая в свое время была правящей.

У Абрама также был брат, в то время проходивший обучение в Филадельфии, которого он не любил и считал эгоистичным и бездушным человеком. Некоторые привычки Абрама очень сместили окружающих. Например, он постоянно подтягивал вверх свои штаны, и его друзьям стоило немалых усилий отучить его от этого. Погосян часто подшучивал над Абрамом, говоря:

"Ха-ха, а ты еще хочешь стать офицером. Первый встречный генерал отправит тебя на гауптвахту, потому что вместо того чтобы отдавать ему честь, ты будешь поддерживать свои штаны". Шутки Погосяна порой не отличались деликатностью. Дружеское поддразнивание всегда присутствовало в их общении между собой. Погосян называл своего товарища не иначе как соленым армянином, а тот, в свою очередь, именовал друга качагохом. Это были распространенные прозвища армян. И айсор, и качагох толковались как "церковный вор", и история этого прозвища такова. Айсоры были известны своим плутовством. В Закавказье существовала даже пословица: "Сложите вместе семь русских - получится один еврей, сложите семь евреев - получится один армянин, сложите семь армян - получится один айсор".

В среде айсоров была очень распространена профессия священника, большинство из которых были самозванцами. Живя в окрестностях горы Арарат, естественной границы между Россией, Турцией и Персией, и свободно попадая в любую из этих трех стран, они в России выдавали себя за турецких айсоров, в Персии - за русских и т.д. Эти самозванцы не только совершали все церковные службы, но и с большим успехом торговали различными видами церковных реликвий. В российской провинции они выдавали себя за греческих священников, которые пользовались доверием местных жителей, и наживались, продавая "реликвии", которые, как они утверждали, были привезены из Иерусалима, Афона и других святых мест. Среди этих "реликвий" были фрагменты того самого креста, на котором был распят Иисус Христос, волосы Девы Марии, ногти Николая Угодника, зубы Иуды, приносящие обладателю удачу, подковы лошади Георгия Победоносца и даже череп и ребра этого святого. Все это охотно раскупалось невежественными людьми. И многие из тех предметов впоследствии хранились в церквях и домах верующих. Поэтому армяне и называли айсоров церковными ворами. Армян, в свою очередь, дразнили солеными, потому что у них существовал обычай посыпать солью новорожденных детей. Хочу заметить, что этот обычай не так нелеп, как может показаться на первый взгляд. В соответствии с моими собственными наблюдениями могу утверждать, что младенцы, рожденные в других местностях, гораздо больше, чем армянские дети, страдали от кожной сыпи в тех местах, которые необходимо обрабатывать кожной присыпкой для предотвращения воспалительных процессов. У армянских младенцев кожная сыпь наблюдается очень редко. Этот факт я объясняю антисептическим действием соли.

У Абрама отсутствовали черты, характерные для его соплеменников. Хотя он был очень вспыльчивым человеком, его никак нельзя было назвать злопамятным. Вспылив, он быстро остывал и, если чувствовал, что обидел кого-то своим поведением, старался как можно быстрее уладить конфликт. Абрам отличался терпимостью к другим верованиям. Однажды, обсуждая деятельность миссионеров, которые съезжались сюда из разных стран, чтобы наставить местное население "на путь истинный", он сказал: "Не важно, каким богам молится человек, главное, чтобы он обладал верой. Вера - это совесть человека, основы которой закладываются в детском возрасте. Человек, меняющий одну веру на другую, теряет свою совесть, а совесть - это самое ценное в человеке. Если я уважаю совесть человека, а совесть поддерживается верой, то я обязан уважать и его религию. Осуждать чужую религию такой же грех, как разрушать в человеке его совесть".

Елов был необычайно предан своим друзьям. Для человека, к которому он испытывал симпатию, он мог сделать все что угодно. Когда Елов и Погосян подружились, они заботились друг о друге, как родные братья, хотя внешние проявления их дружбы были довольно курьезными. Чем крепче они дружили, тем чаще поддразнивали друг друга, скрывая за внешней грубостью нежность чувств. Некоторые проявления этих дружеских отношений так трогали меня, что я не мог удержать слез, которые невольно навертывались на глаза.

Мне вспоминаются такие случаи. Когда Елову случалось быть в гостях, иногда его угощали

какими-нибудь сладостями, которые он, как было принято, должен был съесть тут же, чтобы не обидеть хозяев дома. Однако, даже будучи сладкоежкой, он не ел их сам, а прятал в карман, чтобы отнести По-госяну, причем отдавал их ему, сопровождая свои действия градом насмешек и издевательств.

Обычно это происходило так. За обедом Абрам как будто неожиданно для себя обнаруживал в кармане конфету и предлагал ее Погосяну, говоря: "Как, черт побери, эта гадость оказалась у меня в кармане? Лопай скорей, ты просто чемпион по поеданию всяких гадостей, от которых другие воротят нос". Погосян отправлял конфету в рот со следующей тирадой: "Эти деликатесы не для таких олухов, как ты. Лопай лучше желуди, как твои собратья свиньи". На что Елов отвечал с гримасой отвращения: "Посмотрите, он заглатывает конфеты быстрее, чем карабахский осел жует чертополох, а потом будет бегать за мной как шелудивая собачонка, дожидаясь следующей подачи", И дальше обмен репликами продолжался в подобном же духе,

Обладая феноменальными познаниями в области литературы, он к тому же был полиглотом. Я, владея восемнадцатью языками, чувствовал себя молокососом по сравнению с ним. Прежде чем я успевал выучить несколько слов нового языка, он уже владел им так хорошо, как родным языком. Подтверждением моих слов может служить следующая история.

Скридлов, профессор археологии (о нем я расскажу позже), должен был взять одну археологическую находку на территории Афганистана, но сделать это было невозможно, так как пограничники, как русские, так и афганские и британские, задерживали всякого, пытавшегося пересечь границу. Раздобыв где-то форму британского офицера, Елов надел ее и пошел к британским пограничникам, выдавая себя за английского офицера, который приехал из Индии и хочет здесь поохотиться на туркестанского тигра. Он так отвлек их рассказами об Индии, что мы не спеша перебрались через границу и, захватив то, что нам было нужно, без помех вернулись обратно. Обладая феноменальными знаниями, Елов постоянно пополнял их, не упуская случая узнать что-нибудь новое. Он не поступил в кадетский корпус, как собирался прежде, а поехал в Москву, где блестяще сдал экзамены и был зачислен в Лазаревский институт восточных языков, через несколько лет получил диплом Казанского университета по философии, если не изменяет память.

Так же как и Погосян, имевший особый взгляд на физическую работу, Елов имел свое оригинальное мнение о работе умственной. Так как наш мозг все равно постоянно работает, то, вместо того чтобы заниматься всякой чепухой, лучше увлечь его чем-нибудь полезным. Если все равно приходится тратить умственную энергию, лучше потратить ее с толком. Под влиянием этих убедительных доводов я решил продолжать изучение иностранных языков. Это не только способствовало развитию моего интеллекта и отвлекало от несбыточных мечтаний, но и могло оказаться полезным в моих путешествиях.

Абрам Елов, мой близкий друг, в настоящее время жив и здоров. Он окончательно осел в одном из городов Северной Америки. Мировая война застала его в России, где он претерпел много испытаний и невзгод. Только три года тому назад его племянник доктор Елов приехал из Америки и забрал его с собой.

ЧАСТЬ VI. КНЯЗЬ ЮРИЙ ЛЮБОВЕЦКИЙ

Русский князь Юрий Любовецкий был одним из самых интересных людей, с которыми меня сводила судьба. В течение многих лет он оставался моим старшим товарищем и близким другом.

Трагические обстоятельства, при которых оборвалась жизнь его горячо любимой жены, привела к нашей встрече и длительным дружеским отношениям. В молодости, будучи гвардейским офицером, князь встретил юную прелестную девушку, которую горячо полюбил. Став мужем и женой, они жили душа в душу, пока смерть молодой женщины во время родов не прервала эту идиллию. Не находя утешения в своем горе, князь стал посещать спиритические сеансы, питая надежду вступить в общение с душой трагически умершей жены, и с течением времени все больше и больше погружался в изучение оккультных наук и поиски смысла жизни. Он полностью отказался от обычных светских развлечений и земных привязанностей, не принимая у себя никого и почти не выходя из дому, дни и ночи проводя в библиотеке.

Однажды его добровольное затворничество было нарушено визитом неизвестного старого человека, к удивлению всех домочадцев, немедленно допущенного к князю. Запершись в библиотеке, они долго о чем-то беседовали, после чего князь вскоре покинул Москву и почти всю оставшуюся жизнь провел в Африке, Индии, Афганистане и Персии, возвращаясь в Россию только в случаях крайней необходимости и на очень короткое время.

Князь был очень богатым человеком, но тратил все свои деньги не на обеспечение своего комфорта, а на организацию специальных экспедиций в места, где он надеялся найти ответы на мучившие его вопросы. Он подолгу жил в монастырях, общаясь с людьми, которые разделяли его воззрения.

Когда я впервые встретился с князем, он был уже немолод, но несмотря на значительную разницу в возрасте мы с тех пор и до его смерти поддерживали тесные отношения друг с другом.

Наша первая встреча произошла в Египте, вскоре после моего путешествия с Погосьяном. Я приехал сюда из Иерусалима, где зарабатывал на жизнь, показывая туристам, в основном приехавшим из России, местные достопримечательности. Одним словом, я работал профессиональным гидом.

В Египте я решил заняться тем же, так как в достаточной мере владел арабским, греческим, а также итальянским, в те времена совершенно необходимым при общении с европейцами. За несколько дней узнав все, что необходимо было знать профессиональному гиду, я начал вместе с одним молодым и очень ловким арабом дурачить наивных туристов. Мне необходимо было заработать некоторую сумму денег, чтобы приступить к осуществлению собственных планов.

Однажды я был нанят одним русским, который оказался профессором археологии по фамилии Скридлов. Когда мы, побывав у Сфинкса, направлялись к пирамиде Хеопса, мой клиент был окликнут одним седым господином. В шутку назвав археолога осквернителем праха, седой джентльмен вступил с ним в беседу. Они говорили по-русски, не зная, что я владею этим языком. Скридлов обращался ко мне на ломаном итальянском. Они присели у подножия пирамиды, а я устроился невдалеке, чтобы слышать, о чем они будут говорить. Седой господин, который оказался русским князем, спросил своего знакомого, зачем тот тревожит останки давно умерших людей и коллекционирует предметы домашнего обихода, которыми кто-то пользовался в своей жалкой жизни.

"А почему бы и нет, - ответил профессор. - По крайней мере, это нечто реальное и осязаемое в отличие от того эфемерного, чему вы посвятили свою жизнь. Вы занимаетесь тем, что могут позволить себе только богатые бездельники. Моя же деятельность, даже если она не

приносит мне морального удовлетворения, все же позволяет мне зарабатывать себе на жизнь". Вскоре собеседники попрощались, договорившись о встрече в Тибете. Следует упомянуть, что все свое свободное время я тратил на то, чтобы обследовать эти места с помощью своей карты, надеясь разгадать загадки Сфинкса и других монументов.

Через несколько дней после встречи с князем я сидел у подножия одной из пирамид, рассматривая карты и погружившись в свои мысли. Внезапно я почувствовал, что кто-то стоит возле меня, и, инстинктивно прикрыв карту, оглянулся. Это был недавний собеседник профессора археологии. Он взглянул на меня с нескрываемым удивлением и спросил, где я раздобыл эту карту. Интерес, проявленный этим человеком к моей карте, внезапно натолкнул меня на мысль, что это тот самый незнакомец, описанный армянским священником, который заплатил большую сумму за копию этого древнего документа. Я спросил его об этом и получил утвердительный ответ. Пораженный таким удивительным совпадением, князь присел рядом со мной, и мы разговорились. Через некоторое время он предложил мне отправиться в его апартаменты в Каире и продолжить нашу беседу в более подходящей обстановке.

С тех пор, благодаря общности наших интересов, мы часто встречались с князем и подолгу беседовали. Наша дружба продолжалась почти сорок лет, до самой смерти этого удивительного человека. За эти годы мы с ним побывали в Тибете, Индии и различных областях Средней Азии.

Последний раз мы встретились с князем в Константинополе, в его доме, расположенном недалеко от российского посольства. Здесь князь жил подолгу. Наша встреча произошла при следующих обстоятельствах. Я возвращался из Москвы в обществе нескольких бухарских дервишей, с которыми я недавно познакомился. Направляясь в Тифлис через Константинополь, я собирался затем заехать в Александрополь, чтобы повидаться со своей семьей, и после этого вместе с дервишами отправиться в Бухару. Но этим планам не суждено было осуществиться. В Константинополе я узнал, что наш пароход простоит здесь шесть-семь дней, что сильно меня раздосадовало. Провести неделю в праздности - не лучшая перспектива для такого человека, как я. Чтобы не терять времени зря, я решил встретиться со знакомым дервишем в Бруссе и заодно посетить знаменитую мечеть. Когда я шел по берегу Галаты, мне пришла в голову мысль снова зайти в дом князя и привести себя в порядок после долгого пути, а также повидаться с мажордомом князя, старым армянином Мариамом Бадьи, с которым у меня завязались дружеские отношения.

Как следовало из последнего письма, которое я получил от князя, он должен был находиться в это время на Цейлоне, но, к своему удивлению, я застал его в Константинополе. Ведя оживленную переписку, мы не виделись с князем уже два года, и эта встреча оказалась приятным сюрпризом для обоих. Мне пришлось отложить свою поездку в Бруссу и отказаться от запланированного путешествия на Кавказ, чтобы выполнить просьбу князя сопровождать в Россию одну молодую даму, из-за которой князь сейчас находился не на Цейлоне, а в Константинополе. Приведя себя в божеский вид, я вечером ужинал с князем, и во время ужина узнал историю дамы, провожатым которой согласился стать.

Судьба этой замечательной женщины сложилась так необычно, что я считаю необходимым посвятить ей несколько страниц моей книги.

Я не только повторю ее историю, рассказанную мне в тот вечер князем, но и опишу ее дальнейшую жизнь, известную мне благодаря нашим добрым отношениям, тем более что оригинал рукописи, в которой судьбе этой женщины было уделено гораздо больше внимания, остался в России и был утерян вместе со многими другими моими рукописями.

Вот что рассказал мне князь. "Неделю тому назад, собираясь на Цейлон, уже на борту корабля среди других провожающих я увидел атташе российского посольства, который обратил мое внимание на одного из пассажиров, вполне представительного господина.

- Взгляните на этого достойного джентльмена, - сказал атташе, - вы мне не поверите, но это известный торговец живым товаром. Кто бы мог догадаться об этом, основывая свои впечатления на его наружности!

В суете, предшествующей отплытию, я не уделил особого внимания этому сообщению и вскоре совсем выбросил его из головы.

Корабль отчалил, была чудесная погода, поэтому я почти все время проводил на палубе, прогуливая своего фокстерьера Джека. К нам подошла очаровательная девушка и, приласкав собаку, протянула ей на ладони кусочек сахара. Так как Джек был приучен ничего не брать у чужих без моего разрешения, он вопросительно взглянул на меня, наострив уши. После того как я позволил собаке съесть сахар, мы разговорились, и оказалось, что девушка прекрасно говорит по-русски. Она представилась Витвицкой и рассказала мне, что отправляется в Александрию, чтобы поступить гувернанткой в семью русского консула. Во время нашей беседы пожилой джентльмен, на которого мне указал атташе, приблизился к нам и позвал девушку, после чего они вместе куда-то ушли. Я вспомнил то, что было сказано об этом господине, и его знакомство с моей собеседницей показалось мне подозрительным. Еще покопавшись в памяти, я припомнил, что семья русского консула, с которым я был хорошо знаком, не нуждалась в услугах гувернантки. Мои подозрения усилились настолько, что я в ближайшем же порту в Дарданеллах послал телеграмму консулу, упомянув в ней о девушке-гувернантке, и еще одну отправил своим друзьям в Салоники, куда корабль должен был вскоре прибыть. Я также поделился своими подозрениями с капитаном нашего судна. Еще до прибытия в Салоники мне все стало ясно: девушку заманили в сети путем обмана и дальнейшая судьба ее ужасна. Я почувствовал себя обязанным изменить ход событий и принял решение отправить ее обратно в Россию, а до тех пор, пока не устрою ее судьбу, прервать поездку на Цейлон. Мы вместе покинули корабль в Салониках и в тот же день поднялись на борт судна, которое возвращалось в Константинополь. Вскоре выяснилось, что в России у девушки нет никого, кто бы мог о ней позаботиться, вот почему я задержался здесь.

Ее история была не совсем обычной. Она родилась в Волынской губернии и все детство провела недалеко от города Ровно, в имении одного графа, где ее отец служил управляющим. Мать умерла, когда дети, две девочки и двое мальчиков, были еще совсем маленькими, и их воспитывала старая тетушка. Когда Витвицкой было четырнадцать лет, а ее старшей сестре шестнадцать, отец умер. К тому времени один из братьев учился на католического священника где-то в Италии, а другой, впоследствии оказавшийся негодяем, бросил колледж и, по слухам, обдeldывал какие-то темные делишки в Одессе. После смерти отца девочки вместе с тетей должны были покинуть имение, так как граф уже взял нового управляющего. Несчастья следовали одно за другим, и вскоре после переезда в город Ровно тетя скончалась. Находясь в очень затруднительной ситуации, девочки по совету дальних родственников уехали в Одессу, где стали обучаться профессии портнихи. Витвицкая отличалась необыкновенной красотой и, в отличие от старшей сестры, была довольно легкомысленна. У нее было много поклонников и среди них один коммивояжер, которому удалось соблазнить ее и увезти в Санкт-Петербург. Витвицкая захватила с собой свою долю наследства, и по приезде в Санкт-Петербург спутник ограбил ее и бросил одну в незнакомом большом городе. Испытывая огромные лишения, она

вынуждена была стать содержанкой одного пожилого сенатора, который вскоре выгнал ее, так как ревновал к каждому встречному. Затем она попала в "уважаемую" семью одного практикующего доктора, который с ее помощью очень оригинальным способом увеличивал свою клиентуру. Жена доктора, увидев ее сидящей в полном отчаянии в саду напротив Александрийского театра, проявила к ней участие и привела к себе домой, где ей и сообщила, в чем будут заключаться ее обязанности. Девушка должна была прогуливаться по Невскому проспекту и позволять какому-нибудь мужчине, привлеченному ее необыкновенной внешностью, сопровождать ее до дверей дома. Здесь она покидала своего поклонника, разбудив у него определенные надежды. Тот, конечно, осведомлялся о ней у портье и узнавал, что эта прелестная девушка - компаньонка жены доктора, и мгновенно находил у себя кучу болезней. В результате доктор приобретал еще одного пациента, который под предлогом визита к доктору проникал в апартаменты, где он надеялся познакомиться с восхитившей его красавицей. Ближе познакомившись с Витвицкой, - продолжал князь, - я убедился, что только безысходная нужда заставила ее вести подобный образ жизни, который ей самой был глубоко отвратителен. Однажды, когда она шла по Невскому проспекту, выполняя свою обычную работу, она совершенно неожиданно встретила своего младшего брата, с которым не виделась много лет. Он был очень хорошо одет и производил впечатление богатого человека. Брат рассказал ей, что у него свой бизнес и он ведет торговлю в Одессе и даже за границей. Узнав, что дела ее далеко не блестящи, он предложил ей свою помощь и увез в Одессу, где, по его рассказам, имел связи в высшем обществе, и обещал устроить ее судьбу. В Одессе брат сообщил, что нашел ей отличное место гувернантки в доме русского консула в Александрии, и, представив пожилого respectable джентльмена привлекательной наружности, предложил ехать туда в его сопровождении. Дальнейшее вам известно".

Князь утверждал, что только бедность и несчастливое стечение обстоятельств привели ее к краю пропасти, но что она и в таких условиях сохранила свои лучшие качества. Поэтому он решил помочь несчастной девушке устроить ее дальнейшую судьбу, наставив на путь истинный.

"Я отправляю ее к своей сестре в Тамбовское имение, где она сможет оправиться от всего пережитого, а там будет видно", - в заключение сказал князь.

Зная доброту и некоторую наивность моего друга, я очень скептически отнесся к этому проекту, помня старую поговорку: "Что в воду упало, то пропало". Решив, что Витвицкая дурачит князя, я сразу же проникся к ней отвращением и скрепя сердце согласился сопровождать ее, так как не мог ни в чем отказать моему другу. Только через несколько дней после того, как мы поднялись на борт корабля, я внимательно взглянул на нее. Это была очень красивая брюнетка с чудесными карими глазами и изящной фигурой. Ее взгляд выдавал сильную натуру, и я подумал, что Таис Афинская наверняка была женщиной того же типа. Несмотря на всю ее привлекательность я продолжал испытывать к ней смешанные чувства, иногда презирая, иногда жалея, а иногда и любуясь ею. Прибыв с ней в Тамбов, я оставил ее у сестры князя, которая очень полюбила Витвицкую и взяла с собой за границу, где они долгое время жили, особенно в Италии. Мало-помалу под влиянием самого князя и его сестры молодая женщина стала интересоваться оккультными науками и всем тем, во что верили ее покровители. Она занялась самообразованием, много работала над собой, и каждый, кто беседовал с ней хотя бы один раз, отмечал ее острый ум и глубокие познания.

Расставшись с ней в России, я не видел ее в течение довольно длительного времени. Мне кажется, прошло не менее четырех лет, когда я встретил ее в Италии вместе с сестрой князя Юрия Любовецкого. Это произошло при следующих обстоятельствах.

Однажды в Риме я очутился в затруднительном положении, так как у меня кончились почти все деньги, и, следуя совету двух молодых айсоров, с которыми я здесь познакомился, я стал

уличным чистильщиком обуви. Нельзя сказать, что с самого начала мой бизнес пошел успешно, поэтому я решил внести в него некоторые усовершенствования. С этой целью я заказал специальное кресло, под сиденьем которого незаметно для окружающих помещался фонограф Эдисона, к которому было прикреплено нечто вроде наушников. Таким образом, клиент, севший в кресло, мог насладиться оперными ариями, пока я занимался его обувью. В дополнение к этому я укрепил на подлокотнике небольшой поднос, на который ставил стакан, графин с водой и вермут, а также клал несколько иллюстрированных журналов. Теперь мои дела пошли исключительно хорошо, и на меня посыпались не сантимы, а лиры. Любопытствующие зеваки весь день толпились вокруг меня. Они ждали своей очереди и глазели на диковинку, производя впечатление не очень нормальных людей. В этой толпе я несколько раз замечал одну юную леди, которая показалась мне знакомой. Так как я был очень занят, то не имел возможности хорошенько рассмотреть ее, но однажды она сказала своей пожилой спутнице: "Держу пари - это он". Я был так заинтригован, что, немедленно бросив работу, подошел к ней и спросил: "Скажите, пожалуйста, кто вы. Мне кажется, я вас где-то видел".

"Я та, которую вы однажды так возненавидели, что мухи, попадая в поле этой ненависти, немедленно дохли, - сказала молодая женщина. - Если вы помните князя Юрия Любовецкого, тогда, возможно, вспомните и бедную девушку, которую сопровождали в Россию из Константинополя".

Я конечно же узнал Витвицкую и ее спутницу, и все последующие дни, вплоть до их отъезда в Монте-Карло, мы встречались и разговаривали. Через полтора года после этого Витвицкая в сопровождении профессора Скридлова приехала на место сбора нашей очередной экспедиции и с тех пор принимала участие во всех наших путешествиях.

Чтобы дать вам полное представление о характере Витвицкой, женщины, которая смогла остановиться на краю пропасти и благодаря поддержке благородного человека стала, не побоюсь этого слова, выдающейся личностью, приведу только один пример из ее жизни.

Витвицкая серьезно интересовалась теорией музыки, доказательством этого интереса может служить разговор между нами во время одной из экспедиций, маршрут которой проходил через центральные районы Туркестана. Благодаря особым рекомендациям нам было позволено остановиться на три дня в одном монастыре, недоступном для большинства. Утром, когда мы покидали стены монастыря, я заметил, что Витвицкая бледна как смерть, а на руке у нее повязка. Она не могла сама сесть на лошадь, и нам пришлось подсаживать ее. Когда наш караван двинулся в путь, я постарался держаться поближе к ней, чтобы узнать, что случилось. Я заподозрил, что кто-то из нашей группы грубо обошелся с ней, оскорбив ее чувства - чувства женщины, которая стала для нас святой, и решил, что пристрелю этого подонка как куропатку. Но в ответ на мой вопрос Витвицкая сказала, что причиной ее плохого настроения была "эта чертова музыка", и поинтересовалась, какое впечатление она произвела на меня. Эта монотонная мелодия религиозных песнопений и в самом деле оказала на меня странное воздействие. Мы стали обсуждать эту тему, и наш диалог перешел в монолог Витвицкой, в котором она рассказала о своем прошлом. Не знаю, что было причиной ее откровений - удивительно красивая местность, по которой проезжал наш караван, или что-то иное, но я до сих пор помню почти каждое слово из ее интересного рассказа.

Он начинался так:

"В юности музыка не производила на меня глубокого впечатления. Беседуя с кем-либо на эту тему, я, не желая проявлять своего невежества, произносила какие-то глубокомысленные фразы, оставаясь в душе равнодушной. Как правило, я критиковала музыкальное произведение, чтобы выдать себя за знатока, и при этом старалась использовать специфические музыкальные термины. Если же я иногда и хвалила какую-нибудь вещь, то только потому, что думала:

прославленный композитор выпустил в свет свое произведение, значит он абсолютно уверен в том, что оно ему удалось. Высказывая какое-либо суждение, я всегда была неискренней и при этом не испытывала ни малейшего угрызения совести. Мне казалось, что так поступают все окружающие.

Впоследствии, когда эта добрая женщина, сестра князя Любовецкого, взяла меня под свое крыло, она убедила меня научиться играть на пианино. "Каждая образованная интеллигентная леди должна хорошо владеть этим инструментом", - говорила она. Для того чтобы не огорчать эту достойную женщину, я стала усердно учиться играть на пианино и через шесть месяцев достигла таких хороших результатов, что была приглашена принять участие в благотворительном концерте. Все наши знакомые, присутствовавшие там, выражали свое восхищение моей игрой, высоко оценивали мои способности. Однажды, взволнованная моим исполнением одного музыкального произведения, княгиня подошла ко мне и торжественно сказала, что раз Всевышний наградил меня таким талантом, то было бы большим грехом пренебречь этим даром и не дать ему развиваться полностью. Она добавила, что я должна продолжать совершенствовать свою игру, но мне не следует пренебрегать и теорией музыки. С этого дня она начала выписывать всевозможную литературу по этому предмету и даже лично ездила в Москву, чтобы приобрести там несколько редких изданий. Вскоре все полки моих многочисленных книжных шкафов были заполнены книгами, посвященными теории музыки, и я принялась усердно изучать их, на этот раз не только чтобы доставить удовольствие моей покровительнице. Я увлеклась теорией музыки, и мой интерес усиливался день ото дня. Но книги не давали ответа на возникающие у меня вопросы, там ничего не говорилось о том, что такое музыка, каковы законы ее воздействия на психику человека. Как правило, в них содержалась информация из истории музыки. Например сообщалось, что в то время, как наша октава состоит из семи нот, китайская ограничивается пятью; что арфа древних египтян называлась тебуни, а флейта - мем; что полифония впервые появилась в музыке в девятом веке и первоначально воспринималась как какофония, так что были случаи преждевременных родов у женщин, которые слышали в церкви рев органа; что в одиннадцатом веке монах Гвидо д'Ареццо изобрел сольфеджио и т.д. и т.п. Кроме того эти книги помещали биографии знаменитых музыкантов и композиторов и описывали их путь к славе. Приводились такие подробности как цвет их галстука или длина волос, но ничего не говорилось о сути их творчества, о принципе воздействия их произведений на психику человека. Я потратила целый год впустую, занимаясь так называемой теорией музыки, но мой интерес к этой проблеме не уменьшался. И тогда я оставила в покое эти книги и стала искать другие источники информации.

Однажды совершенно случайно в библиотеке князя я наткнулась на книгу под названием "Мир звуков", которая изменила ход моих мыслей. Автор не был музыкантом, и из содержания книги следовало, что он вообще не интересовался музыкой. Математик и инженер, он использовал в этой книге музыку в качестве примера для объяснения теории вибрации. Автор высказывал мнение, что звуки - это определенные вибрации, которые провоцируют соответствующие вибрации в организме человека, вызывая различные эмоции. Эта гипотеза необычайно заинтересовала меня, и я сумела увлечь ею мою покровительницу. Мы часто беседовали на эту тему и наконец решили провести некоторые эксперименты. Сначала мы изучали воздействие музыки на различных животных, купив для этих целей несколько кошек и собак. Затем мы стали приглашать в гостиную наших слуг: угостив их хорошим ужином, усаживали в кресла и играли для них различные музыкальные произведения. Сперва наши эксперименты не приносили никаких определенных результатов, но вскоре я заметила, что во время исполнения одного вальса моего собственного сочинения наших "подопытных" начинало

клонить в сон. В дальнейшем количество засыпавших увеличилось, но это был единственный эффект, которого нам удалось добиться. Увлечшись этими идеями и опытами, я так переутомилась, что, встревоженная моим состоянием, княгиня по совету врачей увезла меня за границу. Там, в Италии, под влиянием новых впечатлений, я вполне оправилась от нервного истощения. Но только через пять лет, во время экспедиции на Памир и в Афганистан, я нашла в себе силы вернуться к этой теме. Вспоминая мои прежние "эксперименты", я с трудом удерживалась от смеха. Наша наивность была беспредельна. Нам ни разу не пришло в голову, что наши "подопытные" погружались в дремоту потому, что после долгого рабочего дня и сытного ужина их должно было клонить в сон, и музыка тут ни при чем.

Возвратившись в Россию, я возобновила опыты уже на более разумной основе, учитывая мельчайшие детали: характер и темперамент каждого из присутствующих и даже время дня и погоду. И тем не менее мне не удалось достичь того, чтобы одна и та же мелодия вызывала тождественную реакцию у разных людей. Это происходило только при условии, что участники эксперимента были представителями одной расы и имели похожие характеры и темпераменты.

Поэтому меня поразило то, что нынешней ночью эта странная мелодия вызвала у всех присутствующих одно и то же впечатление. Этот факт нельзя объяснить так называемым "стадным инстинктом", так как все участники эксперимента были развитыми, независимыми личностями. Не найдя разумного объяснения этому явлению, я, вернувшись в свою комнату, не смогла заснуть. Желание разгадать эту загадку превратилось в настоящее наваждение. Проведя всю ночь без сна, я на следующий день ничего не ела и не пила и в приступе внезапно охватившего меня гнева укусила себя в руку. Вот почему я в повязке. Палец поврежден так сильно, что я едва могу держать поводья".

Этот рассказ произвел на меня сильное впечатление, под влиянием которого я поделился с госпожой Витвицкой результатами собственных экспериментов и наблюдений. Особое внимание я уделил одному феномену, наблюдать который я смог благодаря доброму отношению ко мне отца Евлиссия. Он дал мне рекомендацию, благодаря которой я смог общаться с представителями одной секты, члены которой смогли с помощью древнееврейских мелодий, звучавших в течение получаса, добиться заметного прироста растений.

Госпожа Витвицкая была просто поражена моим рассказом и предложила мне продолжить эксперименты, поселившись в каком-нибудь маленьком российском городке, где нам никто не помешает. Вскоре она совершенно оправилась от нервного потрясения и на протяжении всей экспедиции вела себя как обычно. Несмотря на пораненный палец она была самой неутомимой наездницей и одним из самых полезных участников экспедиции.

Витвицкая умерла в России от сильной простуды, полученной во время путешествия по Волге. Она была похоронена в Самаре, и я, вызванный телеграммой из Ташкента, успел проводить ее в последний путь.

И сейчас, когда я уже прошел большую часть отмеренного мне жизненного пути, побывал во многих странах и общался со множеством интересных людей, должен признаться, что никогда не встречал и, возможно, никогда не встречу более достойной, образованной и умной женщины.

Возвращаясь к личности моего близкого друга князя Юрия Любовецкого, хочу продолжить описание его удивительной жизни. После моего отъезда из Константинополя князь также покинул этот город, и в течение нескольких лет мы не виделись, сохраняя связь друг с другом только с помощью переписки. Из этих писем я узнавал самое важное из того, что происходило в жизни этого человека.

Вновь встретились мы во время совместной поездки на Цейлон и затем организовали экспедицию к истокам реки Индус. После очередного расставания я получал от князя письма из

Афганистана, Белуджистана и Кафиристана до тех пор, пока наша переписка внезапно не оборвалась. Перестав получать письма и не имея никаких сведений о дальнейшей судьбе этого человека, я решил, что он погиб во время одной из своих экспедиций. Постепенно я смирился с мыслью, что больше никогда не увижу моего друга, но внезапно совсем случайно встретился с ним в самом сердце Азии.

Чтобы пролить больше света на обстоятельства моей последней встречи с человеком, который может служить примером для каждого, я должен опять сделать отступление и рассказать о некоем Соловьеве. Этот человек был общепризнанным авторитетом в области восточной медицины. Особенно хорошо он изучил медицину Тибета и действие опиума на организм человека и, в частности, на его психику.

В четырех-пяти милях от города Бухары, столицы Бухарского Ханства, в районе станции Закавказской железной дороги русские строили город, названный ими Новой Бухарой. Именно там я впервые встретил Соловьева. Меня привело сюда желание лучше изучить основы ислама, чтобы на более глубоком уровне общаться с моими знакомыми дервишами, представителями разных сект, одним из которых был мой старый друг Богга-Эддин. В это время его не было в Бухаре, но я рассчитывал на его скорое возвращение.

Прибыв в Новую Бухару, я поселился в маленькой комнатке в доме моих знакомых, торговавших русским квасом. Со мной это скромное жилье делил мой лучший друг - большая курдская овчарка по кличке Филос, которая в течение девяти лет сопровождала меня во всех моих странствиях. К слову, этот пес очень быстро приобретал известность повсюду, где нам приходилось останавливаться. Особенно любили его маленькие дети, они просто визжали от восторга, когда видели, как он носит мне горячую воду для чая из таверны или чайханы, куда я посылал его с чайником в зубах. Филос также ходил за покупками с запиской, в которой я сообщал торговцам, что мне нужно. Я считаю себя обязанным рассказать читателям об этом удивительном животном, приведя в качестве доказательства его поразительной изобретательности и ума несколько реальных случаев.

До поездки в Бухару я жил в городе П., где попал втяжелое материальное положение. Заплатив за комнату, которую я снимал в караван-сараяе, а также отдав другие долги, я обнаружил, что у меня осталось всего 60 копеек. Заработать деньги в этом городе было почти невозможно. Место было очень глухое и рассчитывать на возможность сбыта каких-нибудь художественных поделок не приходилось. Надеюсь найти применение своим способностям в Самарканде, где было много русских и других европейцев, я заблаговременно отдал распоряжение перевести туда деньги, пересылаемые мне из Тифлиса, и теперь, за отсутствием у меня материальных возможностей проделать этот путь с комфортом, я был вынужден преодолеть семьдесят миль пешком. В один прекрасный день я отправился в путь вместе с моим другом Филосом, купив себе на пять копеек хлеба, а собаке овечью голову на ту же сумму. Нам пришлось сидеть на голодном пайке, и желание чем-нибудь подкрепиться беспокоило меня всю дорогу, по обеим сторонам которой располагались огороды, обсаженные по местному обычаю иерусалимскими артишоками, благодаря своей высоте служившими своеобразной оградой.

Искушение было слишком сильным, и, приблизившись к одной из таких посадок, я, убедившись в том, что за мной никто не наблюдает, торопливо выкопал несколько крупных артишоков. Я с большим аппетитом съел их на ходу, предложив один своему товарищу Филосу. Но тот, обнюхав незнакомый предмет, наотрез отказался присоединиться к трапезе.

В Самарканде, едва сняв комнату в доме местного чиновника, живущего на окраине города, я отправился на почту узнать, поступили ли деньги. Оказалось, что они еще не пришли. Поразмыслив над тем, как мне заработать на жизнь, я решил заняться изготовлением искусственных бумажных цветов и с тем отправился в магазин, чтобы купить цветную бумагу, но там выяснилось, что на оставшиеся 15 копеек я смогу приобрести ее в очень небольшом количестве. Я решил взять дешевую белую бумагу и анилиновые краски, чтобы самому ее покрасить. Так выходило гораздо дешевле. Выйдя из магазина, я направился в городской сад, чтобы отдохнуть в тени деревьев. Погруженный в свои не очень веселые мысли, я рассеянно наблюдал за стаями воробьев, которые оживленно перепархивали с ветки на ветку, радуясь тишине и прохладной тени. И тут меня внезапно осенила мысль: "А почему бы не попытаться заработать на воробьях?" Местные жители обожают пение канареек и других певчих птиц. А

нельзя ли из воробья сделать канарейку? Заметив неподалеку нескольких извозчиков, которые в ожидании клиентов дремали в своих колясках, устроившись в тени, я подошел к одной из лошадей и, не привлекая к себе внимания, выдернул у нее из хвоста несколько волосков. Они были нужны мне для изготовления силков, которые я установил в разных местах сада. Все это время Филос очень внимательно наблюдал за моими необычными действиями. Вскоре первый воробей затрепыхался в одном из силков, и, осторожно высвободив его, я унес свою добычу домой.

Попросив хозяйку дать мне ножницы, я подстриг воробья, придав ему форму кенаря, и затем покрасил с помощью анилина. В Старом Самарканде я немедленно продал его, уверив покупателя в том, что это особый "американский кенарь". На те два рубля, что мне удалось за него выручить, я купил несколько простых клеток и следующих воробьев продавал еще дороже. Всего за две недели мне удалось сбыть около 80 этих "американских кенарей".

Первые несколько дней, отправляясь на ловлю воробьев, я брал с собой Филоса, но вскоре был вынужден оставлять его дома, так как он постоянно собирал вокруг себя толпу ребятишек, чем распугивал птиц. Через день после того как я начал оставлять пса в комнате, он исчез рано утром и вернулся только к вечеру, усталый и покрытый грязью, держа в пасти мертвого воробья, которого он торжественно положил мне на постель. И так повторялось каждый день: исчезая утром, он неизменно возвращался к вечеру с мертвым воробьем в зубах. Я не рискнул задерживаться в Самарканде надолго, так как боялся, что один из моих "американских кенарей" случайно попадет под дождь или что ему вздумается искупаться в своей поилке, из-за чего у меня могут возникнуть крупные неприятности. И я поспешил улизнуть из города, опасаясь ущерба, который разгневанные покупатели "американских кенарей" могут причинить моему здоровью.

Из Самарканда я направился в Новую Бухару, где надеялся найти моего старого друга дервиша Богга-Эддина. Я считал себя богачом, так как заработал более 150 рублей, что в те времена составляло значительную сумму.

В Новой Бухаре я, как упоминалось прежде, снял комнату в доме торговцев русским квасом. В ней не было никакой мебели, и, устраивая себе ложе, я просто расстилал на полу чистую простыню, обходясь без подушки и одеяла. Я поступал так не из скупости - экономия денег не была в данном случае главной причиной почти полного отсутствия комфорта. Дело было в том, что в то время я увлекался учением индийских йогов. При этом приходится признаться, что даже в самых тяжелых материальных обстоятельствах я не мог отказать себе в чистой простыне и каждый день обтирался довольно дорогим одеколоном.

Через пять-десять минут после того как я располагался на своем импровизированном ложе и по расчетам Филоса должен был заснуть, он укладывался возле моих ног, никогда не позволяя себе устроиться в голове моей постели. Столом служила пачка книг, связанных веревкой. Это были произведения на темы, которые в данное время меня больше всего интересовали. На это оригинальное сооружение я клал все вещи, которые могли мне понадобиться ночью, такие, как, например, масляный светильник, записная книжка, коробочка с порошком от клопов и т.п. Однажды утром через несколько дней после моего приезда в Новую Бухару я обнаружил на своем столе крупный иерусалимский артишок. Помню, что я сразу же отнес этот приятный сюрприз на счет любезности своей квартирной хозяйки, которая, вероятно, откуда-то узнала, что я очень люблю именно эти овощи. Испытывая прилив благодарности к этой доброй женщине, я с большим аппетитом съел его. Не сомневаясь в том, кто был виновником этого сюрприза, так как в мою комнату кроме хозяйки никто не входил, я при первой же встрече горячо поблагодарил ее за любезность. К моему удивлению оказалось, что хозяйка ничего не знает об этом артишоке. На следующее утро все повторилось - артишок лежал на прежнем месте.

Пораженный этими чудесами, я все же не лишился аппетита и съел его с не меньшим удовольствием, чем предыдущий. Но когда на третий день произошло то же самое, я решил разгадать эту загадку и найти шутника. Утром я спрятался за бочкой с квасом, стоящей в коридоре, и через некоторое время увидел Филоса, крадущегося по коридору с огромным артишоком в зубах. Он осторожно вошел в мою комнату и положил этот овощ на то место, где я его обычно находил. Тогда я решил продолжить расследование. На следующее утро, похлопав собаку по левой стороне головы (этот жест означал, что я ухожу из дому и не беру его с собой), я отошел немного от дома и спрятался в соседнем магазинчике. Вскоре вышел Филос и, внимательно оглядевшись, направился в сторону рынка, где продавали съестное и была ужасная толкучка в это время дня. Проходя мимо лавочек, Филос, посмотрев вокруг и убедившись, что за ним никто не наблюдает, подкрался к корзине с овощами и, схватив крупный иерусалимский артишок, бросился бежать. Вернувшись домой, я увидел этот артишок на своем столе.

Мне хотелось рассказать еще об одной особенности характера этого удивительного животного. Обычно, когда я покидал комнату, оставляя Филоса дома, он укладывался снаружи входной двери и дожидался моего возвращения. В мое отсутствие любой человек мог войти в комнату, но никто не мог выйти. Впустив посетителя в комнату, Филос встречал его попытку выйти грозным рычанием. Он вел себя так, что у несчастного пленника сердце уходило в пятки и пропадала всякая охота продолжать свои попытки покинуть мою комнату. Приведу в качестве примера один забавный случай, который произошел здесь же, в Новой Бухаре. Один поляк, который зарабатывал на жизнь тем, что ездил по разным городам и демонстрировал кинофильмы, что было диковинкой в то время, как-то пришел ко мне по совету местного жителя, чтобы просить меня починить баллон с ацетиленом, с помощью которого картина проецировалась на экран. Я сказал ему, что приду, когда у меня будет свободное время. Но оказалось, что в тот же день газ стал просачиваться и из второго баллона, и этот поляк, захватив оба контейнера, пришел ко мне, так как не хотел, чтобы вечерний киносеанс сорвался. Узнав, что меня нет дома, он решил оставить оба тяжелых баллона в моей комнате, чтобы не тащить их обратно. В то утро я отправился в Старую Бухару, где намеревался посетить одного мусульманина. Так как среди последователей религии Мухаммеда собака считается нечистым животным, я решил оставить Филоса дома, и он как обычно улегся возле входной двери, ожидая моего возвращения. Филос, позволив этому человеку войти в комнату, наотрез отказался выпускать его обратно. И после нескольких тщетных попыток выйти этот бедный поляк был вынужден расположиться на полу моей комнаты и в чрезвычайной досаде, без пищи и воды, ждать меня до позднего вечера.

Итак, я, как уже говорилось, жил в Новой Бухаре и на этот раз действительно занимался изготовлением и продажей бумажных цветов. Это позволяло мне не только зарабатывать на жизнь, но и проникать в те места, которые меня интересовали. Кроме того, доход от этой деятельности в нынешнем сезоне обещал быть хорошим. Жители этих мест обожали украшать свои жилища искусственными цветами, особенно на Пасху. А так как в этом году иудейская и христианская Пасхи почти совпадали, спрос на эту продукцию должен был быть особенно велик, ведь население Новой и отчасти Старой Бухары исповедует в основном эти две религии.

Я день и ночь проводил за усердной работой, изредка прерывая ее, чтобы навестить моих друзей дервишей, и иногда играя в бильярд возле ресторана. В молодости я очень увлекался бильярдом и считался хорошим игроком.

Однажды вечером, утомленный кропотливой работой, я вышел, чтобы немного развеяться, погоняя шары, и вдруг услышал какой-то шум и громкие возгласы. Отложив кий, я поспешил туда, где происходило что-то необычное, и увидел, что несколько мужчин избивают какого-то человека. Хотя все они были мне незнакомы, и я даже не знал, что является причиной драки, я,

не раздумывая, вмешался, пытаясь защитить несчастного. В те годы я увлекался японской борьбой джиу-джитсу и был рад любой возможности применить свое умение на практике. Итак, вмешавшись в драку из спортивного интереса, я задал нападавшим хорошую трепку и заставил их спастись бегством.

В то время население Новой Бухары в значительной степени состояло из людей, высланных из России и живущих под надзором полиции с так называемым "волчьим билетом". Здесь были представители множества наций и стран. Многие имели темное прошлое и весьма сомнительное будущее. Среди них были уголовные преступники, уже отбывшие тюремные сроки, а также политические ссыльные. Некоторые из них оказались здесь по решению суда, иные были сосланы в административном порядке. Высылка неблагонадежных с политической точки зрения лиц без суда была широко распространена в России в то время.

Они жили здесь в очень скверных и, как правило, непривычных для них условиях и неизбежно превращались в пьяниц. Даже те из них, кто прежде не пил, постепенно опускались и теряли человеческий облик.

Разделавшись с противником, я решил отвести своего случайного товарища к нему домой, опасаясь, что, если он пойдет один, с ним может произойти какое-нибудь несчастье. Но оказалось, что он живет в одном доме с мужчинами, которые его били, поэтому мне пришлось пригласить его к себе, на что он охотно согласился.

Мой новый знакомый, который представился Соловьевым, оказался совсем молодым человеком, но я заметил, что он уже пристрастился к спиртным напиткам. Утром стало очевидно, что в драке Соловьеву здорово досталось - он был весь в синяках, а один глаз почти не раскрывался. Поэтому я предложил ему не уходить и пожить у меня, пока он не поправится, тем более что началась Пасха и ему не нужно было ходить на работу. Вскоре он куда-то ушел, но к вечеру вернулся и остался у меня на ночь.

Весь следующий день я провел на ногах, обегав весь город, доставляя заказчикам искусственные цветы, предназначенные для празднования Пасхи. Не имея здесь знакомых христиан, я не был никуда приглашен, поэтому, купив в городе кулич, крашеные яйца, пасху и все то, что обычно едят в этот день, и не забыв бутылку водки, после окончания работы я отправился домой. Не найдя там Соловьева, я помылся, почистил одежду, в которой был, так как не имел другой, и отправился в церковь на вечернюю службу.

Вернувшись, я нашел Соловьева спящим. Так как в моей комнате не было стола, я втащил через окно пустой ящик и, стараясь не шуметь, чтобы не потревожить спящего, накрыл его чистой простыней, а затем положил на него купленную снедь. Только после этого я разбудил Соловьева. Увидев накрытый стол, он очень удивился и с радостью согласился принять участие в торжественном "банкете". Он сел на стопку моих книг, а я устроился на ведре, перевернутом вверх дном. Разлив водку, стакан я предложил Соловьеву, но, к моему изумлению, он, поблагодарив, отказался. Я выпил один, и мы принялись за еду. Филос, принимавший участие в трапезе, получил двойную порцию - две овечьи головы вместо одной. Мы ели в полном молчании, наше настроение нельзя было назвать праздничным. Вспомнив, как я встречал Пасху в кругу семьи, я задумался о своих близких, которые были далеко. Соловьев тоже думал о чем-то своем, так мы сидели довольно долго.

Неожиданно, как будто под влиянием внутреннего побуждения, Соловьев воскликнул: "Боже, дай мне силы никогда больше не прикасаться к этому зелью, которое довело меня до такой жизни!" Затем после небольшой паузы заговорил вновь и рассказал о себе с необыкновенной искренностью. Была ли причиной его откровенности Пасха, которая напомнила ему о прежней жизни, или повлиял вид празднично накрытого стола, а может и то и другое вместе, но он всю ночь изливал свою душу.

Оказалось, что прежде Соловьев был почтовым служащим, но стал он им совершенно случайно. Он происходил из богатой купеческой семьи. Его отец владел несколькими большими мельницами в Самаре. Родители матери, разорившиеся аристократы, не оставили ей в наследство ничего, они не смогли дать ей даже хорошего образования. Окончившая Институт благородных девиц, она, воспитывая своих детей, учила их только хорошим манерам. Это было все, что она вынесла из того учебного заведения. Отец редко бывал дома, проводя почти все время на своих мельницах и в амбарах. Кроме того он сильно пил и регулярно, несколько раз в году, находился в запое, делясь несколько недель. Трезвый, по словам Соловьева, он вел себя как настоящий самодур.

Каждый из родителей жил своей самостоятельной жизнью, они едва терпели друг друга. У Соловьева был младший брат, и родители, как часто бывает, поделили детей между собой. Старший был любимчиком матери, и поэтому вынужден был выслушивать постоянные насмешки отца. Это приводило к постоянным ссорам, и в конце концов между ними возникла настоящая вражда. Мать ежемесячно выдавала своему старшему сыну некоторую сумму, но вскоре ему стало не хватать этих денег, так как он начал ухаживать за девушками. И вот однажды он украл у матери дорогой браслет, чтобы сделать подарок своей возлюбленной. Узнав о краже, мать скрыла это от мужа, но сын продолжал выносить из дома ценные вещи, и в конце концов это стало известно главе семьи. Вор был изгнан, но вскоре, благодаря мольбам своей матери, прощен. Соловьев закончил пять классов гимназии, когда в Самару приехал передвижной цирк, и юноша потерял голову, влюбившись в красивую наездницу-акробатку по имени Вера. Когда цирк уехал, Соловьев последовал за своей возлюбленной, прихватив из дому значительную сумму денег. К тому времени он уже пристрастился к спиртному. В городе Царицыне, узнав, что Вера завела роман с капитаном конной полиции, он запил еще сильнее и стал завсегдатаем в портовых кабаках. Там он познакомился с разными темными личностями, которые в конце концов обокрали его, напоив до потери сознания. Очнувшись в незнакомом городе без копейки денег, он не решился сообщить об этом своим родителям, так как испытывал угрызения совести. Соловьев был вынужден зарабатывать деньги на жизнь самым черным трудом, он постоянно менял место работы и наконец оказался в городе Баку. Здесь удача улыбнулась ему, и, благодаря приличному костюму, одолженному случайным знакомым, он смог устроиться телеграфистом.

Пережитые несчастья заставили его задуматься, и он начал добросовестно исполнять свои служебные обязанности. Однажды Соловьев встретил человека, жившего прежде в Самаре и знакомого с его семьей. Тот решил помочь молодому человеку занять подобающее положение. Благодаря полученному гимназическому образованию Соловьев занял место почтового служащего в Баку и, пройдя испытательный срок, стал работать в почтовом ведомстве в Курске. Ведя очень скромную жизнь, сократив до минимума свои расходы, он смог хорошо одеться и даже отложить небольшую сумму денег. В двадцать один год Соловьев узнал, что его вскоре призовут на военную службу. Вернувшись в Самару, он остановился в гостинице и написал матери, не решаясь сразу отправиться домой. Но родители, радуясь, что он наконец взялся за ум, простили блудного сына и снова приняли в семью. Будучи телеграфистом, он должен был ждать призыва в течение нескольких месяцев, так как судьбу призывников этой категории решал генеральный штаб армии. Через три-четыре месяца он был призван и определен на должность служащего Закаспийской железной дороги, которая в те времена относилась к военному ведомству. Вскоре Соловьев заболел желтухой и был отправлен в местный госпиталь, после чего его перевели в военный госпиталь в Самарканде для прохождения медицинской комиссии, которая должна была установить, годен ли он для дальнейшей службы. В главном корпусе военного госпиталя, где лежал Соловьев, было специальное тюремное отделение, где лечились

уголовные преступники и подследственные. Прогуливаясь по коридору, Соловьев от нечего делать познакомился с одним из пациентов тюремного отделения, который, как впоследствии оказалось, был фальшивомонетчиком. Когда Соловьева признали негодным для прохождения дальнейшей службы и выписали из госпиталя, его новый знакомый попросил отнести записку одному своему поделщику и в благодарность за эту услугу дал Соловьеву флакон с какой-то синей жидкостью. Он объяснил, что с помощью этого раствора можно без особых трудностей подделывать трехрублевые купюры. Специальная бумага пропитывалась этой жидкостью, прикладывалась с обеих сторон к трехрублевке, и все вместе спрессовывалось между страницами толстой книги. В Центральной Азии, где население не очень хорошо разбирается в русских деньгах, эти купюры, как объяснил новый знакомый, можно сбывать без особого риска. Сперва Соловьев попытался воспроизвести этот процесс из одного любопытства, но, испытывая материальные трудности после отъезда из дому, он в конце концов не удержался и сбил некоторое количество этих фальшивок. Возвратившись домой в Самару, он был встречен с распростертыми объятиями и по совету отца стал работать на одном из его предприятий, довольно далеко от Самары. Через несколько месяцев, несмотря на благие намерения, он так соскучился и затосковал по прежней бродяжьей жизни, что явился к отцу и откровенно заявил о своем желании уехать отсюда. К немалому удивлению Соловьева, на этот раз отец не рассердился и даже снабдил его на дорогу немалой суммой денег. Уехав в Москву, а затем в Санкт-Петербург, Соловьев опять запил и в пьяном угаре оказался в Варшаве. Это произошло примерно через год после того, как он расстался с военной службой. В Польше Соловьев случайно встретился со своим знакомым по госпиталю, который, как оказалось, был оправдан судом и выпущен на свободу. Здесь в Варшаве он ожидал получения выписанной из Германии печатной машины, которая, как он рассчитывал, поможет ему при изготовлении фальшивых денег. Он предложил Соловьеву войти с ним в долю и заняться сбытом фальшивых банкнот в Бухаре. Предложение было очень соблазнительным, так как сулило большие выгоды, и Соловьев не смог отказаться. Он отправился в Бухару, чтобы дожидаться там прибытия компаньона, который задержался в Польше, получая заграничную посылку. В Бухаре Соловьев продолжал сильно пить и, истратив все деньги, вынужден был поступить простым рабочим на железную дорогу. С тех пор прошло три месяца.

Этот искренний рассказ глубоко тронул меня и вызвал желание помочь. К этому времени я уже довольно много знал о гипнозе, умел, приведя человека в гипнотическое состояние, дать ему установку избавиться от нежелательного пристрастия. Поэтому я предложил своему новому знакомому свою помощь, обещая избавить от пагубной привычки, если он действительно хочет, и объяснил, как это делается. Соловьев с радостью согласился, и мы немедленно взялись за дело. Ежедневно я приводил его в состояние гипноза и затем давал соответствующую установку. Вскоре Соловьев почувствовал такое отвращение к спиртному, что не переносил одного вида этой отравы, как он называл водку. Оставив свою работу на железной дороге, он стал путешествовать вместе со мной и даже помогал изготовлять искусственные цветы и продавать их на рынке.

Через некоторое время после того, как я познакомился с Соловьевым, мой старый друг дервиш Богга-Эддин, от которого я длительное время не имел новостей, наконец вернулся в Старую Бухару. Узнав, что я живу в Новой Бухаре, он на следующий день пришел ко мне. На вопрос о причине его столь долгого отсутствия Богга-Эддин ответил, что ему посчастливилось познакомиться с одним необыкновенным человеком и, чтобы иметь возможность часто беседовать с ним, он согласился быть проводником в экспедиции по реке Амударье. Богга-Эддин добавил, что теперь они вместе вернулись в Старую Бухару.

"Этот удивительный человек - член одной древней религиозной секты, известной под

названием Сармунг, главный монастырь которой расположен где-то в самом сердце Средней Азии. Оказывается, этот человек откуда-то знает тебя, и когда я предложил ему встретиться с тобой, он охотно согласился. Он сказал, что хотя ты и кафир, но твоя душа познала истину".

Должен пояснить, что кафирами здесь называли инородцев и иноверцев, это относилось ко всем европейцам, которые в соответствии с местными понятиями были не людьми, а скорее животными, не имеющими души.

Рассказ о новом знакомом Богга-Эддина так заинтересовал меня, что я попросил его устроить нашу встречу как можно быстрее. И вскоре она состоялась. Я много общался с этим человеком и заслужил такое доверие с его стороны, что однажды он предложил мне провести некоторое время в главном монастыре его религиозного братства.

"Возможно, там вы найдете ответы на вопросы, которые не дают вам покоя", - сказал он и добавил, что охотно поможет мне попасть туда при условии, что я соглашусь дать клятву никому не рассказывать о том, что я там увижу.

Конечно, я с благодарностью принял это предложение, согласившись на все условия. Я сожалел только о том, что мне придется расстаться с Соловьевым, который стал мне ближе, чем родной брат. Я спросил у моего нового знакомого, можно ли мне взять в эту экспедицию моего лучшего друга. Немного подумав, тот ответил, что не возражает, при условии, что мой друг тоже даст соответствующую клятву и что я могу поручиться за его порядочность. Я подтвердил, что Соловьеву можно безоговорочно доверять. За время нашей дружбы я убедился, что он может держать слово.

Обсудив все, мы договорились ровно через месяц встретиться на берегу Амударьи, где будут ждать четыре проводника, которые должны отвести нас в монастырь после того, как мы назовем пароль. В условленный день Соловьев и я оказались возле развалин старинной крепости, где встретились с четырьмя киргизами, посланными за нами. Обменявшись паролем, мы спешили и по их требованию поклялись сохранить в тайне все, что мы узнаем в этой экспедиции. Затем мы тронулись в путь, причем нам на глаза были надвинуты башлыки.

Всю дорогу мы держали данное слово, не пытаясь приподнять башлык, чтобы определить, где находится наш караван. Нам позволяли снимать их только во время привала, когда мы останавливались, чтобы отдохнуть и подкрепиться. Но во время движения башлыки с нас снимали всего дважды. В первый раз это произошло на восьмой день пути, когда нашей кавалькаде пришлось преодолевать горное ущелье по подвесному мосту. Он был так узок, что пройти по нему можно было только гуськом, держа лошадей в поводу.

По характеру местности мы предположили, что находимся где-то в долине Пянджа или Зеравшана, так как ширина потока была довольно значительной, а мост напоминал нам висятые мосты, уже увиденные нами на этих реках.

Должен сказать, что я предпочел бы идти по этому мосту с закрытыми глазами. Может быть потому, что мы долгое время ехали с закрытыми глазами или по какой-нибудь другой причине, но я никогда не забуду своего страха и тревоги во время этого перехода. Я долго не мог заставить себя сделать первый шаг.

Такие мосты часто встречаются в Туркестане, где нет возможности построить более капитальное сооружение и где, чтобы преодолеть это опасное место длиной в милю обходным путем, пришлось бы сделать крюк в двадцать миль.

Ощущения, которые испытываешь, ступив на это шаткое сооружение и заглянув на дно ущелья, где змеится горный поток, можно сравнить с ощущениями альпиниста, взглянувшего вниз с вершины горы Эйфель. Глядя вверх, человек не видит вершин окружающих гор, для этого необходимо отъехать от их подножия на несколько миль.

Подвесные мосты обычно не имеют поручней и так узки, что двигаться по ним можно

только гуськом. Хуже то, что они колышутся вверх-вниз, и идущий ощущает себя так, как будто он прыгает на батуте. А если прибавить и резонные сомнения в том, выдержит ли мост вес людей и лошадей, достаточно ли он прочен, то вы получаете приблизительное представление о моем состоянии в ту минуту. Обычно мост крепится веревками к деревьям, растущим на краю ущелья, и по моему мнению не может быть рекомендован даже тем европейцам, которых называют "любителями острых ощущений". При попытке перейти по такому мосту сердце человека уходит в пятки и даже куда-то гораздо ниже.

Второй раз нам позволили освободиться от наших башлыков при приближении какого-то встречного каравана, очевидно, не желая, чтобы мы привлекали внимание своим странным видом и вызывали у людей разные подозрения.

На нашем пути периодически появлялись сооружения, весьма типичные для Туркестана. Без этих загадочных монументов путешественники не имели бы возможности самостоятельно ориентироваться в этой местности, лишенной нормальных дорог. Они обычно располагаются на высоком месте, так что их можно увидеть издалека, часто за много миль. Эти сооружения представляют собой одиночные каменные блоки или просто высокие столбы, вкопанные в землю.

Среди местного населения распространены различные легенды, объясняющие появление этих странных монументов тем, что здесь был похоронен какой-либо святой, или же здесь он вознесся на небо, или что на этом месте святой убил семиглавого дракона, или что здесь случилось еще что-то необыкновенное. Обычно святой, в честь которого был воздвигнут этот монумент, считается покровителем местности. И когда путешественнику удастся преодолеть все трудности, встречающиеся на пути, например избежать нападения разбойников и диких зверей или удачно перебраться через реку или гору, - все это происходит по воле святого.

Любой купец, пилигрим или путешественник, который благополучно избежал всех опасностей, приносит к подножию монумента дары, благодаря своего покровителя за помощь.

Согласно местным верованиям, принесенные жертвы как бы напоминают святому о человеческих нуждах, заменяя собой молитвы. Сюда обычно приносят части одежды, фрагменты туши животного или что-либо еще в таком же роде. Один конец подношения привязывается к столбу а другой свободно двигается под воздействием ветра.

Эта шевелящаяся масса делает сооружение заметным с очень большого расстояния, так как она расположена на возвышенном месте. Путник, обнаружив один из таких монументов, направляется к нему от него - к другому подобному сооружению и т.д., ведь здесь нет дорог в привычном смысле этого слова. Тропинки, протаптываемые караванами, под воздействием частых снежных буранов постепенно совсем исчезают с лица земли.

Если бы этих сооружений не было, путешественник обязательно сбился бы с пути и его не спас бы самый точный компас. В дороге мы несколько раз сменили наших лошадей и ослов, несколько раз нам приходилось спешиваться и вести животных в поводу. Не однажды мы переплывали через быстрые горные реки и перебирались через высокие горы. Жара сменялась прохладой, из этого мы заключили, что мы то спускаемся в долину, то поднимаемся высоко в горы. В конце концов через двенадцать дней пути нам позволили ехать с открытыми глазами, и мы увидели, что находимся в глубоком ущелье, по дну которого струился бурный, но неширокий поток, а склоны были покрыты густой растительностью.

Как оказалось, это был наш последний привал. Подкрепившись, мы снова сели на лошадей и дальше ехали с открытыми глазами. Перебравшись через горную реку, мы ехали еще полчаса, и затем перед нами открылась долина, со всех сторон окруженная горами, вершины которых были покрыты снежными шапками. Вскоре мы увидели несколько строений, похожих на те, которые мы видели на берегах рек Амударьи и Пянджа. Эти строения, напоминающие крепость, были

окружены сплошной высокой стеной. У ворот мы были встречены старой женщиной, с которой наши проводники о чем-то заговорили, после чего они исчезли за воротами. Женщина, оставшаяся с нами, неторопливо отвела нас в предназначенные для гостей маленькие комнаты, похожие на монастырские кельи, и, указав на деревянные кровати, что стояли там, ушла.

Вскоре пришел пожилой мужчина, который очень доброжелательно заговорил с нами, как будто мы были давно знакомы, и, ни о чем нас не спрашивая, рассказал, что в первые дни еду нам будут приносить сюда. Он также посоветовал нам отдохнуть после долгой дороги, но добавил, что если мы не устали, то можем выйти и посмотреть окрестности, и дал нам понять, что мы можем делать все, что хотим.

Из-за сильной усталости мы решили последовать совету этого человека и как следует выспаться. Я проспал всю ночь как убитый и проснулся только, когда мальчик, посланный кем-то из монахов, принес нам чашки и самовар с зеленым чаем, а также наш завтрак, состоявший из кукурузных лепешек, козьего сыра и меда. Я хотел спросить у мальчика, где бы я смог помыться, но оказалось, что он говорит только на местном языке и не знает ни одного из тех, которыми владели мы с Соловьевым.

Когда я проснулся, моего друга уже не было в комнате, он выходил, но вскоре вернулся. Оказалось, что он отчего-то проснулся среди ночи, и, чтобы не разбудить меня, лежал бесшумно, вспоминая известные ему слова тибетского языка. На рассвете он попытался выйти за ворота, и тут старая женщина, встретившая нас вчера, заметила его и, делая знаки, позвала за собой. Соловьев последовал за ней, думая, что ему запрещается выходить за ворота и причина ее поведения в этом. Но оказалось, что она просто хочет угостить его теплым парным молоком. После этого она даже помогла ему открыть тяжелые ворота. Так как никто кроме мальчишки к нам не приходил, мы решили сами ознакомиться с окрестностями и сперва прошли вдоль стены, окружавшей строения, обнаружив еще одни ворота поменьше на северо-западной стороне.

Вокруг нас царствовала почти благоговейная тишина, нарушаемая только однообразным шумом текущей воды и щебетом птиц. Солнце пекло, дышать было тяжело, нас почти не радовала красота окружающего пейзажа, и только свежесть со стороны реки тянула как магнитом. Не сговариваясь, мы направились к воде. С этого дня берег реки станет нашим любимым местом работы и отдыха.

Ни в тот день, ни на следующий никто из монахов не пришел проведать нас, только регулярно, три раза в день, мальчик приносил нам еду, состоящую из молочных продуктов, сухих фруктов и рыбы, в основном пятнистой форели, и ставил самовар. Мы проводили время, валяясь на кроватях, или шли к реке, где под монотонный шум бегущей воды заучивали слова тибетского языка. Ни у воды, ни по дороге к ней мы не встречали никого. Только один раз, когда мы сидели в тени деревьев у воды, к реке подошли четыре девушки, но, заметив нас, они быстро свернули в сторону и, пройдя через маленькую рощу, вошли в ворота, которые находились на северо-западной стороне стены.

Утром третьего дня мы коротали время у реки: я бездумно смотрел на бегущий поток, а Соловьев пытался с помощью одного ему известного способа определить высоту окружающих нас гор, вершины которых скрывались в облаках. К нам подбежал мальчик и подал Соловьеву записку - сложенный листок бумаги без конверта. Тот, в замешательстве повертев его в руках, протянул мне. Когда я развернул бумагу и узнал почерк писавшего, у меня потемнело в глазах - так неожиданно это было. Эту записку написал мой самый лучший друг, о котором я давно не имел никаких известий. Содержание было таким:

"Мой дорогой друг! Когда я узнал, что вы находитесь здесь, я чуть не умер от радости. К сожалению, я не мог поспешить к вам навстречу, чтобы обнять вас, так как я болен и не встаю с постели, и узнал о вашем присутствии несколько минут назад. Ах, как я рад, что смогу увидеть

вас, что вы сами, по собственной инициативе приехали сюда. Это доказывает, что вы не прекратили свои поиски, не впали в душевную лень. Поспешите же ко мне, нам есть о чем поговорить. Мне сказали, что вы здесь с другом. Хотя я и не знаком с ним, я буду рад ему как вашему другу, одно это достаточно его характеризует".

Дойдя до этих слов, я вскочил на ноги и побежал к монастырю, дочитывая остальное на ходу и делая знаки Соловьеву следовать за мной.

Куда я бежал, я не знал и сам, не представляя, где находится мой старый друг. За мной спешили Соловьев и мальчик, принесший записку. Когда мы подбежали к монастырю, мальчик провел меня во второй двор, где показал келью князя Любовецкого. После радостных восклицаний и объятий я спросил, что с ним случилось.

"Прежде я чувствовал себя прекрасно, - начал свой рассказ князь, - но две недели тому назад во время купания в реке я порезал палец ноги. Сначала я не обратил на это внимания, но вскоре палец начал болеть. Думая, что боль быстро пройдет, я не стал ничего предпринимать, но вскоре мне стало хуже, образовалось нагноение, через неделю началась лихорадка, и я был вынужден лечь в постель. Монахи сказали, что у меня было заражение крови, но кризис прошел, опасность миновала, я вскоре буду здоров. Но довольно обо мне, лучше расскажи, какое чудесное провидение привело тебя сюда?"

Я рассказал князю о своей жизни за время, что мы не виделись, о моей дружбе с Богга-Эддином и о том, что привело меня в этот уединенный монастырь. Затем я стал сам расспрашивать князя, желая узнать, почему он не писал мне все это время или не дал знать о себе каким-нибудь другим способом, почему он заставил меня поверить в то, что его уже нет в живых. Ведь я даже заказывал заупокойную службу, несмотря на то что в те дни находился в тяжелом материальном положении. В конце я спросил его, как он здесь оказался, и услышал следующее:

"Когда мы с вами в последний раз встретились в Константинополе, меня уже начинала охватывать какая-то апатия, душевная вялость, которая через некоторое время приняла форму полной душевной опустошенности, потери интереса ко всему окружающему. Прибыв на Цейлон, я познакомился с известным буддийским монахом. Оказалось, что нас с ним волнуют одни и те же вопросы, и в конце концов мы решили организовать экспедицию по Гангу. Предпринимая это рискованное путешествие, я как будто хватался за последнюю соломинку, стараясь искусственно возродить прежний интерес к жизни, и когда оно завершилось, просто не знал, что делать дальше. Во мне как будто умерли все мои прежние желания и чувства. Оказавшись в Кабуле, я погрузился в полную апатию, только изредка встречаясь со своими старыми знакомыми, среди которых был Ага-хан, человек, чья жизнь так же была богата приключениями, как и моя. Однажды среди гостей Ага-хана я увидел сидящего на самом почетном месте старого тамила в очень необычной одежде. Поприветствовав меня и видя, что я проявляю заметный интерес к его необычному гостю, он прошептал мне на ухо, что это его старый друг, которому он обязан спасением своей жизни. Этот старый тамил жил где-то на севере, он иногда приезжал в Кабул повидать своих родных и уладить некоторые дела. Оказавшись в этом городе, он всегда заходил к Ага-хану, чему тот был несказанно рад, так как обожал этого человека. Ага-хан добавил, что очень советует мне познакомиться с этим старым тамилом, и предупредил меня, что я должен говорить громко, так как тот туг на ухо. Разговор, прерванный моим появлением, вновь возобновился. Речь шла о лошадях. Старый тамил принял участие в дискуссии, и сразу стало ясно, что он является большим знатоком и любителем лошадей. Затем разговор перешел на политику. Присутствующие говорили о соседних странах, о России и Англии. Когда речь зашла о России, Ага-хан, указывая на меня, с улыбкой сказал: "Прошу вас, не говорите о России ничего плохого. Вы можете обидеть нашего русского гостя". Хотя это было сказано в шутливом

тоне, мне стало ясно, что Ага-хан хотел предотвратить неизбежные обвинения в адрес России. Как раз в то время ненависть к русским и англичанам была особенно сильна.

Затем общая беседа иссякла и присутствующие разделились на отдельные группы, в каждой из которых разговаривали о чем-то своем. Я подсел к старому тамилу и вступил с ним в беседу, испытывая к этому человеку все большую симпатию. Он обращался ко мне на местном диалекте, интересуясь, откуда я приехал, как оказался в Кабуле, и внезапно заговорил по-русски - очень правильно, хотя и с небольшим акцентом. Этот почтеннейший человек рассказал мне, что некоторое время жил в Москве и Санкт-Петербурге, а также в Бухаре, где очень много русских, и таким образом овладел русским языком. Он добавил, что очень рад случаю вновь говорить на этом языке, так как из-за отсутствия практики начал его забывать.

К тому времени гости Ага-хана стали уже расходиться, и мой новый знакомый предложил мне пойти с ним в чайхану и продолжить наш разговор там. Он объяснил мне, что посидеть в чайхане или кофейне - его слабость, приобретенная с юных лет, от которой он не смог избавиться до сих пор. И сейчас, как только он оказывается в городе, он не может отказать себе в этом удовольствии, отправляясь в чайхану при каждом удобном случае. Этот старый тамил заметил, что шум и суета, царящие там, не только не мешают, но и даже помогают ему думать.

Я с большим удовольствием согласился составить ему компанию, и не только из-за того, что мне приятно было разговаривать на русском языке, но и по причине, которую я не сразу осознал. Будучи сам уже немолодым человеком, я почувствовал к нему то, что внук чувствует к любимому деду. Придя в чайхану, мы сели на открытой террасе и заказали зеленый бухарский чай. По тому вниманию и почтению, которое окружающие оказывали этому старому человеку, я понял, что здесь он любим и уважаем. Мы разговаривали на таджикском, и после первой чашки чая он вдруг прервал беседу, заметив: "Все, о чем мы говорим, - пустяки, не имеющие никакого значения", - он оглянулся и замолчал.

Все это показалось мне странным - и неожиданно прерванная беседа, и пронзительный взгляд старика, и я подумал: "Увы, с возрастом его ум ослаб и мысли начали путаться", - и мне стало очень грустно. Постепенно я совсем раскис, размышляя о том, что я и сам не молод и что недалек тот час, когда мне не удастся вести разумную беседу. Я был так погружен в эти невеселые мысли; что даже забыл о своем собеседнике. Внезапно снова раздался его голос. И то, что было сказано, мгновенно вывело меня из задумчивости и направило мои мысли в другое русло.

- Эх, Гого, сорок пять лет вы работали не покладая рук, и никогда ваше сердце не находилось в согласии с вашим разумом. Если бы вы достигли этого, то сейчас не были бы так одиноки.

Услышав, как он назвал меня, я пришел в изумление. Как мог этот индус, впервые увидевший меня в Средней Азии, знать мое детское прозвище? Так меня звали только мать и няня, и с тех пор никто не обращался ко мне подобным образом. Можете представить себе мое удивление, когда я услышал это прозвище через столько десятилетий в кабульской чайхане! Вдруг я вспомнил одного старого человека, который однажды пришел ко мне в Москве после смерти моей жены, когда я был еще совсем молодым. Но тот был выше ростом, имел другие черты лица и уже в те времена был очень стар. Я не мог найти разумного объяснения тому, что сейчас происходило. Откуда этот старик знает так много о моей жизни и о моем внутреннем состоянии, в котором я и сам не мог разобраться?

Пока подобные мысли блуждали во мне, старик сидел, погружившись в молчание. Не выдержав, я воскликнул: "Но кто же вы? Откуда вы меня знаете?"

"Не все ли вам равно, кто я. Это праздное любопытство - главная причина того, что труд всей вашей жизни оказался безрезультатным. Какое значение имеет то, почему я так много знаю

о вас и вашем душевном состоянии, если все, что я говорю, - правда".

Этот упрек поразил меня в самое сердце. И в самом деле, не все ли мне равно, что происходит вне меня. Я был очевидцем многих невероятных событий. И что же я вынес из этого? Может быть, если бы я так жадно не искал новых впечатлений, не проводил бы свою жизнь в суете, стараясь удовлетворить свое праздное любопытство, я не оказался бы на старости лет с такой пустотой в душе.

Я искренне попросил извинения у этого человека за свои ненужные вопросы. После этого мы долго сидели в полном молчании, погруженные в раздумье. И наконец он сказал: "Возможно, еще не все потеряно. Если вы осознаете все, что с вами происходит, понимаете, что ваша нынешняя душевная опустошенность - результат погони за миражами, я советую вам сделать еще одну попытку. Если вы согласитесь принять одно условие, я попробую помочь вам. Это условие состоит в том, что вы должны умереть для мирской жизни, отказаться от прежних привычек и развлечений раз и навсегда и последовать туда, куда я укажу вам".

Признаюсь откровенно, выполнение этого условия не требовало от меня больших жертв, потому что, не считая моих многочисленных друзей, все остальное потеряло для меня интерес, и мне не составляло труда от всего этого отказаться.

Я объяснил это моему собеседнику и сказал, что могу последовать туда, куда он зовет меня, хоть сейчас. Он ответил мне, что устроит все как можно скорее, и исчез в толпе. На следующий день я уладил все свои дела, отдал необходимые инструкции всем своим служащим, отправил несколько писем делового характера и принялся ждать.

Через три дня ко мне пришел молодой таджик и очень лаконично сказал: "Я буду вашим проводником. Путешествие продлится около месяца". Он рассказал мне, как он подготовился к этой экспедиции, что собрал в дорогу, и просил сообщить, что еще мне понадобится в пути.

Я не нуждался больше ни в чем, так как все необходимое было предусмотрено этим проводником, и, сообщив, что готов отправиться в путь завтра утром, попросил назвать место и время отправления.

Так же лаконично, как и прежде, он сказал, что я должен прибыть к шести часам утра в караван-сарай Калматас, который находится в окрестностях города. Уже на следующий день я был в пути, и через две недели оказался здесь, где вы меня и нашли. А сейчас расскажите мне все, что вы знаете о наших общих друзьях".

Видя, что долгий рассказ утомил моего друга, я предложил отложить продолжение разговора на другой день, боясь, что такое напряжение помешает выздоровлению князя. Все время, пока князь болел, мы с Соловьевым навещали его, а когда он выздоровел и смог покинуть свою келью, он стал сам приходить ко мне, и мы каждый день вели продолжительные разговоры.

Так продолжалось около двух недель до того дня, когда нас позвали в третий внутренний двор к настоятелю монастыря, который провел с нами беседу с помощью переводчика. Он назначил нам проводником и помощником одного из старых монахов с иконоподобным благородным лицом. Было сказано, что этому монаху двести семьдесят пять лет. После этого мы стали полноправными членами этого братства. Нам разрешалось ходить по всему монастырю, общаться со всеми монахами. И вот что меня сразу же заинтересовало. В центре монастырского двора находилось высокое строение, похожее на храм, где дважды в день для всех, кто жил в монастыре, устраивались религиозные танцы, в которых участвовали специально обученные монахи, или же присутствующие слушали религиозные песнопения.

Когда князь Любовецкий полностью выздоровел, он всюду ходил вместе с нами и объяснял нам все, о чем бы мы его ни спросили. Он был, так сказать, вторым нашим проводником и помощником. Я не буду описывать в деталях все, что мне довелось здесь увидеть, может быть, в

свое время я посвящу этому отдельную книгу. Но я хотел бы уделить несколько строчек одной религиозной церемонии, свидетелем которой мне посчастливилось быть, а также одной загадочной конструкции, назначение которой я не сразу понял.

Однажды князь Любовецкий получил разрешение взять нас в ту часть монастыря, которая была предназначена для женщин-монахинь, где они обучались священным танцам под руководством опытной монахини-учительницы. Князь, зная, что я интересуюсь законами движения человеческого тела и связью их с психическим состоянием личности, посоветовал мне посетить этот "танцевальный класс" и посмотреть на устройство, с помощью которого обучают танцам юных учениц. Даже на первый взгляд это устройство казалось очень древним. Оно было сделано из черного дерева, инкрустированного слоновой костью и жемчугом. Когда это устройство не использовалось и стояло в сложенном виде, оно напоминало дерево с длинными опущенными ветвями. Присутствуя во время священнодействия, я увидел, что устройство состоит из длинного гладкого столба не менее двух метров высоты, укрепленного на треножнике. От этого столба отходили семь "ветвей" различных размеров, каждая из которых в свою очередь состояла из семи сегментов, увеличивающихся по длине прямо пропорционально расстоянию от столба, то есть каждая следующая часть была длиннее предыдущей. Каждый сегмент "ветви" был соединен с соседним посредством двух полых шаров из слоновой кости. Один шар находился внутри другого, причем внешний шар не полностью закрывал внутренний, таким образом конец одного сегмента "ветви" может быть прикреплен к внутреннему шару, а конец следующего к внешнему. Эти соединения работали как плечевой сустав человека и позволяли любому сегменту "ветви" двигаться в любом желаемом направлении. На поверхности внутренних шаров были начертаны какие-то символы, имеющие определенное значение. В этом помещении я заметил еще два таких устройства, причем возле каждого стоял маленький шкафчик, наполненный квадратными пластинками из неизвестного мне металла, на которых тоже находились какие-то надписи. Князь Любовецкий объяснил нам, что эти пластинки только копии, а оригиналы, сделанные из чистого золота, хранятся у шейха. Знатоки утверждали, что этим пластинкам и устройству более 4500 лет. Далее князь рассказал, что надписи на внутренних шарах соответствуют надписям на пластинках, и что сегменты, скрепленные шарами, нужно размещать определенным образом. Когда все сегменты установлены в соответствии с определенным планом, юные ученицы часами рассматривают и запоминают их расположение. Пройдет много лет, прежде чем эти девочки смогут принимать участие в религиозных ритуалах и исполнять священные танцы в храме. Они должны овладеть этим искусством в совершенстве. Каждая позиция танца так же, как и каждое расположение сегментов древнего устройства наделены определенным смыслом. Они как бы являются отдельными буквами особого алфавита, известного каждому из обитателей этого монастыря. И когда вечером в главном храме начинается этот священный ритуал, монахи, глядя на танцующих девушек, "прочитывают" этот танец, как мы прочитываем книгу, и познают заключенную в нем истину, помещенную туда нашими далекими предками. Эти танцы доносят до нас информацию, содержащую сведения о давних событиях, передаваемую из века в век.

Эти юные девушки, обучающиеся священным танцам по обету, данному их родителями, или по каким-либо другим причинам, посвящают всю свою жизнь служению Всевышнему. Их отдают в монастырь в раннем детстве, где их обучают всему необходимому для их будущего служения.

Когда, посетив этих учениц, я затем отправился посмотреть исполнение танцев опытными монахинями-танцовщицами, я был поражен не тайным смыслом ритуала, который я как раз не понял, но совершенством их мастерства. Ни в Европе, ни в другой части света, где я жил, я не видел ничего подобного.

Мы прожили в этом монастыре около трех месяцев и уже настолько привыкли к тому, что нас окружало, что не могли себе представить иной жизни. Но однажды ко мне подошел князь и с грустным выражением лица сообщил, что его сегодня пригласил настоятель монастыря, где у них произошел важный разговор в присутствии еще нескольких монахов.

"Настоятель сказал мне, - продолжал князь Любовецкий, - что мне осталось жить всего три года, и он советует мне провести это время в монастыре, который расположен на северном склоне Гималаев, если я не имею собственных планов на этот срок. Настоятель предложил мне свою помощь, обещая сделать так, чтобы эти годы прошли как можно полноценнее, приблизив меня к истине, которую я так долго искал.

Я принял это предложение без колебаний, и мы условились, что я покину монастырь через три дня в сопровождении опытного проводника. И я хочу провести эти дни, общаясь с вами, моим самым близким другом".

Неожиданность этого сообщения ошеломила меня так, что в течение некоторого времени я не мог вымолвить ни слова. Когда ко мне вернулся дар речи, я только и смог спросить его: "Это правда?" "Увы, да, - ответил князь, - и я надеюсь, что сумею наверстать время, которое я так бессмысленно тратил, имея в своем распоряжении столько возможностей. А вы продолжайте думать обо мне, как о человеке, который давно умер. Вы же говорили, что заказали панихиду по мне, считая, что я погиб в одной из моих многочисленных экспедиций. Так давайте же, встретившись при таких счастливых обстоятельствах, расстанемся без печали".

Князь был очень спокоен, говоря мне все это, но мне было тяжело смириться с мыслью, что я вновь должен потерять этого удивительного человека, ставшего моим лучшим другом. В течение этих трех дней мы почти непрерывно говорили с князем, и когда он улыбался, мое сердце разрывалось на части, потому что эта улыбка была проявлением любви, доброты и терпения. И вот настал печальный день расставания, и я сам помогал грузить караван, который должен был увезти моего друга навсегда. Когда всадники двинулись в путь, князь обернулся и, взглянув на меня, трижды благословил.

Мир твоей душе, святой человек.

Завершая эту главу, посвященную моему другу князю Юрию Любовецкому, я хочу рассказать о трагической гибели Соловьева, которая произошла при чрезвычайных обстоятельствах.

Смерть Соловьева

Вскоре после того, как окончилось наше пребывание в горном монастыре, Соловьев присоединился к группе людей, посвятивших свою жизнь поискам истины, о которых я уже упоминал. Я конечно же дал ему необходимые рекомендации. Он стал полноправным членом этого общества, и с тех пор, благодаря его упорным сознательным усилиям, он смог не только достичь огромных успехов, работая над собой, но в то же время принимал самое активное участие во всех наших экспедициях.

Во время одного из таких путешествий в 1898 году он умер от укуса дикого верблюда в пустыне Гоби. Я опишу обстоятельства, при которых произошло это трагическое событие, как можно подробнее не только из-за смерти моего друга. Мне также хочется уделить особое внимание нашему способу пересечения пустыни, довольно необычному который может оказаться полезным другим путешественникам. Я начну свой рассказ с того момента, когда, пройдя с огромными трудностями от Ташкента до берегов реки Шаракшан, перебравшись через множество высоких гор, мы достигли Ф. - очень маленького поселка на окраине пустыни Гоби.

Мы решили, прежде чем начинать запланированный переход через Гоби, остаться в этом поселке на несколько недель, чтобы хорошенько отдохнуть, а также, расспрашивая местных жителей, узнать все легенды и поверья, связанные с этой пустыней. И мы слышали, что под песками пустыни похоронено много древних поселений и даже больших городов, что эти пески хранят множество сокровищ, принадлежавших жителям этого цветущего региона. Еще нам сказали, что места, где лежат эти сокровища, известны некоторым людям, живущим в соседних поселках, и что эти сведения передаются от отца к сыну и держатся в глубочайшей тайне. Нарушение клятвы хранить молчание, как нам поведали, сурово карается. И тяжесть наказания зависит от того, насколько важны были выданные тайны. Уверенность в том, что под песками пустыни Гоби захоронен большой город, подтверждаемая многими фактами, не противоречащими друг другу, передалась многим из нас, особенно профессору Скридлову, археологу, бывшему участником нашей экспедиции.

После оживленной дискуссии мы решили составить такой маршрут через Гоби, чтобы пройти по району, где, согласно преданиям, под песками пустыни лежит город. Там мы намеревались провести небольшие археологические раскопки под руководством профессора Скридлова, большого специалиста в этой области. И затем, в зависимости от результатов этих раскопок, планировать дальнейший маршрут.

И хотя этот район лежал вдали от более или менее известных дорог через пустыню Гоби, но мы, следуя нашему обычному правилу никогда не идти проторенными путями, не только с энтузиазмом готовились к преодолению всех трудностей, ожидавших нас, но даже ощущали душевный подъем.

Когда мы немного поостыли и всерьез задумались над тем, что нам предстоит сделать, препятствия показались нам столь значительными, что у многих из нас возник вопрос, а сможем ли мы вообще их преодолеть?

Сложность была в том, что маршрут, который мы запланировали, был очень протяженным, и преодолеть такое расстояние обычным способом казалось невозможным. Главная проблема заключалась в обеспечении нашего каравана водой и провизией, так как по самым скромным подсчетам вес груза должен был быть таков, что нести его людям было не под силу. И в то же время об использовании для этих целей вьючных животных не могло быть и речи, так как не приходилось рассчитывать на то, что в дороге нам попадет хотя бы одна травинка или капля воды. Мы даже не знали, встретятся ли нам в пути оазисы.

Несмотря на все это мы не отказались от нашего дерзкого предприятия, но все тщательно обсудив, единогласно решили, что в течение следующего месяца останемся здесь и, сконцентрировав все свои умственные усилия на решении этой проблемы, найдем выход из ситуации, которая на первый взгляд кажется безнадежной. В течение этого времени каждый должен быть обеспечен всем, что поможет решить ему эту задачу.

Профессору Скридлову, как главе нашей экспедиции, поручалось руководство этим рискованным предприятием, и среди прочего он должен был распоряжаться нашими денежными средствами. Когда каждый из членов группы получил от него некоторую сумму денег, кто-то остался в поселке, а кто-то в соответствии со своим планом покинул его. Место встречи было назначено в маленьком поселке на краю пустыни, откуда мы намеревались начать наш переход. Через месяц мы собрались в условленном месте, под руководством профессора Скридлова разбили лагерь, и каждый из нас рассказал о том, что ему удалось придумать. Очередность наших отчетов решалась жребием. Первыми тремя были горный инженер Карпенко, затем доктор Сары-оглы и филолог Елов. Их доклады были очень интересны и полны оригинальными мыслями. Даже форма, в которой они были сделаны, так запечатлелась в моей памяти, что я до сих пор помню каждое слово. Карпенко начал свою речь так: "Хотя я знаю, что никто из присутствующих не в восторге от привычки европейских ученых, прежде чем перейти к сути дела, в своем предисловии начинать с Адама, но в данном случае, принимая во внимание серьезность стоящей перед нами задачи, я считаю совершенно необходимым, прежде чем заявить о своих выводах, рассказать о том, как я к ним пришел.

Гоби - это пустыня, чьи пески, по утверждению ученых, очень недавнего происхождения. Учитывая этот факт, выдвигаются два предположения:

пески пустыни - это бывшее морское дно или же они нанесены ветром со скалистых вершин Тянь-Шаня, Гиндукуша или Гималайской горной цепи, или с гор, лежавших севернее, но исчезнувших под действием сильных ветров. Принимая во внимание то, что мы должны обеспечить едой на всем протяжении нашего пути как нас самих, так и тех животных, которых мы посчитаем необходимым взять с собой, стоит задуматься, а не могут ли сами пески послужить нам для этой цели.

Я думаю так: если эта пустыня - бывшее морское дно, тогда пески должны состоять из различных слоев и зон, как и любой живой организм, и содержать органические вещества. Следовательно, мы должны найти средство превратить эту органическую материю в вещество, которое может быть усвоено человеческим организмом, и таким образом обеспечить себя энергией, необходимой для жизнедеятельности. Если же пески этой пустыни являются наносными отложениями горного происхождения, тогда тем более оказывается, что вне всякого сомнения почва большинства крупных оазисов Туркестана, а также областей, примыкающих к пустыне, чисто растительного происхождения и состоит из органических веществ, занесенных сюда с горных вершин. Итак, мы приходим к выводу, что в течение столетий эти органические субстанции должны были откладываться под огромной массой песка этой пустыни, смешиваясь с ним. Далее можно утверждать, что в соответствии с законом гравитации все субстанции группируются в соответствии с их удельным весом; таким образом, здесь, в пустыне, органические вещества, будучи гораздо легче песка, постепенно группируются в отдельных слоях или зонах.

Придя к такому заключению, я организовал маленькую экспедицию в пустыню, чтобы проверить свои предположения на практике, и через три дня пути провел необходимые исследования. Я вскоре нашел в некоторых местах слои, хотя и едва отличимые невооруженным глазом от остальных масс песка, однако, как было установлено мной, явно другого происхождения. При помощи микроскопа и химического анализа отдельных частиц этих

смешанных субстанций я узнал, что они состоят из мертвых тел мельчайших организмов и остатков различных тканей растительного происхождения. Навьючив всех семерых верблюдов, которых я имел в своем распоряжении, этим особым грунтом, содержащим органические вещества, я вернулся обратно и, по совету профессора Скридлова, купив некоторое количество животных различных видов, провел серию экспериментов над ними. Я приобрел двух верблюдов, двух яков, две лошади, двух мулов, двух ослов, десять овец, десять коз, десять собак и десять котов и заставлял их хорошенько проголодаться, давая им ограниченное количество пищи, достаточное, чтобы только поддерживать их существование, а затем начал понемногу подмешивать им в еду некоторое количество этого органического вещества, которое я привез с собой из пустыни.

В течение нескольких первых дней эксперимента все без исключения животные отказывались есть эту смесь, но когда я начал готовить ее другим способом, всего через неделю овцы и козы начали питаться ею с большой охотой.

Тогда я все внимание сосредоточил именно на этих животных и через два дня полностью убедился в том, что овцы и козы даже стали предпочитать приготовленные мной смеси всем другим видам пищи. Я соединял 71/2 части этого грунта, 2 части бараньего фарша и 1/2 части обыкновенной соли. Вначале все животные, включая коз и овец, игнорировали эту смесь, но потеряв от 1/2 до 2 1/2% от общей массы тела и начав ее есть, они не только перестали терять в весе, но даже поправились на 1 -3 фунта. Благодаря этому эксперименту я установил, что этот вид грунта, содержащий органические вещества, вполне может быть использован в качестве корма для животных при условии, что он смешан с некоторым количеством мяса. Таким образом, я могу предложить следующее: чтобы решить проблему, связанную с обеспечением нашей экспедиции продуктами питания во время пути, необходимо закупить несколько сотен овец и коз и постепенно, по мере необходимости, использовать их в пищу как для себя, так и для оставшихся животных, готовя им вышеупомянутую смесь. Не следует опасаться того, что мы столкнемся в пути с нехваткой соответствующего грунта, так как все данные, собранные мной, свидетельствуют о том, что залежи распространяются повсеместно.

Теперь что касается воды. Для того, чтобы обеспечить себя достаточным запасом влаги, мы должны раздобыть большое количество овечьих или козых мочевых пузырей или желудков - вдвое большим, чем количество животных, которых мы возьмем с собой, - и, обработав их соответствующим образом, использовать в качестве бурдюков, наполнив водой и навьючив по две штуки на каждую овцу и козу. Я провел соответствующие эксперименты и убедился, что овца может нести такое количество воды без всякого ущерба для себя. Расчеты показали, что нам вполне хватит этого количества воды как для собственных нужд, так и для того, чтобы поить в пути животных, принимая во внимание то, что мы будем очень экономно расходовать ее в течение первых двух-трех дней. Затем мы сможем воспользоваться бурдюками с водой, снимаемыми с животных, которые пошли нам в пищу, и таким образом не будем испытывать в ней большого недостатка".

Когда Карпенко закончил, слово взял Сары-оглы. Я встретился и подружился с ним пять лет тому назад. Перс по происхождению, уроженец восточной части этой страны, он получил образование во Франции. Возможно, придет время, когда я посвящу ему отдельную книгу, так как этот выдающийся человек оказал огромное влияние на мою жизнь.

Сары-оглы сказал примерно следующее: "Заслушав доклад горного инженера Карпенко, я должен сказать "пасс" относительно первой части моего сообщения, признавая, что ничего лучше предложить нельзя. Однако что касается второй его части, в которой я пытался решить серьезную задачу: как передвигаться по пустыне во время песчаных бурь, - я хотел бы представить вам свои соображения и результаты проведенных экспериментов. Выводы, к

которым я пришел, дополняют, по моему мнению, сказанное инженером Карпенко.

Тот, кто пытается пересечь пустыню, часто попадает в бурю, во время которой почти невозможно передвигаться ни людям, ни животным, так как в воздух поднимается огромная масса песка, в мгновение ока образуя высокую гору там, где только что была впадина. Я подверг сомнению аксиому, что всякое передвижение по пустыне во время песчаной бури невозможно. Мне пришло в голову, что песок, обладая немалым удельным весом, не может подниматься очень высоко, и существует предел, выше которого не поднимется ни одна песчинка. Развивая эту идею дальше, я решил установить эту гипотетическую величину.

С этой целью я приобрел здесь высокую складную лестницу и, взяв двух верблюдов и проводника, отправился в пустыню. В конце первого дня я остановился на ночлег, как вдруг поднялся сильный ветер, который через час превратился в настоящую бурю, так что невозможно было устоять на месте и даже дышать из-за поднявшегося в воздух песка.

С большим трудом я начал составлять складную лестницу, которую захватил с собой, и затем установил ее вертикально, использовав верблюдов как опору, чтобы вскарабкаться наверх. Представьте себе мое удивление, когда на высоте всего в двадцать пять футов я не обнаружил ни одной песчинки.

Моя лестница была шестидесяти футов длиной, я не успел преодолеть и трети, когда воздух прояснился. Вверху было чудесное звездное небо и сияла луна, такое я нечасто видел даже дома в восточной Персии. А ниже происходило что-то невообразимое, я чувствовал себя так, будто стоял на берегу океана во время шторма.

Пока я стоял там наверху и любовался, буря начала стихать, и через полчаса я смог спуститься. И хотя ветер теперь был не очень силен, мой спутник все еще шел, держась, как принято в таких случаях, на гребне дюн, повернувшись спиной к ветру и ведя за собой одного верблюда. Второй, как я узнал, вырвался на свободу и сбежал в неизвестном направлении.

Когда стало совсем тихо, мы отправились на поиски второго животного и очень скоро нашли его, заметив копыта, торчащие из песка недалеко от того места, где была укрепена лестница. Выкапывать верблюда не имело никакого смысла, так как он был мертв и погребен под большой массой песка. Поэтому мы сразу же отправились в обратный путь, подкрепляясь на ходу, чтобы не терять зря времени, и к вечеру достигли нашего поселка. На следующий день я заказал несколько пар ходулей разных размеров в нескольких местах, чтобы избежать ненужных вопросов, и, захватив с собой одного верблюда, навьюченного провизией, снова отправился в пустыню. Там я начал учиться ходить на этих ходулях, сначала на низких, затем на тех, что повыше. Чтобы облегчить движение по песку, я укрепил внизу что-то наподобие металлических подошв, которые я тоже, в целях предосторожности, заказал в разных местах. В то время как я учился передвигаться на ходулях, в пустыне прошли две бури. Одна из них была не особенно сильной. Но даже в течение этой песчаной бури перемещаться и ориентироваться на местности с помощью обычных средств было совершенно невозможно. Но взбираясь на ходули во время всех песчаных бурь, я двигался в любом желаемом направлении с такой легкостью, словно я ходил по своей комнате. Сперва было очень трудно шагать не спотыкаясь по дюнам, и особенно во время песчаной бури. Но, к счастью, оказалось, что поверхность насыщенного песком нижнего слоя воздуха имеет неровности, полностью соответствующие неровностям песчаного грунта, так что ходьба на ходулях значительно облегчается тем фактом, что вы по контуру насыщенного песком слоя атмосферы можете ясно видеть, где кончается одна дюна и начинается другая.

"В любом случае, - заключил доктор Сары-оглы, - можно считать установленным, что насыщенный песком нижний слой воздуха имеет определенно очень небольшую толщину и что контуры его поверхности всегда соответствуют контурам самой пустыни. И я думаю, мы должны

использовать это открытие в нашем предстоящем путешествии".

Третьим выступающим был Елов, филолог, который сделал свое сообщение в характерной для него экспрессивной манере: "Если вы позволите мне, господа, я скажу то же самое, что и наш уважаемый эскулап, относительно первой части выступления инженера Карпенко, а именно "я пасс". Я признаю также, что не придумал ничего более интересного, чем уже услышанное нами, и что все мои идеи - просто детский лепет в сравнении с их открытиями.

Однако, в то время как я слушал предыдущих выступающих, у меня появилось несколько мыслей, которые могли бы оказаться небесполезными при подготовке к нашей экспедиции и которыми я хотел бы поделиться с присутствующими.

Как нам уже сообщил доктор, при обучении необходимы ходули разной длины, но в экспедицию мы должны взять с собой только те, длина которых не менее двадцати футов. Даже если мы последуем совету Карпенко, нам придется гнать с собой большую отару овец и коз. Так вот я подумал, что в хорошую погоду, когда ходули становятся обузой, мы можем, вместо того чтобы тащить их на себе, использовать овец и коз. Как вы знаете, стадо овец в соответствии с врожденным инстинктом следует за первой овцой, которая является их вожаком. Если к ней привязать первую пару ходуль, и остальные овцы выстроятся вслед за ней в длинную цепочку. Нам остается сделать так, чтобы овцы не только тащили ходули, но также несли и нас самих. Между параллельно расположенными ходулями длиной в двадцать футов можно легко разместить семь рядов овец по три в ряд, то есть всего двадцать одну овцу. Для такого количества овец вес одного взрослого человека суший пустяк. Следует только запрячь овец таким образом, чтобы в центре осталось пустое место длиной в 5 1/2 и шириной в 3 фута, где можно укрепить удобные носилки. Тогда каждый из нас, вместо того чтобы изнемогать под тяжестью ходуль, сможет возлежать как Мухтар-паша в своем гареме или восседать подобно этим богатым бездельникам, раскатывающим в своих автомобилях по аллеям Булонского леса. Пересекая пустыню с таким комфортом, мы даже сможем, не теряя времени, учить языки, которые понадобятся нам в наших будущих экспедициях".

После двух первых выступлений и сообщения, сделанного Еловым, стало ясно, что в дальнейших докладах нет особой необходимости. Мы были поражены всем услышанным. Нам даже пришло в голову, что трудности, связанные с переходом через пустыню Гоби, значительно преувеличены и что невозможность такого предприятия намеренно внушается путешественникам.

Приняв все эти предложения единогласно и без обсуждения, мы решили скрыть от местных жителей наше намерение отправиться в пустыню - царство голода, опасностей и смерти. Пусть считают профессора Скридлова отважным русским купцом, который прибыл в этот регион, преследуя свои коммерческие цели. Он, якобы, должен закупить здесь овец для отправки в Россию, где они стоят довольно дорого, в то время как здесь их можно купить намного дешевле; а также собирается экспортировать особо прочную древесину, применяемую в России для изготовления ткацких станков. Деревьев с такой прочной древесиной в России не было, и станки, где применялись детали, изготовленные из более мягких пород деревьев, быстро изнашивались из-за сильного трения. Поэтому отважный купец решил на это рискованное предприятие.

Обсудив все это, мы ощутили прилив сил и говорили о предстоящей экспедиции так, словно речь шла о прогулке по пляс де ля Конкорд в Париже. На следующий день мы отправились на берег реки вблизи того места, где она исчезает под незримой толщей песка и где мы разбили лагерь, установив палатки, привезенные нами из России. И хотя наш лагерь располагался недалеко от поселка, ни одному из его жителей не приходила в голову мысль поселиться здесь, в раскаленном аду. Некоторые из нас, выдавая себя за свиту и служащих эксцентричного русского

купца Иванова, начали закупку "особо прочной древесины" в виде длинных тонких стволов, а также покупали коз и овец и вскоре имели целое стадо. Затем мы начали усердно учиться передвигаться на ходулях, сначала на коротких, потом на все более длинных.

Ровно через двенадцать дней, одним чудесным утром наш необычный кортеж отправился в путь, сопровождаемый блеянием коз и овец, лаем собак, ржаньем лошадей и ревом ослов. Он растянулся в длинную процессию, похожую на те, которые сопровождали передвижение особ королевской крови. Далеко по окрестностям разносились наши веселые песни, раскачивались на ходу вытянувшиеся в одну линию импровизированные носилки. И конечно, как всегда остроумные замечания Елова вызывали дружные взрывы хохота.

Пережив в пути две ужасные песчаные бури, уже через несколько дней мы оказались в самом сердце пустыни. При этом мы совершенно не измучились и даже, как в шутку предлагал Елов, учили в дороге иностранные языки. Это место было главной целью нашей экспедиции.

Все происходило так, как мы планировали, за исключением происшествия с Соловьевым. Передвигаясь, как правило, по ночам, мы руководствовались указаниями одного из участников нашей экспедиции, опытного астронома Даштамирова, который умел ориентироваться по звездам.

Однажды на рассвете мы сделали привал, чтобы подкрепиться самим и покормить наших овец.

Было еще совсем рано. Солнце только начинало появляться из-за горизонта. Мы с удовольствием завтракали свежеприготовленной бараниной с рисом, когда на горизонте внезапно появилось стадо верблюдов. Мы сразу догадались, что это были дикие животные. Соловьев - страстный охотник и отличный стрелок - немедленно схватился за винтовку и побежал в ту сторону, где виднелись силуэты верблюдов, а мы, посмеиваясь над этой слабостью нашего друга, продолжали отдавать должное вкусному горячему блюду, прекрасно приготовленному в этих экстраординарных условиях. Я называю их экстраординарными, потому что, находясь в сердце пустыни, окруженные со всех сторон раскаленными песками, путешественники, как правило, не имеют возможности развести огонь, так как на протяжении сотен миль можно не найти даже деревца саксаула. Мы же разводили огонь не менее двух раз в день, готовя себе кофе или чай, и не простой чай, а исключительно тибетский, раскладывая небольшой костер из костей забитых овец. Этим комфортом мы обязаны Погосяну, который подал идею делать специальные "седла" для овец, несших бурдюки с водой, из деревянных планок. И каждый раз, когда мы забивали себе на обед очередную овцу, ее деревянное "седло" обеспечивало нас дровами для костра.

Прошло полтора часа с тех пор, как Соловьев отправился охотиться на диких верблюдов. Мы уже собирались продолжать наше путешествие, а он все не появлялся. Прождав еще полчаса, все забеспокоились. Нам была известна пунктуальность Соловьева, который никогда не опаздывал. Предположив, что могло случиться какое-нибудь несчастье, все мы, захватив свои ружья, отправились на поиски нашего товарища. Вскоре мы заметили стадо верблюдов и направились к нему. Но когда мы подошли поближе, животные, очевидно, почувствовав наше присутствие, двинулись в южном направлении. Мы решили пойти за ними. Прошло уже четыре часа с тех пор, как исчез Соловьев. Внезапно мы заметили человека, лежавшего на песке в сотне шагов от нас. Подбежав, мы узнали нашего друга, который был уже мертв. Верблюд прокусил ему шею почти насквозь. Это было трагедией для всех нас, любивших этого необыкновенного человека.

Сделав носилки из наших винтовок, мы отнесли Соловьева в лагерь, где в тот же день под руководством Скридлова, исполнявшего обязанности священника, с большой торжественностью совершили обряд похорон. Оставив одинокую могилу в самом сердце пустыни, мы немедленно

покинули это проклятое место.

И хотя было затрачено много усилий на то, чтобы отыскать легендарный город, покоящийся среди песков, мы отказались от наших планов и решили покинуть пустыню как можно скорее. Повернув на восток, мы через четыре дня пути достигли Кернанского оазиса, где кончалась пустыня, и продолжали двигаться дальше, но уже без нашего товарища Соловьева.

Мир твоей душе, мой самый близкий и преданный друг!

ЧАСТЬ VII. ЕКИМ-БЕЙ

Я хочу посвятить эту главу воспоминаниям еще об одном моем друге, которого я считаю выдающимся человеком и чья биография, особенно в последние годы, то ли по воле судьбы, то ли в соответствии с законами развития личности, почти в точности повторяла мою собственную. В настоящее время он, с точки зрения обычных людей, находится в добром здравии. Но я считаю, что это относится только к его физическому состоянию. Почему-то принято думать, что люди, принадлежащие к разным национальностям, в наше время, отличающееся обилием межэтнических конфликтов, должны инстинктивно чувствовать друг к другу вражду и даже ненависть. Но несмотря на то, что мы с Еким-беем были воспитаны на различных семейных традициях и исповедовали разные религиозные убеждения, мы с самой первой нашей встречи, произошедшей при необычных обстоятельствах, почувствовали друг к другу симпатию, которая с течением времени переросла в настоящую дружбу. И позднее, испытав на себе все превратности судьбы, мы как два дерева, выросшие из одного корня, всю жизнь относились друг к другу по-братски.

В этой главе я хочу рассказать вам о моей первой встрече с Еким-беем, человеком, которого уважали все, кто был с ним знаком, считая его мудрецом и настоящим волшебником. Я также остановлюсь на некоторых важных событиях, которые происходили во время наших странствий по малоисследованным районам Азии и Африки.

В настоящее время, удостоенный за свои заслуги всевозможных наград, он, тем не менее, доживает свои оставшиеся годы в небольшом, никому не известном городке Египта, будучи Великим турецким пашой. Следует сказать, что он выбрал такое тихое уединенное место, несмотря на то что имеет возможность жить там, где пожелает, пользуясь всем современным комфортом, - главным образом для того, чтобы избежать назойливого праздного любопытства тех, кому больше нечем себя занять. Увы, это свойство присуще большинству наших современников.

Когда я впервые встретился с Еким-беем, мы оба были еще совсем молоды, он учился в военном колледже в Германии и как обычно приехал провести летние месяцы со своим отцом в Константинополе. Прежде чем описать обстоятельства, сопутствовавшие нашему знакомству, я должен сказать, что в период, предшествующий моему появлению в Эчмиадзине и моей встрече с Погосяном, чему была ранее посвящена глава, я рыскал повсюду, как молодая гончая собака, в поисках ответов на вопросы, которые меня волновали. Тогда я, по отзывам моих знакомых, производил впечатление полупомешанного, и в таком состоянии отправился в Константинополь, привлеченный слухами о невероятных чудесах, которые творили дервиши.

По прибытии в Константинополь я остановился в районе, который назывался Пера, и сразу же отправился по монастырям, где жили дервиши. Проводя почти все время в обществе этих людей, не занимаясь ничем другим и ломая голову над всей этой несусветной чепухой, я вдруг понял, что, если так будет продолжаться и дальше, остатки здравого рассудка вскоре совершенно меня покинут.

Осознав все это, я провел два дня в полном одиночестве, пытаюсь прийти в себя и освободиться от охватившего меня наваждения, но назойливые мысли донимали меня, как мухи испанского мула.

Обеспокоенный этим, я однажды стоял на большом мосту, соединяющем Пера и Стамбул и, облокотясь на парапет, размышлял над смыслом всех тех фокусов, которыми дервиши удивляют праздных зрителей. В это время под мостом проплывали пароходы, непрерывно сновали маленькие лодки.

На берегу Галаты сразу за мостом была пристань, где останавливались пароходы, курсирующие между Константинополем и противоположным берегом Босфора. Возле прибывающих и отходящих пароходов я увидел плавающих мальчишек, которые ныряли за монетами, что бросали им скучающие пассажиры. Это заинтересовало меня, и я подошел поближе, чтобы лучше все рассмотреть. Очень ловко и без всякой суеты эти подростки подхватывали брошенные им с пароходов монеты, не упуская ни одной. Я наблюдал за ними долгое время, любуясь ловкостью и проворством этих мальчиков разного возраста (им было примерно от восьми до восемнадцати лет), и внезапно мне в голову пришла мысль: "А чем я хуже их? Почему мне не заняться тем же ремеслом?" И на следующий день я отправился на берег и стал учиться нырять возле здания Военно-морского министерства.

Один грек, часто приходивший сюда купаться, заметил мои потуги и добровольно вызвался стать моим учителем, чтобы помочь овладеть этим, как он выражался, "высоким искусством". После "урока" мы отправлялись в кофейню, и, думаю, не нужно вдаваться в детали и уточнять, кто из нас платил за выпитый кофе.

Сперва было очень трудно, потому что соленая морская вода раздражала глаза, ведь во время погружения их следовало держать открытыми, и это причиняло мне довольно сильную боль. Но вскоре я привык и чувствовал себя в воде как на суше. Через две недели я начал зарабатывать на жизнь, плавая вокруг пароходов и подхватывая брошенные деньги. Конечно, сперва я не был так проворен, как местные мальчишки. Но через некоторое время достиг настоящего совершенства и не упускал ни одной монетки.

Следует заметить, что монета, брошенная в воду вначале погружается довольно быстро, но постепенно замедляет скорость, так что, если место очень глубокое, пройдет довольно значительное время, прежде чем она достигнет дна. Таким образом, прежде чем прыгнуть в воду, ныряльщик должен заметить, куда была брошена монета, и тогда будет нетрудно обнаружить ее в воде и подхватить.

Однажды некий пассажир, задумавшись о чем-то, облокотился на поручень и, отвлеченный возней, которую затеяли ныряльщики, нечаянно уронил в воду четки - непременный атрибут в руках всякого уважающего себя жителя Азии, когда он не занят суетными мирскими делами.

Он сразу же подозвал мальчишек-ныряльщиков и попросил их отыскать четки. Но несмотря на все усилия подростки не смогли их найти, так как находились довольно далеко от места падения четок и не успели его приметить. Очевидно, эта вещь была очень ценной, потому что пассажир предложил тому, кто ее найдет, двадцать пять турецких фунтов.

Когда пароход отчалил, ныряльщики еще долго продолжали свои попытки обнаружить четки, но их усилия не увенчались успехом. В этом месте было очень глубоко, что мешало обшарить дно. Следует заметить, что очень трудно достичь дна на большой глубине, так как вода в соответствии со своими физическими свойствами, удерживая пловца на поверхности, стремится вытолкнуть тело погружающегося человека.

Через несколько дней, когда я, как обычно, нырял за брошенными монетами, один из пассажиров швырнул свою так далеко, что, пока я подплыл к этому месту, она пропала из виду. Так как тот день не был для меня особенно удачным, я решил любой ценой достать эту монету и нырнул за ней. В тот момент, когда я наконец подхватил ее, на дне что-то блеснуло, похоже четки. Всплыв на поверхность, я постарался запомнить место находки, за которую было предложено двадцать пять фунтов.

Не сказав никому о том, что я видел на дне, я нырнул снова, но после нескольких безуспешных попыток понял, что обычным способом достать дна невозможно, так как здесь было очень глубоко. На следующий день я захватил с собой тяжелый кузнечный молот, привязал его к себе, прыгнул в воду и быстро пошел на дно под воздействием этого "грузила". И вскоре я

нашел то, что искал. Четки были янтарные, с вкраплениями небольших бриллиантов и гранатов.

В тот же день я узнал, что пассажиром, уронившим четки, был паша N, недавний правитель маленькой области, расположенной невдалеке от Константинополя, который в настоящее время проживал на противоположном берегу Босфора, вблизи Скутари. Так как я чувствовал себя не очень хорошо, то решил не нырять за монетами, а отнести четки их владельцу и заодно посетить кладбище в Скутари.

Я отправился на следующее же утро и вскоре нашел дом паши. Он как раз был дома и, когда услышал, что пришел ныряльщик, который просит пустить его к хозяину, сразу понял, в чем дело, и сам поспешил мне навстречу. Увидев найденные мной четки, он очень обрадовался и так горячо поблагодарил меня, что я, глубоко тронутый его приемом, наотрез отказался принять причитающееся мне вознаграждение.

Тогда паша пригласил меня к себе на ужин, и я, конечно, не смог отклонить этот знак внимания. После ужина я был вынужден сразу уйти, так как боялся опоздать на последний рейс парохода. Но по дороге на пристань я вдруг почувствовал себя так плохо, что присел на ступеньки ближайшего дома и, видимо, потерял сознание.

Прохожие заметили то, что случилось и, так как это было недалеко от дома паши, оповестили его, что какой-то парень внезапно лишился чувств. Догадавшись, что это был не кто иной, как его недавний гость, паша поспешил прийти вместе со своими слугами и приказал им отнести меня к нему в дом и как можно быстрее послал за доктором.

Я вскоре пришел в себя, но, находясь в очень плохом состоянии, вынужден был на некоторое время остаться в доме этого доброго человека.

В ту же ночь моя кожа начала шелушиться и нестерпимо гореть, очевидно, из-за продолжительного воздействия соленой морской воды. Я был помещен во флигель, и для ухода за мной прислали одну пожилую женщину по имени Фатима Бадьи. Сын паши, студент германского военного колледжа, тоже приходил навесить меня, интересуясь моим здоровьем. Это и был Еким-бей, человек, позже ставший моим закадычным другом.

Я начал выздоравливать, и мы часто беседовали с ним, обсуждая все на свете, и постепенно перешли на философские темы. К тому времени, когда я полностью поправился, мы уже были близкими друзьями и, не без сожаления расставшись, поддерживали переписку. В том же году он ушел из военного колледжа и поступил в медицинскую школу, так как его взгляды к тому времени изменились и заставили его отказаться от запланированной ранее военной карьеры.

Прошло четыре года.

Однажды, будучи на Кавказе, я получил от него письмо, в котором он сообщал, что уже завершил свое образование и хотел бы повидаться со мной и в то же время посетить Кавказ, которым он давно интересовался, и спрашивал меня, когда и где мы могли бы встретиться.

Тем летом я жил в Сураме, зарабатывая на жизнь изготовлением гипсовых безделушек под маркой "made in Paris". В телеграмме, посланной Еким-бею, я сообщал, что с нетерпением жду его приезда, и через несколько дней мы встретились.

В том году Погосян, Елов и Карпенко также проводили летние месяцы вместе со мной в Сураме, и, познакомившись с ними поближе, Еким-бей вошел в нашу дружескую компанию.

Все лето мы прожили в Сураме, часто устраивая пешие экспедиции по окрестностям этого города: взбирались на вершины гор, знакомились с жителями этих мест, еще не подвергшихся воздействию цивилизации, и даже добрались до племени хевсуров, обычаи и быт которого могли бы свести с ума любого человека, увлекающегося этнографией.

Проведя несколько месяцев в тесном общении с нашей компанией, этот впечатлительный юноша заразился нашими сумасбродными идеями и вскоре точно так же, как и мы, производил на окружающих впечатление не совсем нормального человека.

В то время мы четверо - Погосян, Елов, Карпенко и я - обсуждали предложение, давно сделанное нам князем Юрием Любовецким, приглашавшим всех нас присоединиться к нему и его товарищам, отправлявшимся в пешую экспедицию от окрестностей Нахичевани через всю Персию до Персидского залива.

Эта дискуссия и перспективы, связанные с подобным путешествием, так сильно заинтересовали Еким-бея, что он попросил нас замолвить за него словечко, чтобы князь позволил ему участвовать в этой экспедиции. Еким-бей стал придумывать, как добиться у отца разрешения отправиться в это странствие.

Дело закончилось тем, что, уладив все свои дела, частью с помощью переписки, частью лично, для чего ему пришлось все же съездить домой, он в сопровождении нашей неунывающей компании отправился в долгий путь.

Мы выехали из Нахичевани за полночь и уже утром испытали на себе невероятное усердие тех двуногих обитателей нашей планеты, которые называются "пограничной стражей". Они в течение довольно длительного времени демонстрировали нам свою профессиональную проницательность и осведомленность.

Всего в этой экспедиции участвовало двадцать три человека, включая тех моих друзей, каждому из которых я решил посвятить отдельную главу этой книги. О трех из них, Погосяне, Елове и князе Любовецком, я уже написал и хочу посвятить данную главу доктору Еким-бею. С инженером Карпенко и археологом Скридловым вы встретитесь в следующих главах этой книги.

Наше путешествие до города Табриза, куда мы прибыли через несколько дней, прошло без особых приключений. Но вскоре по прибытии случилось одно происшествие, на котором я хочу остановиться поподробнее не только потому, что в нем принимал самое активное участие мой друг Еким-бей, но также из-за того, что оно полностью изменило мое мировоззрение.

Будучи в Табризе, мы слышали об одном персидском дервише, якобы демонстрирующем невероятные чудеса, что, конечно же, нас очень заинтересовало. Позже, продолжив наше путешествие, мы опять узнали об этом человеке от одного персидского священника и решили, что, хотя он живет довольно далеко от намеченного нами маршрута, нам следует отправиться туда и лично познакомиться с ним.

На тринадцатый день нашего утомительного путешествия, после ночлегов в хижинах персидских и курдских пастухов, мы наконец достигли маленького поселка, где жил этот дервиш, и сразу же отправились прямо к нему.

Мы застали его сидящим возле своего дома в тени деревьев и беседующим с пришедшими к нему людьми. Это был человек зрелого возраста, одетый в какие-то лохмотья. Он сидел прямо на земле, скрестив босые ноги. Его окружали молодые персы, как впоследствии оказалось, ученики и последователи. Подойдя, мы попросили благословения, и, получив его, тоже уселись на землю возле дервиша и вступили с ним в беседу. Мы задавали вопросы - он отвечал, потом мы поменялись ролями.

Сперва мы встретили довольно прохладный прием, нам казалось, что собеседник не расположен к долгому разговору, но позже, когда он узнал, что мы преодолели огромное расстояние только для того, чтобы встретиться с ним, стал более сердечным.

Он говорил очень просто, не расцвечивая свою речь изысканными фразами, и в первый миг производил впечатление невежественного человека, совсем необразованного в европейском смысле слова.

Разговор велся на персидском языке, вернее на одном из его многочисленных диалектов, которым в нашей компании владели всего трое: я, доктор Сары-оглы и еще один человек, говоривший на нем не очень бегло, поэтому я участвовал в беседе в качестве переводчика, задавая вопросы и немедленно передавая своим спутникам полученные ответы. Наступило

обеденное время. Ученики дервиша принесли ему рис в посуде, сделанной из тыквы, и тот, продолжая беседовать с нами, начал есть. Так как мы с раннего утра, когда отправились в путь, еще ничего не ели, то, открыв наши дорожные мешки, тоже приступили к трапезе.

Должен заметить, что в то время я был страстным приверженцем учения индийских йогов и в точности следовал всем правилам хатха-йоги. Например, согласно этому учению, во время еды необходимо было тщательно пережевывать пищу, поэтому, когда все собеседники, включая дервиша, уже пообедали, я продолжал очень усердно работать челюстями, стараясь не пропускать в желудок ни одного неразмельченного кусочка пищи.

Заметив это, дервиш обратился ко мне: "Скажи мне, юный чужестранец, почему ты так необычно ешь?" Я был так удивлен этим вопросом, который показался мне очень странным и свидетельствовал о невежестве спросившего, что не сразу дал ответ. Я подумал, что мы зря проделали этот путь, что у этого человека нельзя ничему научиться. Испытывая сильное смущение и даже стыдясь необразованности собеседника, я прочел ему настоящую лекцию по вопросам пищеварения, разъясняя, что тщательно прожеванная пища лучше усваивается организмом. Все это я узнал из многочисленных "научных" изданий.

Покачивая головой, мой собеседник напомнил поговорку, очень любимую в Персии: "Бог покарает человека, который, не зная дороги в Царство Небесное, указывает ее другим".

После этого Сары-оглы задал дервишу какой-то вопрос, на что тот кратко ответил, затем снова повернулся ко мне и спросил: "Скажи мне, юный чужестранец, занимаешься ли ты гимнастикой?"

Я и в самом деле считал физические нагрузки панацеей от всех бед, изучил все системы упражнений, рекомендуемых индийскими йогами, а также шведскую гимнастику Мюллера. Все это я рассказал своему собеседнику, доказывая, что регулярные физические нагрузки совершенно необходимы для организма человека, и поэтому я занимаюсь гимнастикой не менее двух раз в день. Я также вкратце описал ему применяемую мной систему упражнений.

"Но эта гимнастика развивает только мускулатуру рук, ног и других органов, - сказал этот человек, - в то время как многие внутренние мышцы не затрагиваются".

"Да, это так", - подтвердил я.

"Отлично. Теперь давайте вернемся к вашей манере тщательно пережевывать пищу. Если вы делаете это для того, чтобы способствовать улучшению вашего физического состояния, то вы на ложном пути. Пережеывая пищу, вы избавляете ваш желудок от его прямой обязанности. Сейчас вы молоды, здоровы, но, приучив ваш желудок ничего не делать, в преклонном возрасте поймете, что мышцы стенок желудка в значительной степени атрофировались, и причиной этого является ваша привычка слишком тщательно пережевывать пищу. Вам известно, что мышцы человека к старости ослабевают, и вот к этой естественной возрастной мышечной атрофии вы добавите искусственную атрофию мышц стенок желудка, которая будет вызвана тем, что вы в течение длительного времени избавляете свой желудок от его обязанностей. Представьте себе, что произойдет с вашим физическим состоянием? Поймите, что нет никакой необходимости так усердно пережевывать пищу. Напротив, в вашем возрасте чем меньше вы жуете, тем лучше. Я советую глотать небольшие кусочки пищи и даже косточки, чтобы задать работу своему желудку. Думаю, что люди, дававшие вам подобные советы, а также авторы книг такого рода, как говорится, "слышали звон, да не знают, где он".

Эта ясная, содержательная и убедительная речь дервиша заставила меня изменить свое мнение о нем. До сих пор я задавал ему вопросы, руководствуясь только праздным любопытством, но с этого момента ощутил неподдельный интерес и не пропускал ни единого слова, сказанного им. Я почувствовал всем своим существом, что идеи, которыми я руководствовался прежде, принимая их за аксиому, не требующую доказательств, на самом деле

глубоко ошибочны. Все, что раньше казалось разумным и очевидным, вдруг предстало в ином свете. Меня начали обуревать сомнения, возникли сотни вопросов, которые требовали немедленного ответа.

Увлеченные разговором с этим необыкновенным человеком, мы с доктором позабыли обо всем на свете и не заметили, что давно уже перестали переводить вопросы наших товарищей и ответы дервиша. Заметив, как мы поглощены беседой, они стали засыпать нас с вопросами: "Что он сказал? О чем вы говорите?" - и каждый раз, чтобы отделаться от их назойливых расспросов, мы отвечали, что расскажем попозже.

Когда дервиш закончил свою речь, ясно и просто объяснив, как правильно питаться и как функционирует пищеварительная система человека, я сказал: "Пожалуйста, поделитесь со мной своими идеями, касающимися так называемого "искусства правильно дышать". До настоящего времени я был страстным приверженцем системы дыхания йогов, основной принцип которой заключается в том, что после вдоха следует задержать дыхание на некоторое время и только потом медленно выдохнуть. Правильно ли я поступал, следуя этому правилу?"

Дервиш, видя мой неподдельный интерес, охотно рассказал мне следующее: "Если вы причинили несомненный вред своему организму, тщательно пережевывая пищу, то практикуя подобную систему дыхания, вы навредили себе гораздо сильнее. Все эти дыхательные упражнения, которым обучают в современных европейских эзотерических школах, не могут принести ничего кроме вреда. Процесс дыхания, как может догадаться всякий здравомыслящий человек, подобен процессу питания, только вид пищи здесь иной. Воздух, как и обычная еда, попадая в организм человека и усваиваясь им, разлагается на составные элементы, которые соединяются в новые комбинации как друг с другом, так и с теми элементами, которые уже присутствовали в организме. Образующиеся новые вещества постепенно усваиваются в процессе жизнедеятельности человека. Вам следует понять, что для того, чтобы получить любую новую субстанцию, ее составные части должны быть соединены в точных, строго определенных пропорциях. Приведу простой пример. Вы собираетесь печь хлеб. Для этого прежде всего необходимо приготовить тесто. Но чтобы его замесить, следует взять муку и воду в определенных пропорциях. Если воды будет слишком мало, вы вместо теста получите некую твердую массу, которая будет крошиться от любого прикосновения. Если же воды будет слишком много, получится жидкая бурда, похожая на пойло, которое дают домашнему скоту. В обоих случаях у вас не будет такого теста, из которого можно испечь нормальный хлеб.

То же самое происходит и при образовании всех веществ, необходимых нашему организму. Составные части этих субстанций должны быть смешаны в точных пропорциях, это касается как количества, так и качества исходных элементов.

Когда вы дышите естественно, не напрягаясь, весь процесс происходит автоматически, без участия вашей воли. Организм сам извлекает из воздуха те количества разных веществ, которые ему необходимы. Наши легкие устроены так, что автоматически пропускают через себя определенное количество воздуха. Но если вы увеличите это количество, то и его состав, проходящий через легкие, тоже изменится, и вследствие этого изменятся все процессы, протекающие в организме. Не обладая исчерпывающим знанием законов, в соответствии с которыми функционирует ваш организм, вы, навязывая себе искусственную систему дыхания, медленно, но неизбежно идете к саморазрушению.

При этом не следует забывать, что кроме элементов, необходимых нашему организму, воздух также содержит ненужные и даже вредные вещества.

Таким образом, отказываясь от естественного, произвольного процесса дыхания, вы облегчаете поступление в ваш организм этих вредных веществ и в то же время нарушаете качественное и количественное равновесие между полезными элементами.

Искусственная система дыхания также изменяет пропорции между количеством "пищи", полученной из воздуха, и количеством обычной пищи. Таким образом, уменьшая или увеличивая поступление воздуха в организм, вы должны соответственно уменьшить или увеличить количество других видов "пищи" и при этом не нарушать равновесия, что невозможно без исчерпывающего знания всех процессов жизнедеятельности.

Вы знаете свой организм настолько хорошо, чтобы искусственно поддерживать необходимое равновесие? Вам хотя бы известно, что ваш желудок требует пищи не только потому, что организм к этому времени испытывает потребность в питании, но и просто потому что он привык регулярно принимать определенное количество еды? Мы едим главным образом для того, чтобы удовлетворить вкусовые сосочки, находящиеся во рту, а также чтобы испытать привычное чувство наполнения желудка. В его стенках находятся так называемые блуждающие нервы, которые активизируются, не испытывая давления, что и вызывает ощущение, называемое нами "чувством голода". Таким образом, существуют различные виды "голода": так называемый телесный, или физический, и, если можно так выразиться, психологический голод.

Все органы функционируют механически, вне зависимости от нашей воли, в присутствии им темпе, при том, что ритм работы одного органа зависит от ритма работы всех других. Таким образом возникает определенное равновесие: функционирование одного органа соотносится с функционированием другого - все взаимосвязано.

Искусственно изменяя ритм дыхания, вы, в первую очередь, изменяете ритм работы ваших легких, а так как ритм функционирования легких связан, помимо всего прочего, с ритмом работы вашего желудка, то естественно, что и его ритм изменяется, сначала в незначительной степени, потом - все больше и больше. Для того чтобы нормально переваривать пищу, желудок должен функционировать в определенном темпе. Предположим, что пища задерживается там на один час. Но если ритм работы желудка меняется, то и время прохождения пищи через желудок тоже изменится: она будет так быстро проскакивать через этот орган, что у желудка не будет достаточного количества времени, чтобы сделать все, что он должен делать. Это относится и ко всем другим органам. Вот почему в тысячу раз лучше бросить свой желудок на произвол судьбы, чем пытаться повлиять на его работу, не обладая исчерпывающим знанием своего организма.

Поймите, что наш организм - это очень сложная система. Его органы работают в разных, строго определенных ритмах, по собственным законам. Изменяя что-то одно, вы должны изменить все, иначе вместо пользы вы причините вред своему организму.

Искусственное изменение системы дыхания приведет к самым различным заболеваниям. Как правило, это расширение сердечной мышцы, сужение трахеи, нарушение работы желудка, печени, почек или возникновение неврозов.

Очень редко тот, кто практикует естественную систему дыхания, не обнаруживает у себя необратимых изменений физического и психического состояния, и то только в тех случаях, когда он смог вовремя остановиться. Если же эта система применялась достаточно продолжительное время - результаты бывают самые разные.

Ведь для того, чтобы починить свой автомобиль, вы должны изучить в нем каждый винтик, каждую мельчайшую деталь - и только тогда браться за дело. Но если вы не знаете всего и пытаетесь что-то исправить, вы только делаете хуже, потому что машина - это очень сложный механизм. Она состоит из множества мелких деталей, которые ломаются при слишком сильном воздействии на них и которые невозможно заменить, купив запасные в магазине.

Таким образом, если вы просите совета, я убедительно прошу вас отказаться от применяемой вами искусственной системы дыхания".

Мы беседовали с дервишем довольно долго, но я испытывал потребность в более длительном общении с ним. Я заговорил с князем Любовецким о наших дальнейших планах.

Оказалось, что наши желания совпадают, и, поблагодарив дервиша, мы сообщили ему, что останемся здесь еще на один-два дня, и попросили разрешения еще раз встретиться с ним и продолжить беседу. Он согласился и даже предложил нам, если мы пожелаем, прийти к нему вечером после ужина.

Мы пробыли здесь не два дня, как планировали, а целую неделю, приходя к дервишу каждый вечер, и, увлеченные беседой, часто засиживались за полночь. Сары-оглы и я переводили нашим товарищам все, что говорил дервиш. Навестив этого мудреца в день отъезда, мы поблагодарили его и попрощались. И вдруг Еким-бей, обратившись к нему, сказал в необычайном для него смиренном тоне на персидском языке: "Отец! Проведя несколько дней в вашем обществе, я всем своим существом постиг, что..."

Прервав себя на этом слове, он вполголоса попросил меня и Сары-оглы дать ему возможность выговориться и поправлять только в том случае, если выражения, которые он употребит, будут иметь на местном диалекте иное значение и исказят смысл того, что он хотел сказать. Затем он продолжил: "... что вы - тот самый человек, которого я искал всю жизнь, человек, которому я могу безоговорочно доверить руководство своим внутренним миром. Мне необходима помощь в том, чтобы избавиться от внутренних противоречий, которые лишают меня душевного покоя. К сожалению, по независящим от меня обстоятельствам я не смогу навсегда остаться здесь и жить рядом с вами, чтобы, приходя сюда, наслаждаться беседой с мудрым человеком. Это, несомненно, помогло бы мне избавиться от мучительной внутренней борьбы и подготовило бы меня к изменению образа жизни, основанного на новых принципах.

Вот почему я прошу вас, если это возможно, дать мне краткие указания, касающиеся основных принципов жизни для человека моего возраста".

Почтенный персидский дервиш отнесся с полным сочувствием к этой необычной просьбе и отвечал очень подробно, делясь с нами всем, что он знал.

Я считаю преждевременным сообщать вам в этой главе то, что услышал от этого достойного человека, так как это может помешать правильному восприятию дальнейшего повествования. Поэтому я решил поместить изложение краткого содержания его речи в соответствующую главу моей третьей книги, озаглавленной "Тело человека, его потребности и возможности".

Ранним утром следующего дня мы продолжили нашу экспедицию. Вместо того чтобы двигаться, как было запланировано, в направлении Персидского залива, мы отправились в Багдад, так как двое наших товарищей - Карпенко и князь Нидзерадзе - страдали от лихорадки и их состояние постоянно ухудшалось.

Прибыв в Багдад и проведя здесь около месяца, чтобы отдохнуть и набраться сил, мы затем, разбившись на небольшие группы, разъехались в разных направлениях. Князь Любовецкий, Елов и Еким-бей отправились в Константинополь, Карпенко, Нидзерадзе и Погосян решили следовать вверх по течению Евфрата до его истока, затем перейти горную цепь и пересечь российскую границу. А мы с доктором Сары-оглы и еще несколькими спутниками договорились вернуться обратно и идти в направлении Хорасана, а там решить, куда отправиться дальше.

Рассказывая о моем друге докторе Еким-бее, я не могу не упомянуть о его страстном увлечении гипнозом и всем, что связано с этим феноменом. Особенно его интересовало то, что принято называть "энергия мысли человека". Изучению этого феномена посвящена отдельная область современной науки о гипнозе.

И следует признать, что он достиг в этой области беспрецедентных практических результатов. Знакомые считали его настоящим магом, из-за, главным образом, экспериментов, которые он проводил на людях с целью выявить все аспекты многообразных проявлений силы и энергии человеческой мысли.

Успешные эксперименты, где в качестве подопытных выступали друзья и знакомые,

помимо всего прочего привели к тому, что одни из них стали бояться его, в то время как другие, напротив, начали вести себя с ним с подчеркнутым уважением и почтительностью.

Я думаю, главная причина такого отношения окружающих заключалась в том, что он обладал глубокими знаниями и сумел развить в себе необычайные способности. Просто он знал об одном интересном свойстве организма, которое в определенной степени связано с восприимчивостью человеческой природы.

Этим качеством обладает любой человек, к какому бы классу он ни принадлежал и в каком бы возрасте он ни находился. Заключается оно в том, что, когда человек думает о чем-то, что не относится непосредственно к нему самому, его мышцы непроизвольно напрягаются и, так сказать, начинают вибрировать в направлении его мысли. Например, если он думает об Америке, то его мысли концентрируются на том направлении, где, по его мнению, находится эта страна. Точно так же, если мысленно этот человек сосредоточивается на втором этаже здания, в то время как сам находится на первом, то его мышцы непроизвольно напрягаются и как бы подталкивают его вверх. Короче говоря, движение человеческой мысли в определенном направлении сопровождается бессознательным напряжением мышц, направленным в ту же сторону.

Этот феномен проявляется даже у тех людей, которые знают о существовании такого непроизвольного напряжения мышц и делают все, что в их силах, чтобы избежать его.

Каждому приходилось наблюдать в театре, цирке или другом подобном заведении, как индийские факиры, маги, колдуны и другие представители профессий подобного рода, обладающие сверхъестественными способностями, демонстрируют перед изумленной публикой всевозможные фокусы, например отыскивая спрятанный предмет или выполняя задуманное кем-то из зрителей действие.

Совершая эти "чудеса", маг держит за руку человека, который, конечно, сосредоточил свои мысли на действии, задуманном публикой. По непроизвольным, подсознательным движениям руки этого зрителя маг "догадывается" о том, что он должен сделать, и выполняет это.

Такие маги, как правило, не обладают какими-либо особыми сверхъестественными способностями и знаниями, просто им известно свойство человеческого организма непроизвольно напрягать мышцы, стремясь в задуманном направлении. Поняв это, любой человек может выполнять такой фокус после непродолжительной тренировки.

Главное здесь - уметь сконцентрировать все свое внимание на руке другого человека и улавливать ее малейшие непроизвольные движения. Обладая терпением, после некоторой практики вы обязательно добьетесь успеха и сможете выступать в цирке, демонстрируя свои "сверхъестественные" способности "отгадывать" чужие мысли. Например, если задача состоит в том, чтобы подойти к столу и взять лежащую на нем шляпу, то даже человек, которому известен секрет фокусника и который сознательно попытается заставить себя думать не о шляпе, а, допустим, о туфлях, стоящих под столом, все равно подсознательно сконцентрирует свои мысли на шляпе, и непроизвольное сокращение мышц подскажет вам, что нужно сделать.

Как я уже говорил, Еким-бей производил эксперименты подобного рода на своих друзьях, чтобы лучше изучить психику человека и установить, какое влияние на нее оказывает гипноз.

Среди опытов, которые он демонстрировал, был один, поражавший непосвященных сильнее, чем любой из цирковых фокусов. Этот опыт заключался в том, что на лист бумаги, разделенный на клеточки, Еким-бей записывал весь алфавит по порядку, а внизу листа располагал цифры от 1 до 9. Таких листов было несколько, и на каждом - алфавит другого языка. Сидя за столом, он клал один из этих листов перед собой, немного сдвигая его влево, а в правую руку брал карандаш. Слева, прямо напротив алфавита, он усаживал второго участника эксперимента, кого-нибудь из тех, кто просил предсказать судьбу, своей левой рукой брал того

за правую руку и говорил примерно следующее: "Прежде всего я должен узнать ваше имя... - и затем, говоря как бы про себя, он неторопливо продолжал, - первая буква вашего имени..." - и водил над алфавитом рукой подопытного. Благодаря интересному свойству человеческого организма, о котором я уже упоминал, когда рука этого человека находилась над буквой, с которой начиналось его имя, она непроизвольно вздрагивала.

Уловив это едва заметное движение, Еким-бей говорил: "Первая буква вашего имени..." - и называл ту букву, над которой дрожала рука подопытного. Продолжая действовать подобным образом, он узнавал несколько следующих букв и по ним угадывал имя, например, получив буквы С, Т и Е, он мог догадаться, что имя этого человека Стефан. Тогда он говорил: "Ваше имя Стефан. Теперь определим ваш возраст", - и начинал водить рукой подопытного уже над рядом цифр. Затем Еким-бей узнавал, женат этот человек или нет, называл имя каждого ребенка, жены, имя злейшего врага и лучшего друга и т.д.

Пораженные его "сверхъестественными" способностями, клиенты, забыв обо всем на свете, продолжали "сообщать" Еким-бею все, что он хотел узнать, и ему оставалось только повторять то, что он "услышал".

После этого выступления, какую бы чепуху он ни сообщал им, "предсказывая" их будущее, они безоговорочно верили всему и с благоговейным трепетом внимали каждому его слову.

Впоследствии те, над кем проделывал эти опыты Еким-бей, рассказывали о его необычайном даре всем знакомым и случайно подвернувшимся слушателям, расцветивая свое повествование такими подробностями, что у тех от изумления глаза вылезали на лоб.

И таким образом у тех, кто его знал или хотя бы что-то слышал о нем, постепенно сформировалось такое представление об экстраординарных способностях этого человека, что даже его имя они произносили шепотом, чувствуя при этом благоговейный трепет и как бы видя магическую ауру вокруг его головы.

Многие люди, не только турки, но и жители других стран, главным образом европейцы, стали писать ему, надоедая всевозможными просьбами. Одни просили предсказать их судьбу по почерку, другие хотели, чтобы он вылечил их от безответной любви или избавил от каких-нибудь хронических недугов. Он получал письма от офицеров, учителей, священников, купцов и от женщин всех возрастов, но особенно часто писали молодые женщины.

Короче говоря, он получил такое количество писем со всевозможными нелепыми просьбами, что вскоре они уже не помещались в ящиках его письменного стола, и если бы ему вздумалось отвечать на каждое, то потребовалось бы не менее 50 секретарей.

Однажды, когда я навестил его в Скутари, он показал мне горы этих писем и зачитал некоторые из них, и я помню, как мы давились от хохота, поражаясь людской наивности и глупости. В конце концов все это ему так надоело, что он вынужден был уехать из этих мест, где его хорошо знали, и отказаться от врачебной практики.

Глубокие познания этого человека в области гипноза и подсознательных процессов, присущих психике каждого человека, пригодились нам в одном из путешествий, когда Еким-бею удалось вытащить нас из переделки, в которую мы попали.

Однажды, когда Еким-бей и я вместе с нашими общими друзьями находились в Янги-Нишане, набираясь сил перед тем как отправиться на Гиндукуш, он получил письмо из Турции от своего дяди, который сообщал, что отец Еким-бея тяжело болен и, по мнению врачей, находится при смерти. Он был так огорчен этой вестью, что решил прервать путешествие и как можно скорее отправиться в Турцию, чтобы провести с отцом последние дни его жизни.

Беспрестанные переезды с места на место и постоянное нервное напряжение в конце концов так утомили меня, что я тоже решил отложить поездку на некоторое время и отдохнуть в доме своих родителей. Еким-бей должен был ехать со мной до российской границы.

Попрощавшись с нашими товарищами, мы отправились через Иркештам в сторону России. После очень утомительного путешествия, сопряженного с массой трудностей, миновав обычные дороги из Кашгара в Ош, мы наконец прибыли в Андижан - город, расположенный недалеко от Ферганы.

Мы решили на некоторое время задержаться здесь, так как хотели осмотреть развалины некоторых древних городов, о которых много слышали и которые надеялись отыскать, полагаясь на собственные расчеты, основанные на сопоставлении некоторых исторических фактов.

Таким образом мы значительно удлиннили наше путешествие и не скоро добрались до Андижана. В Маргилане мы купили железнодорожные билеты до Красноводска и уже заняли свои места в вагоне, когда поняли, к своему ужасу, что у нас не только не осталось средств, чтобы проделать остаток пути, но даже не на что завтра купить еды. И более того, во время странствий через Кашгар наша одежда так истрепалась, что в ней нельзя было появляться в приличном обществе, а денег на новую не имелось.

Поэтому мы передумали ехать в Красноводск, а решили сесть в поезд, отправлявшийся в Черняево, затем добраться до Ташкента - довольно большого города, где мы могли бы, телеграммой запросив денежного перевода, дожидаться поступления денег.

Так мы и сделали. Прибыв в Ташкент, сняли самую дешевую комнату возле вокзала и сразу же отправились на телеграф. На эту телеграмму мы потратили все оставшиеся деньги, поэтому пошли на базар, чтобы попытаться продать то немногое, чем мы еще владели: винтовки, часы, шагомер, компас, географические карты - короче говоря, как-нибудь раздобыть хоть немного денег.

Вечером мы гуляли по городу, обсуждая ситуацию, в которую попали, и пытаюсь предположить, где сейчас могут находиться люди, которым мы отправили телеграмму, и если они все же ее получают, догадаются ли немедленно выслать деньги. Незаметно для себя мы очутились в Старом Ташкенте. Здесь мы зашли в чайхану, продолжая обсуждать наше незавидное положение и размышляя над тем, что мы будем делать, если денежный перевод задержится. Перебрав различные варианты, наконец решили, что Еким-бей должен выдать себя за индийского факира, а я - за шпагоглотателя, и, вышучивая друг друга, обсудили все подробности этого необычного предприятия.

На следующее утро мы первым делом отправились в редакцию ташкентской газеты, в отдел объявлений, чтобы оповестить жителей города о нашем приезде.

Служащий этого отдела, недавно прибывший из России, отнесся к нам очень дружелюбно. Поболтав с ним немного, мы посетили отделы объявлений еще трех ташкентских газет, а затем на оставшиеся деньги заказали несколько красочных афиш. Я сейчас не помню точно, какое имя придумал себе Еким-бей, кажется, Ганез Ганзин. Расклеенные нами по всему городу афиши сообщали, что известный индийский факир со своим помощником Салаканом выступят вечером следующего дня в одном клубе, где будут демонстрировать свои сверхъестественные способности, гипнотизируя людей и творя другие чудеса.

Наш новый знакомый из отдела объявлений помог нам получить разрешение полиции на это выступление, и вскоре почти все жители Старого и Нового Ташкента были оповещены о предстоящем необыкновенном представлении.

К тому времени мы отыскивали двоих безработных парней, бывших жителей России, и, заставив их предварительно посетить баню, привели к себе в гостиницу и подготовили к выступлению на сеансе гипноза в качестве наших ассистентов. На нашем представлении мы сумели привести их в такое состояние гипноза, что они не чувствовали, когда им втыкали в грудь булавки, зашивали рот или, поместив между двумя стульями так, что ноги были на одном, а голова на другом, клали им на живот значительные тяжести.

Но что особенно поразило присутствовавших на этом сеансе достаточно образованных людей - врачей, чиновников, офицеров - это способность Еким-бея "угадывать" их имена, возраст и другое с помощью метода, который я уже описал. Короче говоря, к концу нашего выступления мы не только поправили свое материальное положение, но и получили сотни предложений на обеды и ужины в домах самых видных жителей этого города. К тому же побывавшие на сеансе женщины разных сословий оказывали нам явные знаки внимания, что нам очень льстило.

Выступая в течение трех вечеров с огромным успехом, мы заработали достаточно денег для продолжения путешествия, поэтому решили без промедления уехать отсюда, хотя бы для того, чтобы избавиться от назойливого внимания наших многочисленных поклонников.

Заканчивая эту главу и вспоминая свои многочисленные экспедиции и странствия по самым отдаленным районам Азии, я не могу не упомянуть о тех странных представлениях об этом континенте, которые сложились у большинства европейцев.

Прожив пятнадцать лет в Европе, тесно общаясь с людьми разных слоев общества и разных национальностей, я пришел к выводу, что европейцы ничего не знают об Азии. Большинство жителей Европы полагают, что это большой, малоизученный континент, граничащий с Европой и населенный дикими или, в лучшем случае, полудикими племенами.

Даже о размерах этого континента они имеют весьма смутное представление, не предполагая, что на территории Азии уместится несколько Европ. А между тем, Азию населяют представители множества наций и рас. И эти "дикие племена" достигли такого развития некоторых областей знаний, например медицины, астрологии, естественных наук, которое и не снилось европейцам.

ЧАСТЬ VIII. ПЕТР КАРПЕНКО

Эта глава посвящена Петру Карпенко, моему другу детства, ставшему впоследствии выдающимся горным инженером, которого теперь уже с нами нет... Может быть, он был удостоен Царствия Небесного!

Я думаю, чтобы дать читателю верное представление о личности Петра Карпенко и представить интересный материал, имеющий познавательную ценность, следует начать эту главу с рассказа о тех обстоятельствах, в которых зарождалась наша дружба и духовная близость, и затем поведать читателю о нескольких интересных событиях, которые происходили с нами в экспедициях, а также трагических обстоятельствах, при которых он погиб.

Наша близкая дружба началась, когда мы были еще подростками. Я опишу обстоятельства, при которых это произошло, как можно подробнее, так как это позволит читателю лучше узнать психологию юных бездельников, многие из которых впоследствии стали выдающимися людьми.

Тогда мы жили в Карее, и я уже пел в церковном хоре. Следует напомнить, что после отъезда моего учителя Богаевского, который получил к тому времени место полкового капеллана, и последовавшей вскоре смерти моего опекуна настоятеля Борша я остался на перепутье и не знал, что делать. Потеряв почти одновременно двух самых близких моих друзей, чьи наставления очень помогали мне, и зная, что мои родители в ближайшем будущем собираются возвратиться в Александрополь, я решил не ехать вместе с ними, а отправиться в Тифлис и поступить в знаменитый так называемый архидьяконский хор, куда меня неоднократно приглашали, что, конечно, очень льстило моему юношеском самолюбию. И как раз в это время, когда я предавался подобным мечтам, свидетельствующим о моем легкомыслии и наивности, ко мне прибежал один из церковных певчих, который хорошо ко мне относился, потому что я иногда угощал его хорошими сигаретами, которые я, если честно признаться, просто таскал у своего дяди. Переведя дух, он сообщил мне, что случайно подслушал разговор между комендантом крепости генералом Фадеевым и начальником местной полиции об аресте и перекрестном допросе нескольких человек по поводу одного происшествия на артиллерийском стрельбище, упоминали и меня, как человека, замешанного в деле.

Я, честно говоря, кое-что имел на совести, относящееся к этому злополучному артиллерийскому стрельбищу, и, чтобы избежать неприятностей, решил без промедления уносить ноги и на следующий день уехал из Карса.

Инцидент на артиллерийском стрельбище, заставивший меня почувствовать угрызения совести, и был причиной зарождения моей дружбы с Петром Карпенко.

В это время у меня было несколько друзей - как моих ровесников, так и ребят постарше, и среди первых был один добродушный парень, сын владельца винокуренного завода, по фамилии Раузов. Он часто приглашал меня в гости, а иногда я заходил к нему без приглашения.

Парень был очень избалован своими родителями. У него была отдельная комната, где он мог без помех готовить уроки, а на его письменном столе всегда стояла тарелка, наполненная свежими слоеными пирожными, которые я очень любил. Но была еще одна, более важная, причина, которая заставляла меня посещать этот дом. Сестра Раузова, девочка лет двенадцати-тринадцати, часто заходила в его комнату, когда я был там.

Мы с ней подружились, и я как-то незаметно для себя влюбился. Мне казалось, что она тоже неравнодушна ко мне. Другой мой приятель, сын артиллерийского офицера, как и я, часто заходил сюда. Он тоже занимался дома, готовясь к поступлению в какую-то гимназию, так как не был принят в кадетский корпус из-за частичной глухоты.

Это был Петр Карпенко. Он, конечно, тоже влюбился в сестру Раузова, и она оказывала ему

явные знаки внимания, как и мне. Мне кажется, он нравился ей потому, что часто приносил цветы и конфеты, а я - потому что хорошо играл на гитаре и придумывал красивые узоры, которые она любила вышивать на своих носовых платках, хвастаясь перед подругами, что она сама автор этих узоров.

Так как мы оба были влюблены в одну девушку, то постепенно начали ревновать ее друг к другу. Однажды после вечерней службы, на которой присутствовал и мой соперник, я под благовидным предлогом попросил настоятеля отпустить меня. Я хотел встретить эту девочку у выхода, чтобы проводить домой, но у дверей собора лицом к лицу столкнулся с Карпенко. Несмотря на ненависть, которую мы чувствовали друг к другу провозжая "леди", мы вели себя как рыцари. Но после того как за ней закрылась дверь, я не смог сдержаться и, затеяв ссору, задал ему хорошую трепку. После драки я как обычно отправился с несколькими приятелями на церковную колокольню. В то время в гарнизонном храме не было настоящей колокольни, она была построена позже, а тогда колокол висел во временной деревянной постройке с высокой крышей, похожей на восьмиугольную будку часового. Пространство между крышей и балками, на которых висел колокол, было нашим "клубом", где мы собирались почти ежедневно и сидели верхом на балках или на узком карнизе, который шел вдоль стен под самой крышей, курили, рассказывали анекдоты и даже готовили уроки. Позже, когда была построена настоящая каменная колокольня, эта временная была подарена представителями российского представительства новой греческой церкви, строившейся в то время, и таким образом продолжала служить в качестве колокольни.

Кроме членов нашего "клуба" я застал здесь моего друга Петю из Александрополя, который сейчас гостил в Карее. Он был сыном инженера почтового ведомства по фамилии Керенский и позже, став офицером, погиб во время русско-японской войны. Я увидел также одного мальчика из греческого квартала по кличке Фехи. Его настоящая фамилия была Корханиди, и впоследствии она стояла на обложках школьных учебников, автором которых он был. Фехи принес с собой греческую халву домашнего приготовления - знак признательности его тети участникам церковного хора, чье пение трогало ее до глубины души.

Мы ели халву, курили и разговаривали, когда внезапно явился Петр Карпенко с подбитым глазом и в сопровождении двух русских мальчиков не из нашей компании. Он подошел ко мне и настоятельно потребовал объяснений по поводу недавнего инцидента. Будучи очень начитанным мальчиком и имея склонность выражаться высокопарно, он произнес длинную, заранее подготовленную речь, которую завершил категорическим утверждением:

"Земля слишком тесна для нас двоих, поэтому один из нас должен умереть".

Выслушав эту напыщенную тираду, я разозлился и решил выбить всю эту чепуху из его головы, но тут вмешались мои друзья, говоря, что только некультурные люди сводят счеты подобным образом, а мы должны выяснять отношения иначе, как это делают все порядочные люди. Я почувствовал себя пристыженным и, не желая быть "некультурным" человеком, решил снизить до дискуссии со своим соперником.

После длительного обмена оскорблениями и угрозами, который мы почему-то называли дискуссией и во время которого каждый обещал сбросить своего соперника с колокольни или расправиться каким-нибудь иным кровавым способом, было решено драться на дуэли. Возникла серьезная проблема - где взять оружие? Ни пистолетов, ни шпаг нельзя было достать, и ситуация зашла в тупик. Все наши эмоции, которые еще мгновение тому назад нам было трудно сдерживать, приняли другое направление и сконцентрировались на том, как решить возникшую проблему.

В нашей компании был парень по фамилии Турчанинов, которого из-за его писклявого голоса постоянно дразнили. Когда мы оживленно обсуждали возникшую ситуацию, он внезапно

вскочил и воскликнул: "Если нельзя достать пистолеты, то можно воспользоваться пушками".

Раздался дружный смех, который часто сопровождал его слова. "Перестаньте ржать, идиоты, - как всегда возмутился он. - Пушки ничем не хуже пистолетов. Внесите в свой план некоторые коррективы. Вы решили, что один из вас должен умереть, но если в дуэли будут участвовать пушки, вы можете погибнуть оба. Вам это подходит? Я обещаю, что такую дуэль можно запросто устроить. Нет ничего легче".

Он предложил, чтобы мы оба отправились на артиллерийское стрельбище, где проходили военные учения, спрятались где-нибудь между пушками и мишенями и ждали решения своей судьбы. Если кого-то из нас убьет случайным снарядом, можно будет считать, что дуэль состоялась.

Мы все отлично знали это стрельбище, расположенное недалеко от гор, окружающих наш город. Это был довольно большой участок земли площадью от шести до девяти квадратных миль, проникновение на который было строго запрещено в тот период, когда там проходили учения. Стрельбище по периметру охранялось солдатами. Мы часто ходили сюда, главным образом ночью, подстрекаемые двумя старшими товарищами - Айвазовым и Денисенко, чтобы собирать, а точнее воровать, медные осколки использованных снарядов и кусочки свинца, которые были рассыпаны повсюду после выстрелов, и затем продавали их за хорошую цену. И хотя было строго запрещено это делать, мы несмотря ни на что все-таки ухитрились пробраться на стрельбище ночью при ярком свете луны или в те мгновения, когда охрана теряла бдительность.

После продолжительной дискуссии мы решили принять предложение Турчанинова и осуществить этот интересный проект на следующий день. В сопровождении секундантов, которыми с моей стороны были Керенский и Корханиди, а со стороны моего противника те два парня, с которыми он пришел, мы должны были отправиться на артиллерийский полигон рано утром, еще до того, как начнутся учения, и лечь там, спрятавшись в кустах примерно в ста ярдах от мишеней, каждый напротив "своей" пушки. Там мы должны были оставаться до сумерек и ожидать исхода "дуэли". Тот, кто останется после этого в живых, будет считаться победителем.

В обязанности секундантов входило сопровождать нас до полигона и оставаться на берегу реки до вечера, а затем прийти за нами и установить результаты "дуэли". Если окажется, что мы оба или один из нас ранены, секунданты окажут нам первую помощь и отведут домой; если же они увидят, что мы убиты, то в соответствии с планом должны распространить слухи, что мы собирали на полигоне медь и свинец, не зная, что скоро начнется стрельба, и случайно погибли.

На следующее утро наша компания, захватив с собой провизию, отправилась на место "дуэли". Возле реки мы сделали привал, разделили продукты и, сопровождаемые нашими секундантами, пробрались на стрельбище и хорошенько спрятались - каждый в своем укрытии. После чего сопровождающие покинули нас и, отправившись обратно к реке, стали ждать вечера, занимаясь ловлей рыбы, чтобы как-то убить время.

До сих пор мне все это казалось забавной шуткой, но когда началась стрельба, мне стало не до смеха. Не знаю, что чувствовал мой соперник, лежа под градом падающих снарядов, но я и сегодня помню, что пережил сам, - как будто это было вчера.

Сначала я полностью оступел от страха, но вскоре способность чувствовать и думать вернулась ко мне и острота впечатлений увеличилась настолько, что я испытал за это время столько, сколько не испытывал за весь прошедший год.

Я вдруг ясно осознал, что по собственной глупости попал в ситуацию, где моя гибель казалась неизбежной.

Животный страх так завладел моим существом, что окружающая действительность исчезла, оставив только чувство смертельного ужаса.

Я помню, что единственным моим желанием было стать как можно меньше, съжившись и

зарывшись в землю, ничего не видеть и не слышать.

Дрожь, возникающая во всем теле, достигла такой интенсивности, как будто вибрировала каждая клеточка, каждый мускул; и несмотря на страшный рев орудий я отчетливо слышал удары собственного сердца и клацанье зубов, и мне казалось, что сердце вот-вот разорвется.

Замечу попутно, что этот случай очень поспособствовал моему духовному становлению, моему превращению в разумного, сознательного человека, несущего ответственность за все свои действия. С тех пор я научился рассматривать всякую ситуацию с точки зрения всех задействованных в ней лиц и выработал в себе привычку сдерживать свои эмоции и порывы, которые могут причинить вред другим людям. Не помню точно, сколько времени пролежал так, но судьба сжалась надо мной, и постепенно я стал привыкать к реву орудий и разрывам снарядов вокруг меня.

Мало-помалу предчувствие неизбежной гибели стало отступать. Хотя стрельба время от времени обычно прерывалась, но убежать я все-таки не решился, опасаясь главным образом того, что попаду в руки солдат, охранявших полигон.

Мне ничего не оставалось, как лежать неподвижно, дожидаясь наступления сумерек, когда можно без помех покинуть стрельбище.

Во время одного из перерывов в стрельбе я немного подкрепился захваченной провизией и незаметно для себя уснул. Очевидно, моей нервной системе, испытавшей такое потрясение, потребовался отдых. Не знаю точно, сколько времени я проспал, но проснувшись увидел, что уже наступил вечер и вокруг меня тихо.

Когда я полностью пришел в себя, вспомнил, почему я здесь нахожусь, и понял, что жив и здоров, я чуть не закричал от восторга. И только слегка успокоившись, я вдруг вспомнил о своем "противнике" и почувствовал сильную тревогу, не зная, что с ним случилось. Выбравшись из своего укрытия и внимательно оглядевшись, я крадучись направился к тому месту где он должен был прятаться. Увидев, что он лежит неподвижно, я страшно испугался, потом почему-то подумал, что он спит, но тут я заметил кровь у него на ноге и совсем потерял голову. Я почувствовал, что вся моя ненависть сменилась жалостью и раскаянием. С тем же ужасом, который я испытывал несколько часов тому назад во время стрельбы, я подполз к своему "сопернику", инстинктивно стараясь остаться незамеченным охраной полигона.

Я продолжал с ужасом смотреть на неподвижное тело, когда на четвереньках подползли наши "секунданты". Издали заметив меня, уставившегося на распростертое тело Карпенко, и видя на его одежде пятна крови, они поспешили сюда и, ошеломленные как и я, не знали, что делать дальше.

Мы долго сидели как загипнотизированные, когда раздался радостный крик Керенского, выведший нас из ступора. Как он впоследствии рассказал нам, у него от неподвижного сидения затекла нога и, переместившись немного вперед, чтобы изменить положение тела, он вдруг заметил на шее Карпенко пульсирующую жилку. Придвинувшись еще ближе, он понял, что его товарищ жив, что он только потерял сознание. Это радостное известие привело нас в чувство, и мы, перебивая друг друга, стали рассказывать, что случилось, и решать, что делать дальше. Взяв друг друга за перекрещенные руки и образовав что-то наподобие кресла, двое из нас понесли Карпенко к реке.

Мы остановились у развалин старого кирпичного завода и здесь, подстелив одежду, наконец уложили нашего товарища и стали смотреть, куда он ранен. К счастью, оказалось, что только одну его ногу задело шрапнелью и рана не опасна для жизни.

Так как Карпенко все еще не пришел в сознание и никто из нас ничего не смыслил в медицине, мы решили, что кто-нибудь один побежит в город и приведет нашего знакомого, который работал ассистентом хирурга в госпитале и, как и мы, пел в церковном хоре, а

оставшиеся должны промыть рану и наложить повязку с помощью подручных средств.

Врач вскоре приехал в своей коляске, и мы объяснили ему, что этот несчастный случай произошел, когда мы собирали на полигоне медь и свинец, не зная, что скоро начнутся учения, и угодили под обстрел. Внимательно осмотрев рану, ассистент хирурга подтвердил, что она не опасна для жизни и что Карпенко потерял сознание из-за значительной потери крови. И в самом деле, когда к его лицу поднесли флакончик с нюхательной солью, он сразу пришел в себя.

Мы стали упрашивать врача никому не рассказывать о том, что произошло, так как у нас могли быть серьезные неприятности из-за проникновения на территорию стрельбища, это было строго запрещено.

Как только Карпенко пришел в себя, он оглянулся вокруг, как будто кого-то искал, и, встретившись со мной взглядом, слабо улыбнулся и что-то прошептал. Меня охватило чувство раскаяния и жалости к раненому товарищу. С того момента я стал относиться к нему, как к родному брату.

Мы отнесли пострадавшего к нему домой, объяснив его родителям, что Петр, перебираясь через ущелье, которое находилось возле реки, где он любил ловить рыбу, сорвался вниз и повредил себе ногу. Родители поверили всему, что мы им сказали, и я попросил разрешения проводить у кровати больного все вечера до тех пор, пока он полностью не поправится. Все время, что он был вынужден провести в постели, я заботился о нем, как нянька, развлекал, рассказывал анекдоты и всякие истории, и с тех пор началась наша дружба.

А что касается романтических чувств к предмету нашей общей страсти, то они почему-то внезапно испарились одновременно у нас обоих.

Вскоре после того, как он полностью оправился от полученного ранения, родители увезли его с собой в Россию, где он после успешной сдачи вступительных экзаменов был принят в политехнический институт.

В течение нескольких лет после того несчастного случая мы с Карпенко не виделись, хотя я регулярно на каждые именины и каждый день рождения получал от него большое письмо, в начале которого он рассказывал о себе, завершая письмо длинным списком вопросов, интересующих его в то время.

Однажды летом, направляясь в Каре на почтовых лошадях - тогда здесь не было железной дороги - и проезжая через Александрополь, он узнал, что я как раз нахожусь в этом городе, и остановился у меня. Я жил в Александрополе этим летом, так как хотел в спокойной обстановке, без помех заняться проведением экспериментов, которые помогли бы мне выяснить, как влияют звуковые волны на людей и животных.

Я предложил ему ассистировать мне во время проведения опытов, для которых я приспособил бывшую конюшню, немного перестроив ее. Осмотрев мою "лабораторию" и все оборудование, он так заинтересовался моими экспериментами, что решил отложить свою поездку к родителям на три дня. А позднее, навестив свою семью, он опять приехал ко мне и провел в Александрополе весь остаток лета, только иногда на один-два дня уезжая к родителям в Каре.

В конце лета ко мне приехали несколько моих друзей, участников недавно образованного "Общества искателей истины", вместе с которыми я собирался заняться археологическими раскопками на месте развалин бывшей столицы Армении города Ани. Это была первая экспедиция, в которой принял участие Карпенко, и, проведя в нашем обществе несколько недель, он заразился от нас интересом к сверхъестественным явлениям и другим феноменам.

После окончания нашего путешествия Карпенко вернулся в Россию и вскоре получил диплом горного инженера. Мы не виделись следующие три года, но, поддерживая постоянную переписку, не теряли связи друг с другом. Карпенко переписывался и с другими членами

"Общества искателей истины", с которыми подружился за время экспедиции. Через три года он стал полноправным членом нашего общества и с тех пор принимал участие во многих наших путешествиях по Азии и Африке.

Это случилось в одной из наших экспедиций, когда мы собирались пересечь Гималаи от Памира до Индии. С самого начала этого путешествия, в котором я лишился одного из своих самых лучших друзей, мы испытывали огромные трудности. Когда мы находились на северо-западном склоне, пытаясь перейти через крутой перевал, сверху обрушилась большая лавина, которая погребла нас под массой снега и льда. С трудом выбравшись из-под завала, мы обнаружили, что двое наших товарищей остались под снегом, и хотя мы сразу же бросились вытаскивать их, было уже поздно. Одним из погибших был барон К., другим - наш проводник.

Это трагическое происшествие не только отняло у нас одного из лучших наших товарищей, но и оставило нашу экспедицию без проводника, который хорошо знал эту местность.

Здесь следует сказать, что весь регион между Гиндукушем и Гималаями, где произошло это трагическое событие, представляет собой лабиринт, состоящий из перекрещивающихся узких ущелий - результат каких-то геологических катаклизмов, происходивших на нашей планете в доисторические времена. Видимо, некие Высшие Силы намеренно сделали все, чтобы ни одна живая душа не осмелилась добраться сюда и потревожить вечный покой этих горных вершин.

После несчастного случая, лишившего нас проводника, который, по уверению местных жителей, был единственным человеком, который знал здесь каждую тропку, мы шли несколько дней, пытаясь выбраться из этой суровой негостеприимной местности. "Неужели у вас не было карты и компаса?" - задаст резонный вопрос обеспокоенный читатель.

Конечно же, все это мы имели, и в достаточном количестве. Но все дело в том, что для путешественников было бы гораздо лучше, если бы этих так называемых карт вообще не существовало на белом свете.

Карта, как часто говорил мой друг Елов, на одном из языков обозначается синонимом слова "мудрость", а слово "мудрость" на этом же языке определяется так: это умение доказать, что дважды два - это семь с половиной минус три и плюс еще немножко.

По моему мнению, при пользовании современными картами хорошо бы вспомнить одну старую поговорку, относящуюся к прекрасной половине рода человеческого: "Если хочешь в чем-нибудь добиться успеха, спроси совета у женщины и сделай наоборот".

Эта поговорка идеально подходит и к картам:

если вы хотите найти верную дорогу - справьтесь по карте и идите в противоположном направлении, будучи уверены, что вы идете туда, куда вам нужно. Эти карты, быть может, очень полезны тем людям, которые, сидя в своих комфортабельных кабинетах, не имеют ни желания, ни возможности отправиться в путь и пишут книги о далеких и опасных путешествиях, не выходя из-за стола. Благодаря этим картам подобные специалисты и стряпают свои нелепые истории.

Может быть, где-нибудь и существуют хорошие карты, но среди тех, которые попадали мне в руки - от карт древнего Китая до современных специальных военных топографических карт - не было ни одной, которая помогла бы мне ориентироваться на местности. Конечно, в густонаселенных областях карта может пригодиться и подсказать верную дорогу, но в безлюдных местах, где хорошая карта как раз является насущной необходимостью, например в Центральной Азии, ею лучше вовсе не пользоваться. Реальная местность и то, что обозначено на карте, как правило, не имеют ничего общего.

Доверие к подобным картам часто приводит к самым печальным, а иногда и трагическим последствиям. Предположим, в соответствии с картой вы должны будете на следующий день пересечь возвышенный участок местности, где вы, естественно, ожидаете встретить зону ветров

и низких температур. Упаковывая багаж, вы вынимаете теплую одежду, которая необходима при переходе через гористую местность, и откладываете ее в сторону, чтобы, уложив все остальные вещи, упаковать ее в последнюю очередь. В таком случае она всегда будет у вас под рукой при необходимости.

На следующий день вы с удивлением обнаруживаете, что вопреки данным вашей карты вы идете через равнины и низменности и вместо холода попадаете в банное пекло, что испытываете непреодолимое желание снять с себя все, что на вас есть, и путешествовать в чем мать родила.

Атак как теплая одежда не была вами основательно запакована, ведь вы собирались ее вскоре надеть на себя, то она постоянно сдвигается и сползает со спины вьючных животных, доставляя беспокойство не только вашим лошадям и мулам, но и вам самим. А чего стоит переупаковать груз во время долгого утомительного перехода, вы можете догадаться и сами, особенно если вам приходилось это делать хотя бы один раз.

Конечно, в экспедициях, организованных правительством той или иной страны с какой-либо определенной политической целью или в тех, что были снаряжены на средства пожертвованные вдовой какого-нибудь банкира, увлекавшегося теософией, можно нанять столько носильщиков, сколько вы считаете необходимым, и они будут заботиться о грузе, взятом с собой. Но истинный путешественник должен все это делать сам, даже если у него есть помощники. Ведь нормальному человеку невозможно бездействовать, когда другие усердно трудятся, особенно в длительных экспедициях, полных лишений и трудностей.

Современные географические карты никуда не годятся, потому что они составляются весьма странными методами, чему я сам был свидетелем. Это случилось во время одного из моих путешествий в составе группы "Общества искателей истины", когда мы собирались перейти через Памир в районе пика Александра III. Как раз в это время в одной из долин вблизи этого пика базировался лагерь экспедиции, организованной Туркестанским военным топографическим департаментом. Начальником этой экспедиции был некий полковник, друг одного из членов нашего общества, поэтому мы решили посетить их лагерь.

Полковника сопровождало несколько штабных офицеров, которые очень обрадовались нашему появлению, так как они уже много месяцев провели в местности, где на расстоянии сотни миль едва ли можно было найти хотя бы одну живую душу. Мы остались здесь на три дня, намереваясь хорошо отдохнуть в удобных больших палатках.

Мы уже попрощались с нашими гостеприимными хозяевами, когда один из офицеров попросил разрешения поехать вместе с нами, так как он должен был составить карту местности, которая находилась в двух днях пути отсюда, там, где проходил маршрут нашего путешествия. Он взял с собой только двух помощников из вольнонаемного персонала топографической экспедиции.

В одной из долин мы увидели стан кочевых киргизов и, подъехав, разговорились с ними. Офицер, сопровождавший нас, тоже владел киргизским языком. Один из встреченных нами кочевников был пожилым человеком, много повидавшим на своем веку. Мы пригласили его разделить с нами нашу скромную трапезу, надеясь узнать у него как можно больше о местности, по которой проходил наш маршрут.

Мы подкреплялись и одновременно беседовали. Наш гость захватил с собой бурдюк из овечьего желудка, наполненный отличной кокурмой - местной разновидностью самогона, офицер также угощал присутствующих водкой, купленной в Ташкенте, которую кочевые киргизы охотно употребляют, особенно когда соплеменники не видят их за этим занятием. Отдав должное этому напитку, наш гость стал рассказывать то, что знал об этой местности, особо отмечая объекты, по которым мы могли бы легко сориентироваться. Указав на гору, покрытую снегом, которая была уже не очень далеко от нас, киргиз сказал: "Видите вон там

горную вершину? Так вот сразу же за ней..." - и он очень подробно рассказал, что там находится. Офицер, внимательно слушая нашего гостя, заносил все это на бумагу.

Когда мы закончили нашу трапезу и старый киргиз направился к своим соплеменникам, я взглянул на чертеж, сделанный нашим спутником офицером, и увидел, что все объекты, о которых говорил киргизский гость, были расположены перед горой, а не за ней, как было сказано. Я указал на эту ошибку, и в ходе беседы выяснилось, что офицер спутал выражение "за горой" и "перед горой", которые на киргизском языке звучали почти одинаково, особенно для тех, кто не знал этот язык в совершенстве.

Когда я все это объяснил нашему спутнику, тот раздосадованно чертыхнулся, но не стал перечеркивать карту, на которую потратил почти два часа, тем более что мы уже собирались тронуться в путь. Я уверен, что полный ошибок набросок вскоре превратился в географическую карту этой местности. Впоследствии составители подобных карт никогда не посещают тех регионов, где наш брат-путешественник, справясь по карте, ожидает увидеть глубокую реку, а вместо этого натывается на высокую гору.

Итак, оставшись без проводника, мы продолжали идти наугад, соблюдая осторожность и стараясь избежать встречи с любой из орудующих здесь банд, которые активно охотились на европейцев, с большими церемониями захватывали их в плен, а затем, уже совсем не церемонясь, выменивали на них лошадей или даже юных девушек, взятых в плен другими племенами, населяющими эту местность.

Натолкнувшись на горную реку, мы решили следовать вдоль берега, рассчитывая на то, что выйдем к какому-нибудь населенному пункту. Мы даже не смогли определить, на север или на юг отправляемся, так как находились в месте водораздела.

Мы пробирались берегом этой реки, пока он не стал слишком крутым, так что идти по нему было уже невозможно. Тогда нам пришлось продолжить путешествие, идя по дну этого горного потока, но через несколько миль глубина его из-за множества притоков увеличилась настолько, что нам пришлось остановиться и всерьез задуматься над тем, что делать дальше. После продолжительной дискуссии было решено забить всех коз, что мы гнали с собой, используя их в дороге как вьючных животных, а также для снабжения свежим мясом участников экспедиции. Из шкур убитых коз можно было сделать бурдюки и, наполнив их воздухом, получить некоторое подобие плотов, на которых и продолжать спускаться по течению реки. В здешних местах плоты из бурдюков и бревен называют кобзирами.

Чтобы осуществить задуманное, мы нашли удобное ровное место недалеко от реки, где мы бы смогли занять круговую оборону в случае возникновения опасности, и разбили лагерь. Решив, что уже слишком поздно, чтобы выполнять наш план, мы установили палатки и, приготовив еду на костре, как мы обычно делали, улеглись спать, не забыв, конечно, поставить часового, который должен был ночью регулярно обходить весь лагерь.

Первое, чем мы занялись с раннего утра, причем не испытывая ни малейших угрызений совести, была грандиозная бойня. Бесчувственные, как большинство современных людей, мы убили всех наших коз, которых до последнего дня считали своими помощниками и верными друзьями, делившими с нами все тяготы долгого путешествия.

После этой кровавой акции одни из нас стали резать мясо на куски, чтобы затем прожарить его, заготовив впрок, другие изготавливали из козьих шкур бурдюки и наполняли их воздухом, третьи скручивали из козьих кишок веревки, чтобы связать ими плот, а я с несколькими помощниками, захватив с собой ослон, отправился на поиски прочной древесины, подходящей для изготовления плота.

В наших поисках мы отошли довольно далеко от лагеря. Нам нужен был карагач, и особый вид березы. Из деревьев всех пород, растущих в этой местности, по моему мнению, только эти

имели древесину, достаточно прочную для того, чтобы выдержать столкновения с огромными камнями на узких перекатах, принимая во внимание скорость течения.

Вблизи лагеря нам встречались только смоковницы и другие деревья, древесина которых казалась нам слишком мягкой и поэтому не подходящей для наших целей. Так мы шли, внимательно оглядывая окрестности, и вдруг заметили человека, принадлежащего, вероятно, к одному из местных племен. Посоветовавшись между собой, мы решили подойти к нему и узнать, где можно найти необходимые нам деревья. Приблизившись, мы увидели, что его одежда превратилась в лохмотья, и по виду этого человека догадались, что он из тех странников, которые занимаются только спасением собственной души. Европейцы обычно называют их факирами.

Так как мне пришлось употребить слово "факир", я считаю необходимым сделать небольшое отступление, чтобы коснуться этого широко распространенного понятия. Это одно из тех слов, которые, благодаря неправильно понятому значению, имея широкое хождение среди европейцев, особенно в последнее время, послужили едва ли не главной причиной деградации их умственных способностей.

Хотя слово "факир" в значении, придаваемом ему европейцами, и не известно народам Азии, тем не менее то же самое слово употребляется здесь почти повсеместно. Слово "факир", а точнее "фахр", произошло от тюркского слова, означающего "нищий", которое употребляли все народы Азии, чей язык имеет тюркское происхождение. Оно дошло до наших дней и теперь означает "обманщик" или "мошенник".

В самом деле, чтобы назвать кого-либо обманщиком или мошенником, в Азии употребляют два разных слова, оба тюркского происхождения. Первое слово - "факир", второе - "лори". И если факиром называют человека, который обманывает других, используя их религиозный фанатизм, то лори - это тот, кто проворачивает свои дела, рассчитывая на обычную человеческую глупость. Термин "лори" вначале относили как к цыганам вообще, так и к отдельным их представителям.

Цыгане всегда жили среди других народов и вели кочевой образ жизни. Они занимаются главным образом торговлей лошадьми, лудильным ремеслом, пением и танцами на праздниках, предсказанием судьбы и другими родственными видами деятельности. Разбивая свои шатры, как правило, в густонаселенных местах, они успешно занимаются надувательством наивных жителей маленьких городов и поселков. Постепенно слово "лори", означавшее "цыгане", стало употребляться в Азии по отношению к представителям любой расы или национальности, занимающимся обманом и мошенничеством. Для обозначения понятия, которое европейцы ошибочно приписывают слову "факир", у народов Азии существует несколько слов, наиболее распространенное из которых "азнавурян", что означает "тот, кто превзошел самого себя".

Европейцы принимают за чистую монету все трюки и фокусы так называемых факиров, в то время как всякий здравомыслящий житель Азии знает, что это всего лишь бессовестное надувательство.

Чтобы показать, какую путаницу внесло ошибочное понимание европейцами значения этого слова, я думаю, будет достаточно сказать, что, побывав почти во всех странах, где, как представляется жителям Европы, этих факиров должно быть больше, чем мух, я не встретил ни одного. Но совсем недавно я "имел счастье" видеть настоящего фахра - в азиатском значении этого слова. И где бы вы думали? Нет, не в Индии или другом уголке Азии, а в самом центре Европы, в городе Берлине.

Я шел по Курфюрстендамм, направляясь к центральному входу Зоологического сада, когда заметил на газоне калеку без обеих ног, который, сидя на тележке, крутил ручку допотопной шарманки.

В Берлине, столице Германии, как и в других центрах современной цивилизации, запрещается открыто просить милостыню, но всякий, кто хочет заниматься этим и не иметь неприятностей с полицией, может без помех крутить ручку шарманки, продавать пустые спичечные коробки или непристойные открытки.

Этот нищий, одетый в форму германского солдата, выступал с шарманкой, которая почти не играла. Когда я, проходя мимо, бросил ему несколько мелких монет и рассеянно заглянул в лицо, мне показалось, что я знаю этого человека. Я не стал его расспрашивать, так как ни в те времена, ни сейчас не отваживаюсь заговаривать первым на улице на своем ломаном немецком.

Когда, закончив свои дела, я возвращался обратно тем же самым путем, инвалид был на прежнем месте. Я замедлил шаг и пристально взгляделся в его лицо, пытаюсь вспомнить, где я видел этого человека, но и на этот раз память подвела меня. И только значительно позже, сидя в кафе, я понял, что это был муж одной дамы, которая пришла ко мне несколько лет тому назад в Константинополе с просьбой оказать ей медицинскую помощь. Ее мужем был, если не ошибаюсь, бывший русский офицер, эмигрировавший в Константинополь вместе с армией барона Врангеля.

Постепенно я припомнил, что у этой женщины было выбито плечо, а все тело покрыто синяками. Пока я пытался вправить ей выбитый сустав, она рассказала мне, что ее избил муж за то, что она не захотела продать себя за приличную сумму богатому испанскому еврею. С помощью докторов Викторова и Максимовича я кое-как вправил ей плечо, и она ушла.

Через две или три недели после этого, когда я сидел в русском ресторане под названием "Черная роза", эта женщина подошла ко мне. Указав на мужчину, сидевшего за ее столиком, она сказала: "Это мой муж. Я вернулась к нему. Он неплохой человек, просто иногда теряет самообладание". Проводив ее глазами, я наконец понял, кем она была. Все оставшееся время, что я провел в этом ресторане, я не спускал глаз с ее мужа, потому что меня интересовал этот редкий тип людей.

И вот теперь тот же самый русский офицер, без ног, в форме солдата германской армии, крутил ручку сломанной шарманки и собирал мелкие монеты. За день сердобольные прохожие насыпали целую шапку монет этой несчастной жертве войны.

Вот кто, по-моему, был настоящим факиром в том значении этого слова, которое ему придают жители Азии. А что касается его ног, так дай Бог мне иметь всю жизнь такие крепкие и здоровые, как у него!

Но довольно об этом, вернемся к прежнему повествованию.

Итак, мы увидели азнавуряна и, поприветствовав его, уселись на землю рядом с ним. Прежде чем перейти к вопросам, мы начали разговор издали, соблюдая все традиционные правила вежливости, принятые в этой местности.

Следует заметить, что психология жителей этого региона принципиально отличается от психологии европейцев. У последних обычно что на уме, то и на языке. У азиатов это не принято, они обладают амбивалентной психологией. Как бы вежлив и радушен ни был в общении с вами представитель этих народов, он при этом может ненавидеть вас всеми фибрами своей души и только о том и думать, как бы причинить вам какое-нибудь зло.

Многие европейцы, десятилетиями живущие среди азиатов, так иногда и не осознают этой их характерной особенности и судят о них по себе, из-за этого очень часто попадая в различные неприятные и даже опасные ситуации, которых вполне можно было избежать. Коренные обитатели азиатского континента очень горды и самолюбивы. Каждый азиат, вне зависимости от социального и материального положения, требует проявления к себе внимания и уважения.

В их среде не принято в разговоре сразу переходить к главному. Следует переходить к тому, что вас интересует, как бы невзначай, между прочим. Если вы не выполните этого условия, то в

лучшем случае вам укажут направление, прямо противоположное тому, которое вам нужно. Но с другой стороны, если вы будете себя вести в соответствии с принятыми здесь условностями, то вам не только укажут правильное направление, но и сделают все, что в их силах, чтобы помочь вам попасть туда, куда вы направляетесь.

Поэтому, приблизившись к этому человеку, мы не стали сразу же расспрашивать его о породах деревьев, которые мы безуспешно пытались отыскать, а завели приличествующий случаю разговор.

Усевшись на землю вокруг этого старого человека, мы начали беседу с восхищения красотой окрестных пейзажей, рассказали о себе и о цели нашего путешествия, описали сложную ситуацию, в которую попали, оставшись без проводника в незнакомой местности. И только значительно позже, как бы между прочим, я заметил, что мы ищем такие-то породы деревьев для того, чтобы сделать плот, но пока ничего подходящего не нашли.

В ответ он высказал сожаление, сообщив, что тоже не знает, где растут деревья с твердой древесиной, так как прибыл сюда недавно, но зато он знает одного старого почтенного человека, своего духовного наставника, который должен это знать. Тот живет за холмом в пещере и очень хорошо ориентируется в здешних местах.

Наш собеседник уже встал, собираясь уходить, когда доктор Сары-оглы остановил его, спросив, нельзя ли и нам пойти к этому почтенному человеку и узнать то, что нам нужно. Тот воскликнул: "О, конечно, пойдете со мной. Мой учитель - святой человек, он всегда рад сделать добро ближнему".

Отправившись вместе с нашим новым знакомым, мы уже издали заметили человека, сидящего на земле в тени деревьев. Наш спутник, не дожидаясь нас, поспешил к нему и, что-то ему сказав, сделал нам знак приблизиться.

Мы подошли и, обменявшись обычными приветствиями, сели вокруг него. В это время пришло еще несколько человек из числа местных жителей и тоже разместились рядом. Как мы впоследствии узнали, это были ученики почтенного азнавуряна.

Выражение лица этого достойного человека показалось нам таким мудрым и благожелательным, что мы без всяких вступительных церемоний и обиходных маневров рассказали ему о том, что с нами случилось в дороге, и просили подсказать нам, как быть дальше, каким образом выбраться отсюда. Не забыли упомянуть и о цели нашей экспедиции. Он внимательно выслушал нас и, подумав, сказал, что река, на берегах которой мы остановились, является притоком реки Читрал, та впадает в реку Кабул, а уж Кабул в свою очередь в реку Инд. Он сообщил нам, что есть несколько дорог, выходящих из этой местности, но все они крайне утомительны, так что нам лучше придерживаться принятого плана. Если нам удастся избежать встречи с племенами, населяющими местность, по которой мы будем двигаться, не очень любящими европейцев, то наш план - это лучшее из того, что можно придумать. А что касается пород деревьев, выбранных нами для постройки плота, то ему они кажутся не вполне подходящими для этой цели. Он посоветовал нам взять стволы кизиловой черешни, добавив, что большая группа деревьев растет недалеко отсюда, слева от тропинки, по которой мы пришли.

И тут внезапно вблизи раздался шум, от которого у нас мурашки побежали по коже. Наш строгий собеседник, невозмутимо повернув голову, подал какой-то условный сигнал. Тогда из лесу вышел во всей своей красе огромный бурый медведь, что-то несущий в пасти. Он неторопливо приблизился к нам, и когда наш новый знакомый снова окликнул его, медведь, оглядев нас своими маленькими сверкающими глазами, приблизился к азнавуряну и положил свою ношу к его ногам. Затем он не спеша отправился обратно в густые заросли, окружавшие нас.

Мы сидели, оцепенев, в полном смысле этого слова, и так дрожали всем телом, что

отчетливо слышалось клацанье наших зубов.

Наш новый знакомый объяснил нам, что этот медведь - его друг, он иногда приносит ему джунгари, разновидность кукурузы, которая растет в данной местности и служит заменителем пшеницы. Именно это растение положил медведь у ног старика.

Даже после этих объяснений к нам не сразу вернулась способность здраво рассуждать, и наши бледные лица долго еще выдавали степень нашего потрясения. Азнавурян легко поднялся с травы и вывел нас из оцепенения, сказав, что настало время его ежедневной прогулки и что, если мы пожелаем, он проводит нас к лощине, где растут черешни.

Затем он помолился и пошел вперед, показывая дорогу. Ученики вместе с нами почтительно следовали за своим учителем. И вскоре мы действительно обнаружили несколько черешен. Все, включая старого азнавуряна, начали их пилить, отбирая самые высокие и прямые.

Мы навьючили стволы черешен на двух ослов, предложили азнавуряну отправиться с нами в лагерь, объяснив, что хотим с помощью особой машины очень быстро сделать его портрет. Тот сперва отказался, но так как его ученики поддержали нас, в конце концов сдался на уговоры. Сопровождаемые навьюченными осликами, мы все пошли в лагерь, где оставшиеся товарищи с нетерпением ожидали нашего возвращения. Выслушав наш рассказ, профессор Скридлов снял своей камерой этого удивительного старика и сразу же стал проявлять пленку.

Дождаясь фотографии, мы собрались вокруг азнавуряна, усевшись на землю в тени большой смоковницы. С нами сидела и Витвицкая, шея которой была закутана, так как молодая женщина уже несколько месяцев страдала от болей в горле, что, в общем, нередко случается в горах. Это заболевание привело к образованию зоба.

Обратив внимание на ее повязку, азнавурян расспросил Витвицкую о болезни и, тщательно обследовав опухоль, стал массировать ее с помощью специальных приемов, что-то при этом нашептывая.

Трудно описать наше изумление, когда через двадцать минут массажа опухоль стала уменьшаться, а еще через некоторое время совершенно исчезла на глазах у всех.

Тут к нам подошел профессор Скридлов, закончивший свою работу и удивленный не менее нас тем, чему мы были свидетелями. Смущаясь, он попросил азнавуряна вылечить его от приступов боли, которые мучили его несколько последних дней и были вызваны, очевидно, почечными коликами.

Расспросив его о всех симптомах, наш гость немедленно послал куда-то одного из своих учеников, который вскоре вернулся с корнем не известного нам кустарника. Протягивая этот корень профессору, азнавурян сказал: "Вы должны взять одну часть размолотого корня и смешать с двумя частями коры смоковницы, которая растет здесь повсюду, заварить в крутом кипятке и в течение двух месяцев через день принимать стакан этого отвара перед сном". Затем он вместе со своими учениками стал рассматривать фотографии, которые вызвали у него явное удивление. Мы пригласили гостей разделить с нами трапезу, состоявшую из свежего козьего мяса и ячменных лепешек, на что они охотно согласились.

В ходе беседы выяснилось, что этот человек прежде был капитаном артиллерии в войске афганского эмира, деда ныне царствующего эмира, и в возрасте шестидесяти лет в одном сражении получил тяжелые ранения, залечивать которые отправился на свою родину в Хорасан. Полностью оправившись от ран, он решил больше не возвращаться на военную службу, которой отдал почти всю свою жизнь, и посвятить оставшиеся годы спасению своей души. Сперва он познакомился с персидскими дервишами, затем некоторое время был баптистом, а после поступил в монастырь в окрестностях Кабула. Придя к осознанию того, что ему действительно необходимо, и убедившись, что люди не могут дать ему этого, он начал подыскивать тихое уединенное место. Найдя его и поселившись здесь вместе с несколькими своими

последователями, он стал ожидать смерти, так как уже встречал свой 98 день рождения.

Когда этот почтенный человек собрался уходить, Елов обратился к нему, спрашивая совета по поводу болезни глаз. Несколько лет тому назад в Закаспийском регионе он заразился трахомой, и несмотря на лечение болезнь перешла в хроническую форму. "Хотя мои глаза, - сказал он, - и не особенно беспокоят меня, но тем не менее каждое утро покрываются каким-то налетом, а при резкой смене погоды или попадании пыли начинают болеть". Старый азнавурян посоветовал моему другу растереть как можно тщательнее сульфат меди и каждый вечер перед сном, смочив иглу собственной слюной и обмакнув в полученный порошок, проводить ею черту между веками, причем повторять эту процедуру в течение длительного времени.

Дав этот совет, почтенный старец поднялся, благословил всех присутствующих и отправился к своему жилищу. Все, даже наши собаки, сопровождали его всю дорогу.

В пути мы возобновили беседу, и внезапно Карпенко обратился к азнавуряну на узбекском языке, сказав следующее: "Отец! По воле судьбы мы встретились при столь необычных обстоятельствах с вами, человеком, достигшим совершенства, постигшим высшую истину, и мы надеемся, что вы не откажете нам в совете. Мы хотим знать, как нам жить дальше, какими идеалами руководствоваться".

Прежде чем ответить на эту неожиданную просьбу, старик огляделся, как будто что-то искал, и затем направился к стволу упавшего дерева. Он сел на него, и когда мы расположились рядом, кто на стволе, а кто и просто на земле, он заговорил, обращаясь ко всем нам.

Его совет вылился в долгую проповедь, очень интересную и поучительную. Я обязательно напишу о том, что услышал от этого азнавуряна, в своей третьей книге, в главе, которая будет озаглавлена так: "Астральное тело человека, его потребности и возможности их удовлетворения". Здесь я коснусь только результатов лечения, проведенного или прописанного почтенным человеком, в эффективности которого я убедился на собственном опыте.

Витвицкая больше никогда не испытывала рецидивов болезни, мучившей ее в течение нескольких месяцев. Профессор Скридлов не знал, как выразить свою благодарность человеку, навсегда избавившему его от заболевания почек. А трахома Елова прошла через месяц.

После этой встречи, потрясшей всех нас, мы еще оставались здесь в течение трех дней, необходимых для того, чтобы как следует подготовиться к нашему опасному предприятию. Мы связали большой плот и запасли все необходимое для длительного путешествия. Рано утром импровизированный плот был спущен на воду, и, забравшись на него, мы оттолкнулись от берега. Вначале наше оригинальное судно не всегда само могло двигаться по течению, в некоторых местах его приходилось толкать и даже переносить на руках, но чем глубже становилась река, тем быстрее мы плыли, и вскоре уже неслись с сумасшедшей скоростью.

Нельзя сказать, чтобы мы чувствовали себя в безопасности, особенно там, где плот проходил по узким местам реки, врезаясь в скалистые берега, но со временем, убедившись в достаточной прочности нашего необычного судна, почувствовали себя увереннее и даже начали подшучивать друг над другом. Наше путешествие стало еще более комфортным благодаря остроумному изобретению инженера Самсонова, который предложил привязать два бурдюка на носу плота, а также по два на каждую сторону. Они служили нам в качестве буферов при столкновении с камнями и скалами.

На второй день нам пришлось обменяться выстрелами с бандой, состоявшей из местных жителей, представителей одного из племен, обитавших по берегам реки.

Во время этой перестрелки был тяжело ранен Петр Карпенко, который умер через два года в России, будучи еще совсем молодым человеком.

Упокой, Господи, твою душу, мой верный друг!

ЧАСТЬ IX. ПРОФЕССОР СКРИДЛОВ

С профессором археологии Скридловым, который стал моим другом и единомышленником, я познакомился уже в сознательном возрасте. Он был значительно старше меня и, к моему глубокому горю, бесследно исчез в России в период революционных волнений.

Впервые мы встретились, как я уже упоминал в главе, посвященной князю Юрию Любовецкому, когда профессор нанял меня в качестве гида, знакомясь с окрестностями Каира.

Вскоре после этого я увиделся с ним вновь в Тибете, где мы с Юрием Любовецким закончили нашу первую совместную экспедицию и где профессор Скридлов присоединился к нам, чтобы провести раскопки.

Мы прожили здесь три недели, проводя все свободное от раскопок время в разговорах, затрагивающих самые разнообразные абстрактные темы. И несмотря на значительную разницу в возрасте вскоре стали близкими друзьями, так что когда князь Любовецкий уехал в Россию, мы решили предпринять долгое совместное путешествие.

Из Тибета направившись к истокам Нила, а затем в Абиссинию, где провели три месяца, мы затем поехали через Сирию к Красному морю и закончили нашу экспедицию у развалин Вавилона. После четырех месяцев, проведенных вместе, профессор Скридлов остался здесь, собираясь продолжить раскопки, а я отправился через Месджеде-Солейман в Исфахан в обществе двух персов - торговцев коврами, с которыми случайно познакомился в маленьком поселке возле Вавилона и вскоре подружился, разделяя их любовь к старинным персидским коврам.

Следующая встреча с профессором Скридловым произошла через два года в Оренбурге, пункте отправления большой экспедиции по Сибири, предпринятой с целью, поставленной тем же самым "Обществом искателей истины", о котором я упоминал несколько раз в предшествующих главах этой книги.

После этого путешествия мы встречались довольно часто, принимая совместное участие в экспедициях различной продолжительности и сложности; бывали случайные кратковременные встречи после долгих расставаний, и тогда мы обменивались мнениями о том, что нам довелось узнать за время, проведенное в разлуке.

Я опишу как можно более подробно одну из наших встреч и последовавшее за ней длительное совместное путешествие, во время которого профессор Скридлов испытал нечто вроде катарсиса, изменившего весь его душевный строй, и с тех пор стал действовать, руководствуясь не только своими логическими умозаключениями, но также повинувшись чувствам и инстинктам. И последние даже начали доминировать в его поведении, так сказать, играть первую скрипку.

Я столкнулся со Скридловым совершенно случайно в России вскоре после того, как покинул Константинополь, где я навещал князя Любовецкого. Я направлялся в Закавказье и как-то сидел в станционном буфете, расправляясь со знаменитой "говяжьей" отбивной котлетой, изготовленной из конины, которую поставляют в железнодорожные буфеты казанские татары. Внезапно чья-то рука дружески опустилась на мое плечо. Я обернулся и увидел своего друга профессора Скридлова.

В ходе беседы выяснилось, что он следовал тем же поездом, что и я, направляясь к своей дочери, которая проходила в Пятигорске курс лечения минеральной водой.

Обрадовавшись этому случайному свиданию, мы решили провести остаток дороги вместе, и профессор Скридлов перебрался из второго класса в третий, в котором я ехал. Мы говорили с ним всю дорогу.

Он рассказал, что после того как осмотрел развалины Вавилона, вернулся в Тибет и продолжил раскопки. За два года, проведенные в путешествиях и археологических исследованиях, он сделал немало научных открытий и узнал массу интересных вещей, но в конце концов начал ужасно тосковать по России и по своим детям и решил, сделав перерыв в своих научных изысканиях, вернуться на некоторое время на родину.

Приехав в Россию, он сперва отправился в Санкт-Петербург, а затем в Ярославль, чтобы повидать свою старшую дочь, а сейчас он ехал к младшей, которая за время его отсутствия подарила ему двоих внуков. Сколько он пробудет в России и что будет делать дальше, он пока не знал.

В свою очередь я рассказал ему, как провел те два года, что мы не виделись. Увлеченный исламом, я, проявив немалую изобретательность, сумел пробраться в Мекку и Медину, недоступные христианам, надеясь там, в самом сердце этой религии, получить ответы на мучившие меня вопросы.

Но все мои усилия были тщетны, я не узнал ничего существенного. Мне стало ясно, что если эта религия и таит в себе какую-то тайну, то искать ее надо не в Мекке или Медине, а в Бухаре, где с самого начала концентрировалось все, что касалось ислама, все знания и священные тексты. Так как я не терял надежду приобщиться к высшей истине, я решил отправиться в Бухару вместе с группой пилигримов, которые после хаджа в Мекку и Медину возвращались домой и с которыми я намеренно установил самые добрые отношения.

Затем я рассказал профессору Скридлову о том, что помешало мне тогда осуществить свой план и проникнуть в Бухару, о том, как по просьбе князя Любовецкого, встреченного мной в Константинополе, я сопровождал в Тамбов к его сестре одну девушку. Только что вернувшись из этой поездки, я собирался навестить своих родителей и пробыть в Закавказье некоторое время, а затем как следует подготовиться к нелегкому путешествию в Бухару и отправиться туда... "...вместе с вашим другом Скридловым", - закончил мою последнюю фразу профессор.

Он добавил, что уже в течение трех лет мечтает побывать в Бухаре и Самарканде, так как это необходимо ему для проверки исторических фактов, связанных с Тамерланом, для того чтобы пролить свет на некоторые темные пятна истории. В последнее время желание отправиться туда стало особенно сильным, и причина его колебаний заключалась лишь в отсутствии подходящего спутника. Узнав, что я как раз собираюсь в интересующий его регион, он сообщил, что будет рад составить мне компанию, если я ничего не имею против.

Встретившись в Тифлисе через два месяца, как договаривались, мы направились в Закавказский регион, имея конечной целью Бухару, но, достигнув развалин древнего Мерва, провели там целый год.

Чтобы пояснить, почему это произошло, я должен сперва сказать, что задолго до того, как мы решили вместе отправиться в Бухару, профессор и я часто мечтали и даже строили планы о том, как нам попасть в Кафиристан, страну, абсолютно недоступную для европейцев, и поэтому такую вождеделенную.

Мы желали этого особенно сильно потому, что, согласно информации, которую нам удалось добыть, общаясь со множеством людей, там, вполне возможно, скрывались ответы на волнующие нас вопросы как психологического, так и археологического порядка.

В Тифлисе мы начали подготавливать все необходимое для нашей необычной экспедиции в Бухару, включая и рекомендательные письма, встречались и разговаривали со множеством людей, хорошо знающих этот регион.

В результате этих интересных содержательных бесед наше желание попасть в Кафиристан так усилилось, что после горячей дискуссии мы решили отправиться туда сразу же после возвращения из Бухары.

Все наши другие желания и интересы развеялись как дым, на протяжении всего пути в Туркестан мы думали и говорили только о том, как осуществить это дерзкое предприятие. Но наши фантастические планы приобрели определенную форму только через некоторое время при следующих обстоятельствах.

Во время остановки поезда в Новом Мерве я отправился в буфет достать немного горячей воды для чая и на обратном пути был внезапно остановлен человеком, который сразу бросился обнимать меня.

Оказалось, что это мой старый друг грек Васибеки, портной по профессии, который уже долгое время жил в Мерве. Узнав, что я здесь проездом и направляюсь в Бухару, он умолял меня не уезжать до завтра, а пойти с ним на семейное торжество, которое состоится сегодня вечером по поводу крестин его первого ребенка.

Это приглашение было таким искренним и трогательным, что я не смог категорически отказаться его принять и попросил Васибеки немного подождать. Зная, что до отправления поезда осталось совсем мало времени, я поспешил в свой вагон, расплескивая на ходу кипяток, чтобы посоветоваться со своим спутником.

Когда я с трудом проталкивался сквозь толпу людей, снующих во всех направлениях, профессор, заметив меня на платформе, махнул мне рукой и закричал: "Я уже собрал ваши вещи, идите сюда к окну, я подам их вам".

Очевидно, он увидел, что я встретился со старым знакомым, и догадался, какое приглашение за этим последовало. Пока я не менее торопливо пробирался сквозь толпу к окну нашего вагона и принимал подаваемые мне вещи, выяснилось, что вся эта спешка совершенно напрасна, так как поезд будет стоять на этой станции по меньшей мере два часа, дожидаясь связи с Кушкой, которая почему-то нарушилась.

Вечером, во время ужина, который последовал за религиозным обрядом крестин, меня посадили рядом с одним старым человеком, выходцем из кочевого тюркского племени, другом нашего гостеприимного хозяина. Этот старик был владельцем огромного стада породистых мериносовых овец. У нас завязалась непринужденная беседа, в ходе которой этот человек рассказал мне о многочисленных независимых племенах, населяющих регион Кафиристана. Продолжив нашу беседу после ужина, во время которого было выпито немалое количество русской водки, этот почтенный старец как бы про себя, не обращая ни к кому конкретно, сказал одну вещь, которую я постарался запомнить.

Он сообщил, что несмотря на почти инстинктивную враждебность, которую жители Кафиристана проявляют ко всем, кто не принадлежит к их собственному племени, они все-таки как-то сосуществуют и даже общаются друг с другом, и что к какому бы племени или расе ни принадлежал человек, если он посвятил себя служению Господу, это вызывает невольное уважение и даже симпатию к нему не только его сородичей, но и представителей другой расы или народа.

Обдумав услышанное и обсудив все варианты, мы решили, что должны отправиться в эту страну не как простые смертные. Нам следует выдать себя за тех, кому оказывают особое уважение и кто может свободно ходить повсюду, не вызывая подозрений.

На следующий вечер, сидя в чайхане Нового Мерва, мы продолжали отрабатывать мельчайшие детали нашего дерзкого предприятия, не обращая внимания на то, что происходило вокруг нас. Между тем обстановка в чайхане далеко не располагала к размышлениям. Две компании турков за соседними столиками были изрядно навеселе и развлекались в обществе мальчиков-танцовщиков, основная профессия которых, вполне легальная в соответствии с местными законами, была очевидной для всех присутствующих. В Европе этим занимаются женщины, обладающие желтыми билетами.

Итак, мы сошлись на том, что профессор Скридлов должен будет выдавать себя за почтенного персидского дервиша, я же вполне сойду за прямого потомка Мохаммеда.

Чтобы как следует подготовиться к этому маскараду, необходимо было длительное время, а также тихое уединенное место. Поэтому мы решили поселиться в окрестностях развалин древнего Мерва, которые вполне отвечали нашим требованиям, и где мы могли в свободное от приготовления время понемногу заниматься раскопками. Наша подготовка в основном состояла в заучивании священных персидских религиозных текстов и в овладении местной речью, полной образных выражений и иносказаний. Также мы должны были отрастить волосы, чтобы стать похожими на людей, за которых собирались себя выдавать. Малейшая недоработка в этом вопросе грозила нам смертельной опасностью.

Только через год, проведенный в усердной подготовке, мы были удовлетворены достигнутыми успехами как в изучении священных сур Корана, так и в приобретении необходимой внешности для нашего предприятия.

И вот в одно прекрасное утро мы покинули развалины Мерва и, добравшись пешком до станции Байрам-Али на Центральной азиатской железной дороге, сели в поезд, идущий в Чарджоу. Оттуда мы двинулись вверх по Амударье.

Это случилось на берегах Амударьи - реки, которая когда-то звалась Оксус и, обожествляемая некоторыми народами Центральной Азии, была местом зарождения современной цивилизации. И вот во время нашего путешествия вверх по реке вместе с профессором Скридловым случилось одно происшествие, неожиданное для европейцев, но вполне соответствующее традициям местной патриархальной морали, еще не подвергшейся воздействию современной цивилизации, жертвой которого стал один хороший старый человек. Воспоминания об этом инциденте до сих пор заставляют меня чувствовать угрызения совести, так как из-за нас один почтенный старец лишился всех своих сбережений, и возможно навсегда. Я хочу описать эту часть нашего путешествия в страну, недоступную для европейцев, как можно подробнее, и описать его в стиле литературной школы, которую я посещал в юности. Этот цветистый стиль живет и здравствует, как мне кажется, как раз на берегах этой великой реки - стиль, который я называю так: минимум мыслей и максимум эмоций.

В верхнем своем течении Амударья именуется Пянджем, далее протекает через Гиндукуш и впадает в настоящее время в Аральское море, хотя прежде, по некоторым данным, впадала в Каспийское море.

В период времени, к которому относится мое повествование, эта река омывала границы многих стран - бывшей России, Хивинского и Бухарского ханств, Афганистана, Кафиристана, Британской Индии и других.

Прежде движение по этой реке осуществлялось на плотках особой конструкции, а затем, когда этот регион был захвачен Россией, здесь появились речные пароходы, выполнявшие военные задачи и, кроме того, осуществлявшие грузовые и пассажирские перевозки между Аральским морем и верховьями Амударьи.

Итак, я начинаю, чтобы немного поразвлечь вас, повествование в стиле вышеупомянутой литературной школы.

Амударья... Волшебный предрассветный час. Горные вершины позолочены нежными лучами восходящего солнца. Тишину этого божественного уголка природы нарушает только монотонное бормотанье реки и крики пробудившихся птиц и зверей. Идет девятый день нашего путешествия.

Первые два дня мы плыли медленно, но без остановок, а на третий день надолго стали на прикол, дожидаясь, пока сильный и своенравный поток не смоет песчаный нанос и не позволит нам продолжать движение.

Через 36 часов повторилось то же самое, и вот уже третий день наш пароход неподвижен.

Пассажиры и команда терпеливо ждут, пока своенравная река не смилостивится над нами, освободив путь.

В этом нет ничего необычного - такова Амударья. Ее русло на всем протяжении утопает в глубоких песках. Очень сильное течение и нестабильный объем переносимой воды то намывают песчаные наносы в самых неожиданных местах, то подтачивают берега, отчего русло реки постоянно меняется.

Вверх по течению пароходы двигаются очень медленно, зато внизу несутся на бешеной скорости с остановленными двигателями.

Вы никогда не знаете даже приблизительно, сколько времени у вас займет дорога, поэтому пассажиры, следующие вверх по течению, на всякий случай запасаются огромным количеством провизии.

Время года, в которое проходило наше путешествие, было наименее благоприятным для судоходства из-за низкого уровня воды в реке. Настала зима, сезон дождей прошел, в горах, откуда берут свое начало здешние реки, закончилось массовое таяние снега.

Это путешествие не может считаться особенно комфортным и потому, что как раз в эту пору года перевозится очень много грузов и пассажиров. Весь пароход забит тюками с хлопком, овощами и сушеными фруктами, выращенными на плодородных землях здешних оазисов, отовсюду раздается бляение перевозимых каракулевых овец. Оставшееся на палубе пространство занимают пассажиры, путешествующие по Амударье, в основном это местные жители. Одни возвращаются в свои поселения, другие везут на рынок сыры, изготовленные из козьего и овечьего молока, некоторые собираются навестить родственников.

Вот почему, когда мы взошли на пароход, он уже был переполнен пассажирами, среди которых бухарцы, хивинцы, персы, афганцы и представители многих других народностей Азии.

В этой пестрой, очень живописной толпе преобладают торговцы, одни везут свои товары, другие, наоборот, едут вверх по течению, чтобы закупить их. В основном отсюда вывозят сыры из овечьего молока.

Вот перс - торговец сушеными фруктами, а там - армянин, едущий за киргизскими коврами, а это польский коммивояжер, он хочет закупить большую партию хлопка для одной познаньской фирмы, тот русский еврей скупает каракулевые шкурки, а этот литовский коммерсант везет образцы рамок для картин и фотографий и всевозможные украшения из позолоченного металла с искусственными цветными камнями.

Множество чиновников и офицеров пограничных войск, а также стрелки и саперы Закавказского полка возвращаются из отпусков на места службы. Вон жена солдата, она едет с грудным ребенком к своему мужу, который остался служить сверхсрочно и вызвал ее к себе, а там католический священник, который совершает официальную поездку, чтобы исповедать солдат-католиков, несущих службу в этих местах.

На пароходе есть и светские дамы. Здесь находится жена полковника со своей долговязой дочерью, она возвращается из Ташкента, куда сопровождала своего сына-кадета, чтобы отправить его в Оренбургский кадетский корпус. Вы можете видеть здесь жену капитана кавалерийских войск, базирующихся на границе, она ездила в Мерв, чтобы заказать несколько платьев у хорошего портного. А вот жена военного врача, которая едет из Ашхабада в сопровождении денщика, чтобы навестить своего мужа. Он служит в одиночестве, так как его теща не согласилась, чтобы ее дочь поселилась в этой глухомани, где отсутствует "приличное" общество.

Всеобщее внимание привлекает не очень молодая дородная женщина в парике из крашенных волос. Количество колец на ее пальцах и брошек на ее платье превышает разумные пределы. Две

хорошенькие молоденькие девушки, сопровождающие эту вульгарную особу, зовут ее тетей, но это никого не вводит в заблуждение, цель их поездки очевидна и в комментариях не нуждается.

На пароходе едут как разорившиеся аристократы, так и бедняки, надеющиеся разбогатеть. Один Бог знает, что они ищут в этих краях. Группа музыкантов, путешествующих вверх по Амударье, не расстается со своими скрипками и контрабасами.

С самого первого дня как мы отчалили от пристани в Чарджоу, все эти люди, как водится, разбились на несколько отдельных групп. Так называемая интеллигенция, буржуа и простонародье не смешиваются между собой. Общась только с представителями своего круга, они вскоре вполне освоились, как будто находились среди старых друзей. При этом члены одной группы относятся к членам другой пренебрежительно и высокомерно, или же робко и заискивающе, в зависимости от своего общественного положения. В то же самое время все ведут себя довольно непринужденно, и мало-помалу они так обжили наше новое пристанище, как будто родились на этом пароходе.

Казалось, ни продолжительные стоянки, ни переполненность парохода никого не раздражают, напротив, все как будто воспринимали долгое и продолжительное путешествие как увеселительную прогулку с пикниками на природе и другими подобными развлечениями.

Как только выясняется, что пароход встал надолго, почти все пассажиры высыпают на берег. Вскоре окружающий пейзаж пестреет от палаток и навесов, сделанных из всевозможных подручных материалов. Повсюду разводятся костры, на которых готовится вкусная еда, звучат музыка и песни. На ночь пассажиры, как правило, остаются на берегу.

Утром все возвращаются к обычному распорядку жизни. Кто-то разводит костер, чтобы приготовить кофе. Другие предпочитают зеленый чай. Пассажиры суетятся как муравьи, тащат из лесу хворост для костров, любители рыбной ловли располагаются на берегу с удочками, сторонники активных видов отдыха снуют вокруг парохода на лодках. Никто не торопится и не поглядывает с беспокойством на пароход, так как все знают, что он не уйдет без них. За час до отправления должен раздаться звук гонга, сзывающий всех на борт.

Нашим соседом на корабле был один старый сарт, очевидно, очень богатый человек, так как среди его вещей было несколько мешков с деньгами.

Не знаю, как обстоит дело сейчас, а в то время в Бухаре и соседних регионах не было монет высокого достоинства.

В Бухаре, например, самой крупной монетой была так называемая теньге - кусочек металла неправильной формы, эквивалентный примерно половине французского франка. Поэтому любую сумму больше чем в 50 теньге приходилось носить в специальном мешке или даже в нескольких мешках, что, конечно, было очень неудобно, особенно в путешествии.

Если кто-то имел несколько тысяч теньге и должен был взять их с собой в дорогу, то ему понадобилось бы десятка два верблюдов или лошадей для перевозки такого груза. Иногда путешественник поступал так: то количество теньге, которое необходимо было куда-то перевезти, он передавал какому-нибудь бухарскому еврею и взамен получал расписку к знакомому этого человека, также еврею, проживающего там, куда собирался отправиться путешественник. Добравшись до нужного населенного пункта, этот путешественник передавал расписку тому человеку, которому она была адресована, и получал всю сумму за вычетом небольшой платы за услугу.

Итак, прибыв в город Керки, последний населенный пункт до которого следовал пароход, мы высадились, пересели в нанятый нами кобзир и продолжали путь.

Через некоторое время, когда мы уже отошли от Керки на значительное расстояние и сделали остановку в Термизе, где профессор Скридлов сошел на берег, захватив с собой нескольких помощников, чтобы запастись провизией, к нашему кобзиру причалил другой с

пятью сартами на нем, которые, ни слова не говоря, стали переносить на наш кобзир мешки с деньгами.

Сперва я не понял, что происходит, и только когда все двадцать пять мешков, набитых теньге, были погружены на наш кобзир, я узнал от самого старого сарта, что они все ехали вместе с нами на пароходе и, когда мы высадились, а эти мешки с деньгами остались лежать на месте, которое мы занимали, сарты решили, что эти деньги забыты нами в суматохе пересадки, и, узнав от команды корабля, куда мы направились, поспешили вслед за нами, захватив с собой все двадцать пять мешков с теньге, чтобы вернуть их предполагаемым хозяевам. Старый сарт пояснил: "Я решил во что бы то ни стало догнать вас и вернуть вам ваши деньги, так как со мной однажды случилось подобное несчастье и я знаю, как неприятно оказаться в чужой стране без денег. Обо мне можете не беспокоиться, ничего страшного не произойдет, если я вернусь в свой поселок на неделю позже".

Я так растерялся, что не знал, как поступить и что сказать этому чудесному человеку. Все это было так неожиданно. Я решил подождать возвращения профессора, притворившись, что плохо знаю сартский язык. Чтобы это ожидание не показалось этим людям слишком тягостным, я предложил им немного водки.

Издали увидев возвращающегося Скридлова, я быстро сбежал на берег и, притворяясь, что хочу помочь ему нести провизию, по дороге рассказал, что произошло. Мы решили не разочаровывать этого доброго человека и, выразив свою глубокую признательность, приняли мешки с деньгами, решив отвезти их на ближайшую русскую пограничную заставу, что мы сразу же и сделали. На заставе мы объяснили, что случилось, указав название парохода и описав человека, который был настоящим владельцем этих денег.

Вскоре после этого происшествия, которое, я уверен, не могло случиться в современной Европе, мы прибыли в город, прославленный когда-то Александром Македонским, а в настоящее время превратившийся в заурядный афганский форт. Здесь мы сошли на берег и, приведя свой внешний вид в соответствие с принятой на себя ролью, продолжили путь пешком.

Переходя из одной долины в другую, общаясь со многими племенами, встречающимися нам на пути, мы наконец добрались до Афридиса, считавшегося столицей Кафиристана.

В дороге мы делали все, что следует делать дервишам, при этом Саид, то есть я, произносил речитативом священные религиозные тексты на персидском. А профессор как умел сопровождал меня на тамбурине, иногда даже попадая в ритм. Затем он собирал в этот музыкальный инструмент милостыню.

Я не стану описывать последнюю часть нашей экспедиции, приключения и испытания, связанные с ней, я хочу сразу перейти к рассказу о встрече с необыкновенным человеком, которая произошла недалеко от вышеупомянутого Афридиса, о встрече, которая изменила наш внутренний мир и образ мышления, заставила пересмотреть все наши планы и намерения.

Мы покинули Афридис, намереваясь отправиться в Читрал. На базаре в одном довольно крупном поселении недалеко от Афридиса ко мне внезапно подошел незнакомый старик и на прекрасном греческом языке сказал: "Пожалуйста, не пугайтесь. Я совершенно случайно узнал, что вы грек. С моей стороны вам ничего не грозит, я не собираюсь выяснять, как вы здесь оказались и какие цели преследуете, просто мне было бы очень приятно поговорить со своим соотечественником, так как я уже пятьдесят лет не видел ни одного человека, родившегося в той же стране, что и я".

Голос и выражение лица этого старого человека произвели на меня такое приятное впечатление, что я сразу же доверился ему и ответил тоже по-гречески: "Здесь на базаре разговаривать не совсем удобно, а для меня даже опасно. Мы должны подыскать более подходящее место, и уверяю, что если это удастся, я буду чрезвычайно рад возможности

побеседовать с соотечественником, так как уже несколько месяцев общался исключительно с иноплеменниками".

Согласившись, он прервал разговор и ушел, я тоже отправился по своим делам. На следующий день во время нашего обычного выступления какой-то монах незаметно передал нам вместо милостыни записку. Из предосторожности я прочел ее не сразу, а только после окончания выступления, когда зрители разошлись. Записка была на греческом языке, в ней говорилось, что мой новый знакомый принадлежит к членам известного монашеского ордена и что он приглашает нас прийти в монастырь, где нам не придется ничего опасаться, так как в этом монастыре уважают всех, служащих Господу, вне зависимости от их расы или национальности.

На следующий день мы с профессором отправились в монастырь, где были встречены несколькими монахами, среди которых я узнал человека, подошедшего ко мне на базаре. После обмена приветствиями он сразу отвел нас на один из холмов, расположенных вблизи монастыря, где мы удобно устроились на берегу небольшой, но быстрой реки. Взглянув на нас, наш новый знакомый сказал:

"Здесь нам никто не мешает, и вы можете говорить совершенно свободно, так как вас никто не видит и не слышит".

В ходе беседы выяснилось, что он по происхождению итальянец, но хорошо знает греческий, так как по настоянию своей матери-гречанки в детстве говорил исключительно на этом языке. Прежде он был христианским миссионером и много лет прожил в Индии. Однажды, направляясь в Афганистан, он был захвачен в плен одним местным племенем, когда пытался преодолеть горный перевал. Переходя в качестве раба от одного хозяина к другому, он наконец очутился в доме у одного очень знатного и уважаемого человека. Наш собеседник хорошо освоился в новых обстоятельствах, изучил местные обычаи и образ жизни и в конце концов сумел заслужить репутацию доброго, разумного и рассудительного человека. Заслужив любовь и уважение своего нового хозяина, он через некоторое время был отпущен на свободу и, став полноправным членом общества, мог делать все что хочет. Как раз в это время он случайно познакомился с монахами ордена Всемирного братства и понял - это как раз то, что он всю жизнь искал. И вот с тех пор он живет в этом монастыре.

Так как наше доверие к отцу Джованни, а именно так мы стали его называть, узнав, что прежде он был католическим священником, росло с каждой минутой, мы решили ничего не утаивать и рассказать о себе всю правду.

Внимательно выслушав наш рассказ и явно одобряя наше стремление отыскать истину, он немного подумал и сказал с мудрой, доброжелательной улыбкой: "Ну что же... Возможно, то, что вы узнаете и поймете, когда-нибудь станет достоянием всех моих соотечественников, поэтому со своей стороны я сделаю все, чтобы помочь вам в поисках истины".

Наш собеседник получил разрешение поселить нас в стенах этого монастыря. Мы могли оставаться здесь до тех пор, пока не решим, что делать дальше. На следующий же день мы с профессором Скридловым перебрались в жилую часть монастыря и очень обрадовались представившейся возможности отдохнуть после утомительного путешествия, во время которого приходилось постоянно быть настороже.

Мы пользовались на территории монастыря полной свободой и ходили там, где хотели. Только к настоятелю не полагалось заходить без приглашения.

Вместе с отцом Джованни мы часто возвращались на то место у реки, где беседовали в первый день нашего появления в монастыре.

Во время бесед с новым другом мы узнали много интересного о деятельности этого братства, о его внутренней жизни и основных положениях этого учения. Мы поняли, что членом

братства может стать любой человек вне зависимости от его расы или прежнего вероисповедания.

Как мы установили впоследствии, среди здешних монахов были бывшие христиане, иудеи, мусульмане, буддисты, ламаисты и даже один бывший шаман. Всех их объединила вера в Господа единого и всемогущего.

Монахи относились друг к другу с такой любовью и доверием, что мы с профессором Скридловым, наблюдая за ними, не могли определить, какую религию ранее исповедовал тот или иной монах.

Отец Джованни также многое рассказал нам о вероучении и целях братства. Он говорил так проникновенно и убедительно об истине, вере и о том, как человек к ней приходит, что профессор Скридлов, пораженный до глубины души, не смог удержаться и воскликнул: "Отец Джованни! Я не могу понять, почему вы остались здесь, а не возвратились в Европу, когда вам представилась такая возможность, чтобы у себя на родине, в Италии, передать своим соотечественникам хотя бы одну тысячную часть истины, которую вы здесь постигли. Почему вы не хотите поделиться с другими своей верой?".

"Ах, мой дорогой профессор, - ответил отец Джованни. - Ваши слова доказывают, что вы совершенно не разбираетесь в человеческой психологии, в отличие от археологии. Веру нельзя передать от одного человека к другому как какую-то вещь, она зарождается и развивается в человеке не в результате обучения.

Для обретения веры необходимо понимание, а оно проявляется как результат всего личного опыта, переосмысленного самим человеком.

Например, если ко мне придет мой родной брат и будет умолять меня поделиться с ним хотя бы одной десятой частью моего понимания и смысла жизни моей веры, я при всем моем желании не смогу выполнить его просьбу. Я не смогу передать ему и тысячную долю того, что имею, потому что он не имеет моего жизненного опыта, не испытал, не продумал и не прочувствовал то, что испытал, продумал и прочувствовал я.

Нет, профессор, в тысячу раз легче, как говорится в Евангелии, верблюду пролезть в игольное ушко, чем передать другому свою веру, свои чувства, свое мировоззрение.

Прежде я думал так же, как и вы, и даже выбрал стезю миссионера, чтобы распространять среди других людей веру в Иисуса Христа. Я хотел сделать каждого встречного таким же счастливым, каким я стал, обретя веру. Но передать свою веру другому человеку, рассказав о ней, так же невозможно, как накормить человека, показав ему хлеб.

Человек обретает веру, как я уже говорил, переосмысливая весь свой душевный опыт, в то время как знание является всего лишь механическим запоминанием слов в определенной последовательности.

При всем желании невозможно передать другому даже частичку своего внутреннего мира, своей души, которая формировалась на протяжении всей жизни. Недавно, наблюдая за другими братьями, я понял, что восприятие информации во многом зависит от личности человека, сообщаемого ее. Чтобы пояснить свои слова, приведу пример. Должен сказать, что в нашем ордене есть два очень старых монаха, одного зовут брат Эл, другого брат Сез. Они добровольно взяли на себя обязательство регулярно объезжать все наши монастыри и читать проповеди, разъясняя сущность нашего вероучения.

Наше братство состоит из четырех монастырей:

один - тот монастырь, где мы сейчас находимся, второй - в долине Памира, третий - на Тибете, а четвертый - в Индии. И двое братьев постоянно переезжают из одного монастыря в другой, проповедуя в каждом.

У нас они бываю раз или два в году. Их приезд считается здесь великим событием. Все

время, что эти братья находятся в нашем монастыре, душа каждого из нас испытывает неземной восторг и блаженство.

Проповеди обоих праведных старцев, хотя оба и говорят нам об одной и той же истине, производят на присутствующих, а особенно на меня, неодинаковое впечатление.

Когда говорит брат Сез, кажется, что это птица поет в райских садах, все слушают его в полном молчании, обращая, так сказать, глаза в свою душу. Его голос струится, как прозрачный горный родник, и единственное желание присутствующих -внимать волшебному голосу брата Сеза.

Проповедь брата Эла производит совсем иное впечатление, потому что он вследствие своего преклонного возраста говорит очень тихо и неразборчиво. Никто из нас не знает точно, сколько ему лет и хотя брат Сез тоже очень стар (говорят, ему около трехсот лет), но он производит впечатление здорового, бодрого человека. Дряхлость брата Эла бросается в глаза.

Я заметил, что чем сильнее впечатление от проповеди брата Сеза, тем быстрее оно проходит, не оставляя ничего в душе. Но с братом Элом все обстоит иначе. И хотя сперва его слова как будто не задевают слушателей, оставляя их почти равнодушными, но впоследствии они всплывают в памяти и переосмысленные на основе собственного опыта, остаются в сердце навсегда.

Когда мы с братьями осознали это и задумались над тем, почему эти проповеди производят такое разное впечатление, то в конце концов пришли к единому мнению, что проповеди брата Сеза - это продукт его ума, и поэтому они воздействуют только на ум, проповеди же брата Эла, рождаясь в его душе, воздействуют на душу слушателя, поэтому и производят более сильное и глубокое впечатление.

Да, уважаемый профессор, знание и понимание - это разные вещи. Нужно стремиться к пониманию, только оно ведет к Господу.

И чтобы научиться понимать явления природы, соответствующие или противоречащие ее законам, человек должен сперва сознательно усвоить и осмыслить огромный объем информации, касающейся объективной истины и реальных событий, которые происходили на земном шаре в прошлом, и затем пропустить их через себя, соединить со своим жизненным опытом".

Я никогда не забуду эти поучительные беседы с отцом Джованни. Многие необычные вопросы, которые никогда не придут в голову современному человеку, возникали у нас с профессором Скридловым, и этот необыкновенный человек отец Джованни давал на них исчерпывающие содержательные ответы. Одно из этих объяснений, которое последовало в ответ на вопрос, заданный профессором за два дня до того, как мы покинули монастырь, представляет особую ценность благодаря глубине заключенных в нем мыслей и, возможно, будет интересным и поучительным для тех наших современников, которые уже достигли зрелого возраста. Этот вопрос произвольно вырвался у профессора Скридлова, когда отец Джованни сказал, что для того чтобы обрести истинную веру, необходимо обладать душой, способной вместить ее, а также обладать жизненным опытом и глубокими знаниями. Он убежденно добавил, что, по его мнению, для развития духовных качеств человека особенно важна его юность, когда сама природа человека указывает ему верную дорогу, в то время как с возрастом у человека часто формируются нездоровые, избыточные потребности, являющиеся результатом нездоровых условий жизни.

При этих словах нашего учителя профессор Скридлов воскликнул в отчаянии: "Что же нам делать? Как жить дальше?"

В ответ на это восклицание отец Джованни, немного подумав, дал нам несколько мудрых советов, с которыми я считаю необходимым познакомить читателей.

Я помещу их в своей третьей книге в главе "Духовная сущность человека, ее потребности и возможности", которую я решил посвятить разъяснению мысли, высказанной этим мудрым человеком. Он полагал, что душа и тело - это две составляющие единого целого, которые развиваются независимо друг от друга.

Во время нашего пребывания в этом монастыре мы беседовали не только с отцом Джованни, но и с другими братьями, с которыми он нас познакомил, взяв на все это время под свое покровительство.

Мы прожили здесь шесть месяцев и покинули этот монастырь не потому, что нам не позволили остаться на более долгий срок, и не потому, что нам здесь наскучило. Мы уехали из-за того, что были до краев переполнены новыми мыслями и впечатлениями, так что казалось - еще немного, и наш рассудок не выдержит.

Мы узнали так много нового и неожиданного, получили такие исчерпывающие и убедительные ответы на вопросы, которые многие годы не давали нам покоя, что казалось, нам больше не нужно ничего искать и не к чему стремиться. Прервав наше путешествие, мы с профессором Скридловым возвратились в Россию тем же путем, что и добрались сюда.

Прибыв в Тифлис, мы расстались: профессор отправился в Пятигорск по Грузинской дороге, чтобы навестить дочь, а я поехал в Александрополь к своей семье.

После этого мы с ним не виделись в течение довольно продолжительного времени, но регулярно обменивались письмами. В последний раз я встретился с профессором Скридловым на второй год войны в Пятигорске, где он жил у своей дочери. Я никогда не забуду последнего нашего разговора на вершине горы Бештау. В то время я жил в Ессентуках, и однажды, когда мы встретились в Кисловодске, он предложил вспомнить старые добрые времена и взобраться на Бештау, гору, расположенную рядом с Пятигорском.

И в одно прекрасное утро вскоре после этой встречи мы, захватив с собой достаточное количество провизии, вышли из Пятигорска в направлении горы. Для подъема мы выбрали самый опасный крутой склон, у подножия которого располагался всемирно известный монастырь.

Подъем по этому крутому склону считается сложным даже для опытных профессионалов, он и в самом деле нелегок, но только не для нас. После тех вершин, которые мы штурмовали в наших многочисленных экспедициях во всех частях света, этот подъем казался детской забавой. Мы получили огромное удовольствие, карабкаясь по склону, так как во время продолжительной однообразной городской жизни соскучились по впечатлениям такого рода.

Хотя эта гора и не высока, но ее окрестности чрезвычайно красивы, так что, когда вы поднимаетесь на вершину, вашим взорам открывается незабываемое зрелище.

Далеко на юге вздымается величественный Эльбрус, вершина которого покрыта снегом. Со всех сторон его окружают менее высокие горы. Под нами у подножия гор виднеются многочисленные, как будто игрушечные, домики. Это Минеральные Воды. А еще ниже на севере можно увидеть Железноводск.

Повсюду царствует тишина. Мы одни на горе, так как открытая нашим взорам дорога на Бештау пустынна, а повторить наш подвиг, карабкаясь по крутому склону, едва ли кто решится.

На вершине горы находится маленькая лачуга, очевидно, ларек для торговли съестным, но сейчас он пуст. Мы выбрали для привала удобное местечко и расположились так, чтобы как следует отдохнуть и подкрепиться. Пораженные красотой открывшейся нашему взору панорамы, мы сидели в молчании. Вдруг я заметил на глазах у профессора слезы.

"Что случилось, мой друг?" - забеспокоился я.

"Ничего, - ответил он, вытирая глаза, и затем добавил, - последние два-три года я почти не могу контролировать проявление своих эмоций, так что я стал похож на истеричную женщину.

То, что сейчас со мной творится, повторялось за последние годы много раз. Мне трудно объяснить, что со мной происходит, но когда я вижу или слышу что-либо прекрасное и величественное, в создании которого несомненно принимали участие высшие силы, я не могу сдержать слезы восторга. Я плачу, точнее сказать, что-то плачет во мне, но не от горя, а от прилива нежности и любви. Это случилось со мной из-за встречи с отцом Джованни, помните, там, в Кафиристане. Возвратившись из экспедиции, я заметил, что мои чувства и мысли изменились. Я словно стал другим человеком, все, что прежде казалось важным, теперь не вызывает никакого интереса. До встречи с тем старцем я был полностью погружен в практические заботы. Главное, что меня интересовало, - это удовлетворение маленьких моих прихотей, а также обеспечение материального благосостояния моей семьи.

Короче говоря, я был эгоистом. Но после встречи с отцом Джованни все суетные заботы ушли, в моей душе стало расти "нечто", и только теперь я понял, каким несчастным и жалким человеком я был, какой пустой была моя жизнь. Наполнив свою жизнь истинным смыслом, я обрел душевный покой и радость".

Финансовый вопрос

8 апреля 1924 года, в день открытия в Нью-Йорке отделения Института гармонического развития личности друзья и ученики мистера Гурджиева устроили обед в его честь в одном из русских ресторанов.

После обеда большинство присутствующих отправились в апартаменты к миссис Р. на 49-ю улицу. Здесь за кофе, предложенным гостеприимной хозяйкой, и ликером, принесенным доктором Б., беседа продолжалась до утра следующего дня. Мистер Гурджиев общался с собравшимися в основном через переводчиков - мистера Лилианта и мистера Версиловского, отвечая на вопросы, носившие, главным образом, философский характер.

Во время небольшого перерыва, когда мы отдавали должное превосходному спелому арбузу, прибывшему из Буэнос-Айреса, - большой редкости в это время года даже в Нью-Йорке, доктор Б., владелец модного санатория, слывший человеком очень практичным, повернувшись к мистеру Гурджиеву, вдруг спросил: "Не могли бы вы сказать, на какие средства существует ваш Институт и каков его годовой бюджет?"

К нашему общему удивлению, ответ мистера Гурджиева принял форму довольно продолжительного рассказа.

Так как во время этого повествования обнаружились некоторые скрытые аспекты борьбы, которую он вел на протяжении всей жизни, я решил дословно зафиксировать все, что было сказано этим вечером. Я проконсультировался с теми, кто, подобно мне, слушали мистера Гурджиева с интересом и вниманием и поэтому хорошо запомнили его рассказ. Я также сопоставил свои тексты с записями стенографиста - мистера Ф., который постоянно стенографировал беседы и американские лекции мистера Гурджиева, так что когда кто-то задавал ему вопросы, на которые он уже отвечал, то его просто отсылали к этим записям.

Свой рассказ мистер Гурджиев начал так: "Вопрос, заданный уважаемым доктором, всегда интересовал моих знакомых, но до сих пор я не считал необходимым посвящать их в мои личные дела. Я или отмалчивался или переводил все в шутку.

Может быть, поэтому данная тема послужила питательной средой для развития всевозможных слухов, которые, свидетельствуя о непроходимой глупости их авторов и все более обрастая неправдоподобными деталями, уже циркулируют в довольно широких кругах. Говорят, например, что я получаю деньги из индийского центра оккультных наук или что мой Институт субсидируется сектой черной магии. Некоторые утверждают, что меня материально поддерживает легендарный русский князь Мухранский, а кое-кто даже считает, что у меня есть философский камень, который позволяет мне добывать любое количество золота алхимическим путем. Самые "умные" доказывают всем, что я состою на службе у большевиков.

Но и в самом деле, даже мои друзья не знают, где я беру средства, ведь мне приходится ежегодно нести колоссальные расходы.

Я считал абсолютно бесполезными любые разговоры на эту тему, потому что не питал никаких иллюзий относительно возможности крупных пожертвований.

Но сейчас вопросы подобного рода так участились, что я наконец потерял терпение и решил ответить на них более или менее серьезно.

Мое желание окончательно прояснить эту тему связано с тем, что, став по воле судьбы (а точнее, в результате событий, происшедших в России) бедным как церковная мышь, я рискнул приехать в эту страну и, оценив открывшиеся возможности, решил не упускать свой шанс.

Я имею честь находиться в обществе людей далеко не бедных и весьма довольных собой и своими деловыми способностями. Рассказав о том, как я заработал средства, необходимые для

организации Института гармонического развития личности, я собираюсь несколько поколебать вашу уверенность в собственной гениальности.

Здесь, в этой столь редкой в наши дни, уютной, непринужденной обстановке, за что мы должны благодарить нашу гостеприимную хозяйку, я постараюсь мобилизовать все свои умственные способности и ораторское искусство и ответить на заданный вопрос, иначе вы на всю оставшуюся жизнь сохраните веру в то, что у меня есть алхимический философский камень, способный превращать в золото все, чего он коснется.

Итак, мои дорогие и, безусловно, уважаемые денежные мешки, я начинаю свое повествование.

Задолго до того, как я приступил к созданию Института гармонического развития личности, я тщательно обдумал все аспекты этой проблемы и конечно же вопрос финансирования столь необычного предприятия.

Так как я предполагал столкнуться со множеством проблем и препятствий, осуществляя на практике идеи, к которым большая часть человечества относится недоверчиво и настороженно, мне хотелось с самого начала быть независимым в материальном отношении. Я убедился на собственном опыте, что мне вряд ли удастся заинтересовать своим предприятием какого-либо богатого человека настолько, чтобы он стал его субсидировать, а люди со скромным достатком при всем желании не могут мне оказать существенную помощь, так как организация Института требует вложения огромных средств.

Итак, прежде чем приступать к решению психологических задач, предстояло решить вопрос сугубо практический. Твердо зная, чего хочу, я не опустил руки и не разочаровался в своих идеях, напротив, с удвоенной энергией приступил к решению этой проблемы.

Цель, которую я поставил перед собой, могла бы показаться нереальной большинству американцев, считающихся самыми предприимчивыми людьми на земле. Вы удивляетесь, как я смог заработать такую огромную сумму с такой легкостью, и, вероятно, считаете меня хвастуном.

Да, конечно, на первый взгляд это кажется невероятным, но тем не менее я это сделал!

Для того чтобы вы лучше поняли, как я смог всего добиться и откуда у меня такая уверенность в собственных силах, я должен пояснить, что всю жизнь участвовал в коммерческих предприятиях, имел обширные связи в деловых кругах и пользовался репутацией ловкого и удачливого бизнесмена.

А еще я считаю необходимым рассказать о воспитании, которое получил и которое, с моей точки зрения, сыграло огромную роль в моей жизни. Благодаря тем качествам, которые моим родителям удалось развить во мне, я мог прежде, а если понадобится - смогу в будущем делать все, за что берусь, лучше, чем это сделали бы другие, даже если бы этими другими были хваленые американские бизнесмены.

Так как мы собрались в этой домашней располагающей обстановке, чтобы отпраздновать открытие института, главной целью которого является гармоническое развитие личности, то рассказ о моих детских годах, о полученном тогда воспитании и образовании будет особенно к месту. Тем более что этот Институт распространяет знания, полученные на основе личного опыта человека, который посвятил почти всю свою жизнь изучению вопроса образования (такого болезненного в наше время) и который, будучи воспитан людьми, обладавшими совестью и честью, старался, несмотря на обстоятельства, оставаться справедливым и беспристрастным.

Собственно, моим воспитанием в прямом смысле этого слова занимался отец, у которого был свой особый взгляд на этот предмет. Когда-нибудь я напишу книгу, посвященную методам воспитания, которые практиковал мой отец.

С самого раннего возраста, как только я смог осмысленно воспринимать окружающий мир, отец начал рассказывать мне различные интересные истории, главным героем которых был один хромой плотник по имени Мустафа, умевший все делать лучше других.

Этими рассказами отец развивал во мне инициативу, находчивость, стремление не идти проторенным путем, а каждый раз изобретать свой собственный способ решения задачи, подобно тому, как это делал хромой плотник из сказок. Все мои детские игры, даже самые обычные, несли в себе элемент творчества, были проникнуты желанием сделать все не так, как делают другие, придумать что-нибудь новое. Если в раннем детстве эта тенденция воспитательного процесса носила игровой, ненавязчивый характер, то позже, в годы моей юности, она приняла более определенную, прямую форму. Не ограничивая мое образование требованиями школьных преподавателей, отец сам учил меня всевозможным ремеслам, так как считал, что человек должен уметь все, что может ему пригодиться в жизни.

Одним из характерных приемов воспитания было то, что как только мой отец замечал, что я достаточно освоил какое-то ремесло и полюбил его, он немедленно начинал учить меня чему-нибудь другому.

Как я понял впоследствии, он хотел не только обучить меня разным ремеслам, но также пытался развить у меня привычку преодолевать трудности, встречающиеся в каждом новом деле. С тех пор любой вид деятельности казался мне интересным и достойным уважения и мне всегда хотелось научиться чему-нибудь новому.

Короче говоря, мои родители, благодаря их необычным взглядам на воспитание и образование, вольно или невольно - в данном случае это неважно - развили во мне привычку, которая впоследствии стала частью моей натуры, постоянно менять виды деятельности. В результате частой смены занятий я приобрел огромный опыт и знания, расширил круг общения.

Я хочу добавить, что если множество людей во всем мире считают меня носителем истинного знания, истинной веры, то это произошло благодаря тому, что я получил в детстве правильное воспитание.

Развившиеся во мне благодаря правильному воспитанию и образованию находчивость, широта мировоззрения и особенно здравый смысл позволили мне оценивать и переосмысливать получаемую информацию, а не просто накапливать ее, превращая свой мозг в пыльный склад для ненужного хлама.

Таким образом, уже с самого раннего детства я был достаточно подготовлен для того, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Однако, так как я всегда интересовался такими абстрактными вопросами, как смысл и цель жизни, и уделял им почти все свободное время, то я не стремился зарабатывать больше, чем было необходимо для удовлетворения насущных потребностей или для организации экспедиций в интересующие меня регионы.

Так как я происходил из бедной семьи и не был обеспечен материально, мне часто приходилось прибегать к различным ухищрениям, чтобы раздобыть немного денег, но сам процесс добывания материальных средств не отнимал у меня слишком много времени, так как благодаря полученному образованию и воспитанию я был достаточно ловок и предприимчив.

В качестве характерного примера проявления моих коммерческих способностей я приведу один эпизод моей жизни, когда я, располагая очень скромными средствами, открыл небольшую мастерскую. Подробности этого эпизода несколько растянут мое повествование, но благодаря этому превосходному ликеру (к слову, такому превосходному именно потому, что его изготавливают в особых условиях - не на суше, а на старых кораблях далеко от берегов Америки) мой рассказ не покажется вам слишком длинным и не вызовет зевоту.

Итак, это было незадолго до последней экспедиции на Памир, организованной нашим "Обществом искателей истины", членом которого я стал с самых первых дней его создания.

Примерно за два года до этой экспедиции члены общества решили собраться в городе Чарджоу, что находится в Закавказье. Все, кто собирался принять участие в этом путешествии, должны были встретиться во второй половине января 1900 года и из Чарджоу сперва отправиться в экспедицию по Амударье.

Так как до назначенного дня оставалось еще довольно много времени, я отправился в Александрополь навестить своих родителей и пожил у них некоторое время, иногда посещая город Баку. Там у меня было несколько знакомых персов, увлекавшихся древней магией. Здесь образовалось общество любителей магии, к членам которого я некоторое время принадлежал.

События, о которых я хочу вам рассказать, были связаны как раз с Баку. Однажды воскресным днем я отправился на базар. Должен сознаться в своей слабости: я обожаю посещать восточные базары. Куда бы меня ни заносила судьба, в сколь бы стесненных обстоятельствах я ни оказался, - если в том населенном пункте был базар, я не мог отказать себе в удовольствии побродить по нему. Роясь в горах старого хлама, надеялся найти что-нибудь необычное.

В тот день я купил несколько старинных украшений и уже собирался покинуть эту толкучку, когда мое внимание привлекла хорошо одетая молодая женщина, которая что-то продавала. По всему было видно, что это не профессиональная торговка и только тяжелые материальные обстоятельства вынудили ее прийти сюда и продавать свои вещи. Перед ней на земле стоял фонограф Эдисона.

Он был мне совсем не нужен, но, испытывая сочувствие к этой несчастной женщине, я купил его, потратив почти все свои сбережения. Дома я обнаружил, что к аппарату прилагались многочисленные валики, большинство из которых пришли в негодность. Но там было несколько хорошо сохранившихся валиков без записей.

Я провел в Баку еще несколько дней с весьма скудным остатком средств и стал думать, как пополнить свой бюджет. Однажды, когда я сидел в своей комнате ломая голову над этой проблемой, мой взгляд случайно остановился на фонографе. Меня внезапно осенила одна идея, и я немедленно приступил к ее осуществлению.

Уладив дела в Баку, я в тот же день сел на корабль и уже через пять дней оказался в Красноводске, где собирался улучшить свое материальное положение с помощью фонографа.

Должен отметить, что фонограф был в этом регионе в диковинку, и я первый познакомил местных жителей с этим чудесным изобретением.

Как я уже упоминал, к этому аппарату прилагалось несколько валиков без записей, и я, отыскав в этом городе талантливого уличного музыканта, записал на часть валиков несколько популярных мелодий, а на оставшиеся - серию пикантных турецких анекдотов.

Затем я приобрел две дополнительные слуховые трубки к тем четырем, что уже имелись (вы, может быть, знаете, что первые фонографы Эдисона имели слуховые трубки), и отправился на базар, где открыл свой оригинальный аттракцион.

Я установил цену в 5 копеек с каждой слуховой трубки, и можете себе представить, что за все время, что я просидел на базаре, а это продолжалось в течение нескольких дней, не было минуты, чтобы хоть одна слуховая трубка лежала без употребления. К концу каждого базарного дня я зарабатывал сумму никак не меньшую, чем получали самые богатые предприниматели в этом городе.

После Красноводска я отправился в Кызыл-Арват и здесь не раз был приглашен со своим аппаратом в дома богатых турок. За эти представления я получил немалое количество тенге, а один раз мне даже подарили два отличных текинских ковра.

Когда первое любопытство населения этого города было удовлетворено, я сел на поезд, намереваясь продолжить это прибыльное занятие в Ашхабаде, но, столкнувшись в вагоне этого поезда с одним из членов нашего "Общества искателей истины", я заключил пари, которое

заставило меня отказаться от карьеры уличного музыканта.

Этим моим другом оказалась неподражаемая госпожа Витвицкая, которая всегда носила мужскую одежду. Она принимала участие во всех наших опасных и утомительных экспедициях в малоисследованные регионы Азии, Африки и даже Австралии с ее островами.

Она собиралась участвовать и в предстоящей экспедиции, а так как до назначенного дня оставалось еще несколько месяцев, решила отправиться из Варшавы в Андижан, где жила ее сестра со своим мужем, торговым представителем одной познаньской текстильной фирмы, и хорошенько отдохнуть перед долгим путешествием.

В поезде мы говорили обо всем на свете, и я, среди прочего, упомянул о своем прибыльном предприятии.

Не помню точно, с чего началась дискуссия, в результате которой мы решили заключить пари, но я обязался заработать конкретную сумму денег к точно установленному дню, соблюдая при этом определенные условия.

Это пари так заинтересовало Витвицкую, что она решила не только остаться и посмотреть, как я буду осуществлять свой план, но даже вызвалась помогать мне.

Должен признать, что я сам был увлечен этой сложной задачей и решил победить во что бы то ни стало. Еще в поезде я все тщательно продумал - и тактику, и стратегию и в качестве первого шага составил следующее объявление:

"Универсальная мастерская.

Не проходите мимо! Здесь вас обслужат в рекордно короткий срок! Спешите воспользоваться нашими услугами, приносите все, что нуждается в починке!

Мы чиним швейные и пишущие машинки, велосипеды, граммофоны, музыкальные ящики, электро-, фото- и медицинскую аппаратуру, примусы, часы, все виды музыкальных инструментов - аккордеоны, гитары, скрипки и т.д.

Мы чиним замки и оружие всех видов.

Мы чиним, обиваем и покрываем лаком любую мебель как в мастерской, так и у вас на дому.

Мы чиним, покрываем лаком и настраиваем пианино и фисгармонии.

Мы устанавливаем и чиним электрическое освещение, телефоны и звонки.

Мы чиним зонты.

Мы чиним детские игрушки, кукол и резиновые изделия всех видов.

Мы чистим и восстанавливаем ковры, шали, гобелены, меха и т.д.

Мы выводим пятна любого происхождения.

Мы склеиваем разбитый фарфор, реставрируем картины и любые другие антикварные изделия.

Наша мастерская обладает отлично оборудованным цехом гальванопластики, где мы покрываем поверхности предметов золотом, серебром, никелем, бронзой.

Мы чиним самовары за 24 часа.

Мы наносим на ткани вышивку, делаем аппликации из бисера.

Наша мастерская принимает заказы на изготовление любых изделий из алебаstra и гипса: статуэтки в виде домашних и диких животных, фруктов и т.д., а также снимаем гипсовые маски с покойников.

Мы изготавливаем бутоньерки и искусственные цветы из воска, вельвета, цветной бумаги для венков и дамских шляпок.

Мы изготавливаем визитные карточки, приглашительные и поздравительные открытки.

Мы делаем корсеты и бандажи, а также чиним их.

Мы шьем дамские шляпки по последней парижской моде".

Как только наш поезд прибыл в Ашхабад, я снял комнату и получил в полиции разрешение напечатать и распространить объявления. На следующий день я снял в центре города помещение под мастерскую, состоящее из довольно большого зала, имеющего выход на оживленную улицу, и двух маленьких комнат при нем. Еще здесь был сарай в примыкающем к зданию маленьком дворике.

Приобретя все необходимые инструменты, я оборудовал в одной из комнат "цех гальванопластики", приспособив вместо чанов несколько старых тазов. Над выходом была установлена вывеска, написанная крупными красными буквами на белом фоне:

"Американская универсальная мастерская. Здесь изготавливают и чинят все что угодно в самые короткие сроки".

На следующий день, когда мои объявления были готовы, я расклеил их с помощью мальчишек по стенам домов, а оставшиеся раздал прохожим.

А на завтра началось настоящее светопреставление.

С самого утра у дверей моей мастерской собралась огромная толпа людей, желающих что-то починить.

Господи! Чего там только не было!

Многое из того, что они приносили, я не только никогда не видел, но даже и не знал, что такие вещи существуют. В самом деле, мне попадались такие невероятные предметы, как аппарат для выщипывания седых волос, машинка для удаления косточек из черешни, пестик для растирания сульфата меди при изготовлении лекарственной присыпки, металлические сетки для женских париков и т.п.

Для того чтобы дать вам некоторое представление об этом городе, я должен сделать небольшое отступление.

Эти области Закавказья и Туркестана начали заселяться русскими и другими приезжими всего несколько десятилетий тому назад, и новые города большей частью закладывались возле старых. Постепенно почти все города этого региона состояли из двух частей: старой, так называемой азиатской части города, и новой, русской, каждая из которых жила своей независимой жизнью.

Население этой новой части города состояло из армян, евреев, грузин, персов и других, но преобладали русские, большинство из которых были государственными чиновниками или бывшими военными служащими Закавказского полка.

Благодаря природному богатству этого региона и честности местных жителей, еще не подвергшихся пагубному воздействию современной цивилизации, переселенцы быстро богатели. Но из-за отсутствия культурного влияния со стороны необразованных чиновников, которые волею судьбы стали их начальниками, они оставались такими же некультурными, какими были до переселения сюда. Таким образом, хотя экономическое процветание этого региона приносило им богатство, это не сопровождалось их интеллектуальным развитием. Они также почти не приобретали и технических знаний.

Европейская цивилизация, которая быстро распространялась по всему свету, едва ли затронула жителей этих мест. Информация, которую они получали из газет и журналов, доходила до них в искаженной форме из-за фантастического невежества журналистов, которые везде, и особенно в России, как правило, не имели ни малейшего представления о том, о чем они писали.

Здесь нувориши, как и все выскочки, старательно подражали тем, кого считали "культурными" и "современными", в данном случае - европейцам. Но будучи вынужденными черпать всю информацию о культуре из русских газет и журналов, издававшихся людьми, которых никак нельзя было назвать просвещенными, они производили на стороннего

наблюдателя впечатление жалкой карикатуры.

Таким образом, материально процветающие, но крайне неразвитые местные жители играли в культуру, как играют дети, притворяясь взрослыми.

Нигде так не пекутся о том, чтобы не дай Бог не отстать от моды, как в глухой провинции. Нигде не стремятся покупать и заказывать по почте столько новинок, о которых было написано в газетах и журналах, которыми должен обладать каждый "культурный человек".

Зная эту особенность провинциалов, все иностранные торговцы, особенно германские, привозят сюда огромное количество товаров, которые не нашли спроса в других местах из-за своего низкого качества и которые, попав к новым владельцам, быстро ломаются или изнашиваются. Нельзя без смеха читать объявления, в которых рекламируется, например, специальная машинка для зажигания обычных спичек.

Так как купленные вещи оказываются с самого начала абсолютно бесполезными в хозяйстве или же очень быстро выходят из строя, то в каждой семье постепенно накапливается огромное количество подобного хлама, ведь починить их из-за отсутствия поблизости какой-либо мастерской невозможно.

Но была еще одна причина того, что у населения оказалось столько неисправных вещей. В те времена, особенно в азиатских регионах России, было принято хранить все когда-либо приобретенное и ни в коем случае не продавать ни одной вещи, даже той, которая была совершенно не нужна ее владельцу. И даже если бы хозяин захотел что-либо продать, он едва ли нашел бы покупателя. Кроме того, было принято хранить старые вещи в память о близком человеке или знаменательном событии.

Таким образом, чердаки и кладовые каждого дома были заполнены невероятным количеством всевозможных вещей, которые передавались от отца к сыну.

И когда в городе узнали, что появилась мастерская, в которой могут отремонтировать все что угодно, ко мне потянулись целые процессии людей, несущих всевозможное старье, например любимое кресло дедушки или очки бабушки, прадедушкину балалайку или прабабушкины часы. Мне попадались и траченное молью старое одеяло, которым укрывался епископ, как-то раз остановившийся на ночлег в доме владельца этой постельной принадлежности, и Орден Золотой Звезды, который был вручен отцу нынешнего владельца этой награды самим персидским шахом собственноручно.

И все это я чинил, штопал, красил и чистил. Ни разу я не отказался принять ни одной вещи из тех, что ко мне приносили, и ни разу не вернул неисправную вещь.

Даже если предполагаемая плата никакие окупала затраченных усилий, я тем не менее никогда не отказывался от такой работы, потому что мне было интересно изучать устройство и принцип действия незнакомого механизма.

Кроме сломанных или бесполезных вещей мне приносили и вполне исправные, которыми их владельцы не могли пользоваться из-за того, что не обладали самыми элементарными техническими знаниями, а иногда и просто из-за своей непроходимой глупости.

В то время такие технические новинки, как швейные машинки, велосипеды, пишущие машинки, распространялись по всему миру с невероятной скоростью. Охотно покупая и заказывая такие диковинки, их владельцы были вынуждены вскоре относить их в кладовую или на чердак, так как, не обладая элементарными техническими знаниями и не имея в округе ни одной мастерской, они не могли исправить даже самую незначительную поломку.

Я приведу несколько примеров подобного дремучего невежества моих клиентов, которым я воспользовался в собственных интересах, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести.

Помню, как в мою мастерскую пришел один очень богатый и толстый армянин,

сопровождая дочь. Сопя и отдуваясь, он выгасил швейную машинку, нуждающуюся в ремонте. Он рассказал, что купил ее на ярмарке в Нижнем Новгороде в приданое своей дочери. Вначале швейная машинка работала очень хорошо, новые владельцы не могли нарадоваться своему приобретению. Но потом ни с того ни с сего она стала шить, как выразился армянин, задом наперед. Осмотрев аппарат, я установил, что он находится в отличном рабочем состоянии и полностью исправен.

Может быть, вы знаете, что в некоторых швейных машинках кроме рычажка, регулирующего ширину стежка, есть еще один рычажок - для изменения направления строчки. Если он повернут, материя начинает двигаться в другую сторону. Вероятно, кто-то нечаянно нажал на этот рычажок, и в результате машинка начала шить "задом наперед".

Я сразу понял, что для того чтобы исправить положение, необходимо только вернуть этот рычажок в прежнее положение, но видя, что имею дело с прожженным мошенником, который наживается, обманывая бедняков (этот человек скупал каракулевые шкурки у бухарцев и текинцев, которые были наивны как дети), я решил отплатить ему той же монетой. Ругая на чем свет стоит тех мошенников, которые всучили ему этот металлолом, я долго перечислял те неисправные детали, которые необходимо было заменить. Короче говоря, я облегчил его кошелек на 12 рублей 50 копеек, велел прийти за машинкой через три дня, хотя едва этот человек вышел, я передвинул рычажок и отнес ее туда, где стояли отремонтированные вещи.

Вспоминается мне и другой случай, когда в мастерскую вошел офицер и повелительным тоном сказал: "Отправляйтесь в штаб полка и скажите писарю, что я приказываю ему.. (к слову, этот русский офицер до сих пор только и делал, что отдавал приказы) ...показать вам пишущие машинки. Когда осмотрите их, доложите мне, в чем дело", - и сказав это, развернулся и ушел.

Его высокомерный презрительный тон не только удивил меня, но даже несколько разозлил. И все же я решил пойти, главным образом для того, чтобы разведать обстановку и найти способ проучить этого наглеца.

В этот же день я отправился в штаб, обратился к писарю, передав ему слова офицера, и узнал, что тот был адъютантом командующего.

Пока я осматривал пишущие машинки, болтливый писарь, расположение которого удалось завоевать благодаря хорошим сигаретам и пикантным анекдотам из офицерской жизни, рассказал мне следующее.

Эти три пишущие машинки были доставлены из Санкт-Петербурга и сперва работали очень хорошо, но вскоре одна, а затем и две другие вышли из строя по одной и той же причине: печатная лента перестала наматываться. Адъютант командующего, интендант и многие другие пытались починить их, но как они ни старались, у них ничего не получилось, и вот уже три дня они вынуждены отправлять рукописные приказы и постановления.

Пока писарь все это мне рассказывал, я внимательно рассматривал пишущие машинки и вскоре понял, что случилось.

Некоторые из вас наверняка помнят, что прежде в некоторых пишущих машинках лента наматывалась на бобину под действием пружины, находящейся в специальном отделении. Машинки вышли из строя, потому что эти пружины заело. Неисправность была пустяковой, но для людей, не обладающих ни малейшими техническими знаниями и навыками, ее устранение представляло собой невыполнимую задачу.

Конечно, я ничего не сказал писарю, хотя принял его предложение отобедать и с удовольствием подкрепился щами и кашей, а затем отправился домой на своем допотопном велосипеде с прохудившимися шинами.

Вечером того же дня ко мне вновь пришел адъютант командующего и прежним высокомерным тоном осведомился: "Ну, как обстоит дело? Вы сможете починить эти пишущие

машинки?"

Я был неплохим актером и хорошо разыграл свою роль. Изображая святую невинность и употребляя специальные технические термины, я расписал, как сложно устроено это чудо современной техники и как непросто мне будет устранить такие серьезные неисправности. Назначенное мной вознаграждение за работу равнялось четвертой части стоимости самих пишущих машинок.

На следующий день все три машинки были торжественно доставлены ко мне в мастерскую в сопровождении целого взвода солдат под командованием адъютанта.

Придав своему лицу как можно более озабоченное выражение, я предупредил офицера, что справлюсь с этой ответственной задачей никак не раньше чем через десять дней. Раздосадованный адъютант долго упрашивал меня поторопиться и починить машинки поскорее, и наконец я, согласившись работать по ночам, обещал починить первый аппарат через два дня, но поставил условие, чтобы солдаты ежедневно доставляли мне пищевые отходы полковой кухни, которыми я решил выкормить трех молочных поросят, недавно купленных мной и содержавшихся в маленьком сарае во дворе мастерской.

Через два дня первая пишущая машинка была наконец "отремонтирована", с остальными я "промучился" до конца недели.

Кроме благодарности и восемнадцати рублей, полученных за каждую отремонтированную машинку, я в течение трех месяцев откармливал своих поросят пищевыми отходами, которые доставляли солдаты. К концу этого срока сосунки превратились в полновесных кабанов, радующих глаз.

Разумеется, я рассказал писарю, что ему надо сделать, если пишущая машинка забарахлит, но он так и не понял, в чем состоял "ремонт", который я провел.

Такие же истории происходили и в городе Мерве, куда я перевел свою мастерскую, когда отремонтировал в Ашхабаде все, что нуждалось в ремонте. Здесь я задержался уже на пять месяцев. Однажды ко мне в мастерскую пришел преподаватель местной подготовительной школы. Он принес неисправную электрическую машину, которая была необходима для проведения опытов на уроках физики. Это была обычная электростатическая машина, которая вырабатывала электрический ток. По непонятным для меня причинам, каждая приличная школа желала непременно обладать подобным "чудом современной техники". С помощью этого прибора учителя, демонстрируя свои глубокие познания в современной науке и технике, ставили опыты, суть которых заключалась в том, чтобы ничего не подозревающих школьников заставлять прикасаться к клеммам, на которые подавалось напряжение.

Непроизвольные гримасы подростка, испытавшего небольшой удар тока, как правило, вызывали взрывы хохота его одноклассников. Весь этот спектакль, устроенный с помощью обычной лейденской банки, помогал школьникам, как считали учителя, лучше усвоить учебный материал.

Этот прибор был заказан у германской фирмы "Сименс и Хальске", имеющей филиал в Санкт-Петербурге, и получен оттуда в разобранном виде. И хотя его собрали в соответствии с приложенной инструкцией, прибор никак не хотел работать, и ученики этой школы были лишены полагавшегося им развлечения.

Осмотрев прибор, я понял в чем дело: два диска были плохо подогнаны друг к другу. Стоило всего лишь ослабить гайку и слегка сместить один из дисков, чтобы появилась искра. Я мог сделать это в течение одной минуты, но заставил уважаемого педагога, который обучал детей тому, в чем сам не разбирался, приходиться ко мне четыре раза в надежде, что я уже произвел этот "сложный ремонт", и заплатить мне 10 рублей 75 копеек.

Подобные случаи происходили ежедневно, пока была открыта моя мастерская. Я не считал

большим грехом воспользоваться глупостью и невежеством тех, кто незаслуженно занимал высокие должности и разыгрывал из себя интеллигента, с презрением относясь к местному населению.

Но больше всего я заработал, начав неожиданно для самого себя изготавливать модные женские корсеты.

В этом сезоне парижанки стали носить более низкие корсеты, внезапно охладев к прежним высоким.

Об этом нововведении быстро узнали местные модницы, но они нигде не могли купить корсеты нового фасона, так как этот регион был достаточно далек от "культурных центров". Поэтому многие женщины стали приносить в мою мастерскую корсеты, вышедшие из моды, интересуясь, могу ли я переделать их в соответствии с требованиями новой моды.

С этого все и началось. Однажды мне потребовался китовый ус, чтобы переделать корсет одной дамы, формы которой несколько увеличились в объеме, и заодно укоротить его в соответствии с современным вкусом. После продолжительных и безуспешных поисков китового уса один приказчик посоветовал мне купить корсет вышедшего из моды фасона, уверяя, что владелец лавки согласится уступить его очень дешево, так как этот товар теперь не пользовался спросом.

Я отправился в лавку и пока торговался, сбивая цену, меня осенила одна идея, следуя которой я купил не один корсет, а все, что было на складе. Они обошлись мне по 20 копеек за штуку вместо обычных 4-5 рублей. Затем я обошел все магазины города, скупая имеющиеся там корсетные изделия и платя за них еще меньше, чем в первом случае, так как владельцы были рады избавиться от залежалого товара.

Но это еще не все. Я отправил своего помощника скупить корсеты во всех городах, расположенных по линии Центральной азиатской железной дороги, в то время как я сам, вооружась ножницами и плоскогубцами, принялся за изготовление корсетов, соответствующих последней парижской моде.

Процедура была совсем несложной: отметив карандашом линию, до которой следовало укоротить корсет, я с помощью плоскогубцев отламывал лишние части китового уса, затем обрезал ткань. Дальше несколько девушек, которых мы наняли, под руководством Витвицкой сшивали края ткани и возвращали оторванные кружева на старое место. И вот модный мини-корсет по последней парижской моде готов к продаже. Мы успевали делать по сотне корсетов в день.

Самое смешное было то, что хозяева лавок, продавшие мне все свои запасы вышедших из моды корсетов, скрипя зубами от досады, были вынуждены брать у меня укороченные корсеты уже не по 10-12 копеек, как платил я, а по 3 рубля 50 копеек за штуку, так как они пользовались большим спросом.

Чтобы дать вам представление о масштабах моего бизнеса, скажу, что я продал в Красноводске, Мерве, Ашхабаде, Кызыл-Арвате, Бухаре, Самарканде и Ташкенте более 6 тысяч корсетов.

Успех моего предприятия был основан не на обмане местных жителей, наивность и доверчивость которых вошла в поговорку, и даже не на моей ловкости и находчивости, которые проявлялись в любой ситуации. Своим материальным процветанием я обязан непримиримой и упорной борьбе с ленью, которая присуща мне, как и всякому человеку. Я с удивлением замечал, что в некоторые периоды жизни мой организм перестраивается и в пограничных условиях как бы приобретает второе дыхание, мобилизуя все свои возможности, что позволяло мне неделями и даже месяцами обходиться почти без сна, работать дни и ночи напролет, не ощущая усталости.

Так и в этот раз я почувствовал необыкновенный прилив энергии, который позволил мне

выполнить условия пари и заработать очень большую сумму денег в течение ограниченного периода времени.

Этот феномен, раскрывший уникальные возможности, заложенные в человеческом организме, так заинтересовал меня, что я решил заняться его изучением.

Эта необъяснимая особенность моего организма особенно ярко проявлялась в сложных ситуациях, одну из которых я только что описал.

В течение всего дня у дверей моей мастерской стояла огромная очередь, состоявшая из тех, кто принес неисправную вещь, чтобы отдать ее в починку, и тех, кто пришел забрать то, что было отремонтировано. Значительная часть рабочего дня тратилась на прием и выдачу заказов. Интервалы были так редки и непродолжительны, что мне едва хватало времени сходить на рынок и купить то, что требовалось для работы. Таким образом, работать приходилось по ночам.

Весь тот период, что существовала моя мастерская, я работал в одном и том же режиме: днем прием и выдача заказов, ночью их выполнение.

Должен отметить, что в работе мне очень много помогала Витвицкая, которая вскоре превратилась в отличного специалиста в области починки зонтов, переделки корсетов и дамских шляпок, но особенно - в изготовлении искусственных цветов. У меня также работали двое мальчиков, которых я нанял с самого начала: старший чистил металлические предметы перед гальванизацией и затем полировал их, младшего я посылал со всевозможными поручениями, он также поддерживал огонь в кузнице и раздувал кузнечные мехи. Через некоторое время в мастерской нам стали помогать, и надо сказать очень неплохо, несколько девушек из уважаемых патриархальных семей, которые были посланы к нам родителями, чтобы научиться шить.

С самого начала открытия мастерской, когда там нас работало четверо, тем не менее создавалось впечатление, что за дверью, ведущей во внутреннее помещение, на которой, естественно, висела табличка "Посторонним вход воспрещен", работает по меньшей мере несколько десятков человек.

За те три с половиной месяца, что просуществовала моя мастерская только в Ашхабаде, я заработал пятьдесят тысяч рублей. Вы представляете себе, что это значило в те времена?

Для сравнения скажу, что чиновник среднего ранга, состоявший на службе Российского государства, получал 33 рубля 33 копейки в месяц и что на это жалование обычно жила вся его семья. Жалование чиновника высшего ранга было от 45 до 50 рублей, что обеспечивало в те времена довольно приличное существование и являлось предметом зависти многих.

Мясо стоило 6 копеек за фунт, хлеб - 2-3 копейки, отличный виноград - 2 копейки. Не забывайте, что в рубле 100 копеек.

Пятьдесят тысяч рублей - тогда это было целое состояние!

Когда я отдавал все силы моей мастерской, мне не раз представлялся случай еще более увеличить свое состояние, вложив деньги в какое-либо выгодное предприятие, но я вынужден был отказываться, так как, по условиям нашего с госпожой Витвицкой пари, деньги надо было зарабатывать только физическим трудом, а не финансовыми аферами.

Я выиграл это пари, заработав за установленный период времени сумму, в 4 раза большую, чем было необходимо, и несмотря на это решил продолжить свой бизнес, переведя мастерскую в другой город.

Витвицкая отправилась к своей сестре, я распродал все оборудование и через три дня собрался уезжать из Мерва.

То, что я рассказал вам, думаю, натолкнет вас на мысль, которую я считаю соответствующей действительному положению вещей. Суть ее состоит в том, что те особые качества, которые, как считают американцы, присущи только им, на самом деле широко распространены и среди других народов. При том, что эти народы обладают и другими

полезными качествами, которых лишены жители Северной Америки. Случай, о котором я расскажу сейчас, служит убедительным подтверждением моих слов и даст вам некоторое представление о моей предприимчивости.

Должен заметить, что вскоре после открытия своей мастерской я дал объявление, что скупаю разнообразные товары. Я сделал это по двум причинам: во-первых, мне были необходимы разные материалы и запасные детали для выполнения заказов, во-вторых, я надеялся, что среди всякого старья и ненужного хлама смогу найти что-нибудь ценное, так как я интересовался антиквариатом.

За несколько дней до моего отъезда я на базаре случайно встретился с тем грузином, с которым однажды столкнулся в буфете на одной из станций Закавказской железной дороги. Сейчас он занимался поставкой продуктов питания для российской армии и предложил мне купить несколько старых металлических кроватей.

Я отправился к нему в тот же вечер, и мы спустились в подвал посмотреть на хранившиеся там кровати. Завершив этот осмотр, я поспешно выбрался наверх и начал обсуждать условия сделки, только когда мы вышли на улицу и отдышались. Дело в том, что в подвале стоял невыносимый запах, как я узнал, он исходил от двадцати бочек с сельдью, стоявших здесь, которые были закуплены в Астрахани для офицерской столовой. Когда первые две бочки открыли, оказалось, что сельдь протухла. Чтобы не рисковать своей репутацией поставщика продуктов питания, торговец решил больше никому не предлагать эту сельдь и избавиться от нее как можно скорее.

Его особенно раздражало то, что, потеряв значительную сумму на закупке этого товара, он должен к тому же потратиться на то, чтобы вывезти двадцать тяжелых бочек на свалку, иначе санитарная комиссия могла оштрафовать его.

Пока он рассказывал, я стал прикидывать, нельзя ли как-нибудь заработать на этом. Ход моих мыслей был таков.

Есть двадцать бочек протухшей селедки, которую собираются выбросить на свалку. Но пустая деревянная бочка стоит один рубль. Значит, надо придумать, как освободить тару от пахучего содержимого бесплатно, ведь оплата вывоза сельди на свалку обойдется почти в ту же сумму, что стоят сами бочки.

И внезапно меня осенило: селедка, особенно протухшая, - это отличное удобрение, и владельцы садов согласятся вывезти, опорожнить и почистить бочки, если им это удобрение достанется бесплатно. Получив пустые бочки, я окурю их, чтобы отбить запах, и смогу без труда продать, так как деревянные бочки пользуются хорошим спросом. В результате я получу 20 рублей, затратив на всю эту коммерческую операцию не более получаса, причем никто не проиграет, даже грузинский поставщик сэкономит некоторую сумму на оплате за вывоз двадцати тяжелых бочек на свалку.

Придя к такому выводу, я сказал этому человеку:

"Если вы немного сбавите цены на кровати, я бесплатно вывезу все двадцать бочек".

Он согласился, и я пообещал ему забрать этот дурно пахнущий товар на следующее утро.

Заплатив за кровати и погрузив их на арбу, я захватил также одну бочку с сельдью, чтобы показать ее какому-нибудь садовнику. Вернувшись в мастерскую, мы все сгрузили и затащили на склад.

Как раз в это время в мастерскую зашел один старый еврей, отец работающих у нас мальчиков. Он бывал здесь довольно часто, чтобы помочь своим сыновьям или просто с кем-нибудь из нас поболтать. Я присел во дворе покурить и заодно отдохнуть, и внезапно мне пришла мысль скормить этих протухших сельдей моим поросятам. Ничего не объясняя пришедшему старику, я попросил его помочь мне открыть бочку.

Когда крышка была снята, этот старый еврей наклонился над бочкой, принялся и внезапно воскликнул: "Какая отличная сельдь! Давненько мне не доводилось ее отведать, думаю, с тех пор, как я оказался в этой проклятой стране".

Это меня озадачило. Прожив большую часть своей жизни в Азии, где не едят сельди, я в ней совершенно не разбирался. Мне изредка приходилось пробовать ее, но она так неприятно пахла, что я никогда не мог понять, свежая она или нет. Я не мог пропустить мимо ушей слова человека, который долго жил в России и держал лавочку, торгуя разным товаром, в том числе и сельдью.

Я осторожно переспросил его, не ошибся ли он, расхваливая эту рыбу, на что обиженный до глубины души собеседник ответил: "Какие могут быть сомнения. Отличные сельди пряного посола!"

Все еще не избавившись от сомнения, я сказал этому человеку, что по случаю купил целую партию таких сельдей и что у нас есть такое поверье: если товар распакован, то часть его должна быть продана немедленно, тогда дальнейшая торговля пойдет успешно.

Таким путем я хотел окончательно убедиться в том, что товар действительно доброкачественный. Недалеко от моей мастерской жило много евреев, большинство из которых занимались торговлей. Так как уже наступил вечер, почти все магазины были закрыты, но совсем недалеко жил один часовщик, некий Фридман. Мы пригласили его, и он охотно купил целую дюжину сельдей, заплатив по 15 копеек за пару.

Следующим покупателем был владелец аптеки на углу, который купил сразу 50 штук. Только услышав, как расхваливают мой превосходный товар все эти люди, я убедился в правоте своего знакомого. На следующее утро, едва дождаввшись рассвета, я нанял несколько повозок, привез к себе оставшиеся бочки, кроме двух, открытых несколько месяцев тому назад, в которых сельдь действительно протухла к тому времени и издавала неприятный запах. Их я велел отвезти на свалку.

Сельдь в оставшихся восемнадцати бочках была вполне свежей и даже, как утверждали покупатели, отличного качества.

Очевидно, что ни грузинский торговец, ни человек, открывший эти две бочки, никогда не ели сельди и знали о ней не больше моего, то есть совсем ничего. Их слишком тонкое обоняние сыграло с ними плохую шутку, и в результате грузинский торговец понес немалые убытки.

В течение трех дней с помощью моего знакомого еврея, которому я платил по полкопейки за каждую проданную сельдь, что его вполне устраивало, весь товар был распродан оптом и в розницу.

К этому времени я ликвидировал свой бизнес и накануне отъезда пригласил грузинского торговца и некоторых других знакомых на прощальный ужин. За столом я рассказал всю историю с сельдью и, вынув из кармана деньги, предложил человеку, у которого купил эти двадцать бочек, поделить всю прибыль пополам. Но этот грузин, строго придерживаясь принятых среди местных жителей взглядов на коммерцию, отказался взять эти деньги. Он сказал, что отдал мне бочки с сельдью, так как не нашел им должного применения, и если я сумел что-либо на них заработать, следовательно, вся прибыль принадлежит мне. Он совершенно не считал себя обманутым и не чувствовал никакой обиды, наоборот, вместе со всеми присутствующими на ужине выразил свое восхищение моей предприимчивостью. На следующий день, покидая Мерв, я нашел в своем багаже бурдюк с отличным вином - подарок этого человека.

После истории с мастерской прошло несколько лет, в течение которых я неустанно занимался подготовкой условий, необходимых для осуществления моей главной цели и часто был вынужден заниматься теми или иными коммерческими проектами.

И хотя многое из того, что случилось со мной за эти годы, могло бы показаться вам интересным и полезным как с психологической, так и с практической точки зрения, однако, чтобы не отвлекаться от темы, которую мы обсуждаем, я не буду сегодня подробно останавливаться на этом периоде, тем более что собираюсь посвятить этим годам отдельную книгу.

Скажу только, что к тому времени, когда я поставил перед собой цель заработать определенную сумму, я уже был достаточно опытным предпринимателем. И хотя само по себе приобретение материального благосостояния не было целью моей жизни, тем не менее я добился таких успехов в этой сфере, что им могли бы позавидовать многие американские бизнесмены.

Я принимал непосредственное участие во многих коммерческих предприятиях, зачастую очень масштабных. Например, я заключал контракты с частными фирмами и даже с правительством на строительство дорог. Я открыл множество магазинов, ресторанов и кинотеатров и затем распродал их после того, как добился значительного успеха в этой сфере деятельности; могу похвастаться и тем, что перегнал немало количество скота в Россию из разных стран, главным образом из Кашгара, также я владел нефтяными скважинами и рыболовными судами, бывало, я участвовал сразу в нескольких коммерческих предприятиях. Но больше всего мне пришлось по душе торговля восточными коврами и другими старинными предметами искусства.

Но в конце концов после 4-5 лет, проведенных в такой бурной деятельности, я распродал всю недвижимость, ликвидировал фирмы, которыми владел, и в конце 1913 года приехал в Москву, чтобы осуществить на практике свои тайные мечты. К тому времени в моем распоряжении было около 1 миллиона рублей, а также я владел двумя ценными коллекциями: одна состояла из старинных восточных ковров, другая представляла собой богатое собрание предметов из китайского фарфора.

Казалось, что, обладая таким капиталом, я смогу позволить себе больше никогда не заботиться о том, где раздобыть средства для осуществления идей, которые к тому времени приняли довольно определенную форму. Я собирался основать особый Институт, чтобы создать условия, в которых человек смог бы задуматься об истинном смысле жизни, избегнув противоречий между сознательными проявлениями личности и инстинктами, зарождающимися в человеческой природе. Это было за год до мировой войны.

В Москве, а затем и в Санкт-Петербурге я прочел ряд лекций, которые привлекли внимание ряда представителей интеллигенции и научных кругов, и вскоре число моих учеников и последователей стало расти.

Осуществляя свои планы, я предпринял некоторые шаги, закладывая фундамент моего Института.

Мало-помалу я начал подготавливать все необходимое для воплощения своей давней мечты. Мной был куплен подходящий участок земли, я заказал во многих европейских странах то, что невозможно было приобрести в России, и таким образом обеспечил будущий Институт всем необходимым оборудованием.

В самый разгар этой организационной работы разразилась мировая война, и мне пришлось приостановить все подготовительные работы в ожидании прекращения военных действий и стабилизации политической ситуации. Но война все не прекращалась, и надежды на быстрое заключение мира становилось все меньше. В связи с ухудшившейся ситуацией я был вынужден переехать на Кавказ, где собирался дожидаться окончания военных действий.

Несмотря на сложную политическую и экономическую ситуацию интерес определенных кругов общества к моему учению продолжал расти. Наиболее рьяные мои последователи

приезжали в Эссентуки, где я тогда обосновался. Здесь собрались не только заинтересованные моим учением жители близлежащих районов, но также несколько москвичей и петербуржцев, и я, не дожидаясь лучших времен, стал продолжать свою деятельность здесь.

Но вскоре даже в этом отдаленном уголке события приняли такой оборот, что пришлось заботиться не только о работе, но об элементарном выживании.

Район Минеральных Вод, где мы тогда жили, превратился в центр боевых действий гражданской войны, и мы попали внезапно меж двух огней. Города переходили из рук в руки: сегодня здесь командовали большевики, на следующий день город занимали казаки, а затем их выбивали части добровольческой белой армии. Было также много вооруженных формирований неопределенной политической ориентации, занимавшихся в основном грабежами и убийствами.

Иногда, проснувшись утром, мы не знали, какая власть в городе, и приходилось выходить на улицу, чтобы сориентироваться в ситуации. Лично для меня с тех пор, как я приехал в Россию, это был период самого большого нервного напряжения.

В это время я должен был заботиться не только о себе, но и о сотне людей, оказавшихся на моем попечении. Больше всего меня беспокоило то, что около двадцати из моих здешних учеников - они вскоре сами стали так себя называть - были призывного возраста. Молодые люди и даже те, кто достиг среднего возраста, постоянно подвергались опасности быть мобилизованными любой из многочисленных противоборствующих сторон, сегодня - большевиками, завтра - белыми, а послезавтра - какой-нибудь из орудующих здесь банд.

Было просто невозможно постоянно находиться под дамокловым мечом, следовало найти какой-то выход.

Однажды вечером, когда пушечная канонада была особенно сильна и беспокойство моих друзей достигло апогея, я всерьез задумался над нашим положением.

Подыскивая какое-нибудь приемлемое решение, я вдруг вспомнил поговорку мудрого Нассреддина, который советовал в любых жизненных ситуациях совмещать полезное с приятным.

Должен заметить, что уже много лет я увлекался археологией, и, чтобы пролить свет на некоторые темные пятна истории, занимался в многочисленных экспедициях раскопками. Меня заинтересовали сооружения, которые археологи называют дольменами. Эти памятники истории, пришедшие к нам из далекого прошлого, найдены почти на всех континентах.

Я располагал достоверными сведениями о том, что дольмены могут быть найдены и в некоторых районах Кавказа, и даже примерно знал район, который стоило тщательно обследовать. У меня никогда не хватало времени, чтобы вплотную заняться этим вопросом, но, часто бывая на Кавказе, я никогда не упускал случая обследовать местность, и собранная мной за многие годы информация позволяла строить достаточно обоснованные предположения.

Проанализировав все данные еще раз, я пришел к выводу, что между восточным берегом Черного моря и Кавказским хребтом, особенно в районе некоторых перевалов, которые я когда-то бегло обследовал, наверняка имеются дольмены.

Так как я был отрезан от всего мира и с трудом переносил вынужденное бездействие, я решил использовать этот перерыв для организации специальной экспедиции в эти регионы Кавказа, чтобы найти и обследовать дольмены, к тому же спасти себя и своих товарищей от постоянно угрожавшей нам опасности.

На следующее утро я оценил наши возможности и с помощью нескольких сочувствующих мне людей, имевших вес в тех кругах, которые в тот период находились у власти, получил официальное разрешение на организацию специальной научной экспедиции.

Согласовав этот вопрос с местными властями, я начал запасаться всем необходимым для экспедиции и отобрал группу людей, которым более других угрожала мобилизация.

Разделившись на две партии, мы договорились встретиться в горах в условленном месте.

Первая часть этой научной экспедиции, которая должна была выйти из Пятигорска, состояла из двенадцати человек, а вторая, отправлявшаяся в путь из Ессентуков, - из двадцати одного, среди них был и я. Официально эти две группы считались абсолютно независимыми и не имели ничего общего.

Тому, кто не имеет ни малейшего представления о том, что происходило в России в разгар гражданской войны, трудно понять, чего мне стоило организовать научную экспедицию в те годы.

Из Ессентуков я собирался двигаться по населенным районам до горы Индур, расположенной недалеко от Туапсе, и отсюда уже начать поиски, двигаясь в юго-восточном направлении параллельно берегам Черного моря, держась от него на расстоянии от двадцати пяти до шестидесяти километров. Для одной группы мне с большими трудностями удалось получить от большевистского правительства, которое было тогда у власти, два железнодорожных вагона, и это в тот период, когда железная дорога использовалась исключительно для перевозок войск и военных грузов, и сесть в поезд гражданскому лицу даже без багажа было практически невозможно.

И вот вся группа, состоящая из двадцати одного человека, тесно сдавленная в двух вагонах, где еще находились две лошади, два мула, три двуколки, не говоря уже о большом количестве необходимого для подобной экспедиции снаряжения, отправилась в путь.

По железной дороге мы смогли добраться только до Майкопа, дальше железнодорожные пути были повреждены одной из недавно созданных вооруженных группировок, члены которой называли себя "зелеными". Поэтому дальше мы пошли пешком, но уже не по направлению к Туапсе, как было запланировано, а к перевалу у Белой реки.

Чтобы достичь безлюдных районов, которые мы собирались исследовать, мы вынуждены были не менее пяти раз пересекать линию фронта между большевиками и белой армией. Когда я вспоминаю все те невероятные трудности, которые мне удалось преодолеть, я испытываю чувство глубокого удовлетворения. И действительно, тем, кто знал, в каких условиях проходила наша экспедиция, наше спасение может показаться настоящим чудом.

В годы беззакония и взаимной ненависти, охватившей всех, ни один волос не упал с наших голов, как будто нам покровительствовали какие-то высшие силы.

Так как наше отношение к враждующим сторонам было нейтральным, они платили нам тем же, видимо, считая нас людьми не от мира сего.

Окруженные людьми, превратившимися в диких зверей, готовых разорвать друг друга, мы путешествовали совершенно свободно, не скрывая истинных целей нашей экспедиции и не прибегая ни к каким уловкам. И несмотря на то, что грабежи, называемые "реквизициями", достигли в тот период невероятных масштабов, все снаряжение нашей экспедиции осталось в целостности и сохранности, не исключая и двух бурдюков со спиртом, который ценился тогда на вес золота.

Рассказав вам о своих злоключениях, хочу остаться беспристрастным и справедливым к участникам тех событий и отдать должное как добровольцам белой армии, так и большевикам, большинства из которых нет уже в живых и которые вольно или невольно помогли мне продолжить эту экспедицию, по крайней мере, не делали мне того зла, которое могли сделать.

И в самом деле, все участники нашей экспедиции выбрались из этого ада живыми и здоровыми, и это стало возможным не только благодаря моему хорошему знанию психологии людей, которые нам встречались. Условия, в которых проходила наша экспедиция, были невероятно сложны, и при этом политическая ситуация постоянно менялась, так что даже если бы я обдумывал наши действия дни и ночи напролет, все равно я не смог бы всего

предусмотреть.

Я считаю, мы остались невредимыми, потому что даже самые озверевшие люди сохраняют некоторую способность различать добро и зло, так как этот инстинкт заложен в природе человека. И его необходимо только разбудить. Подсознательно чувствуя, что моя деятельность несет людям добро, они испытывали потребность помочь мне осуществить мои цели.

Вынужденный постоянно общаться как с представителями большевистской власти, так и с офицерами белой армии, я не помню случая, чтобы мне не удалось уладить все самым мирным образом.

К слову, я хочу добавить, что если к тому времени, когда волна насилия и ненависти уляжется и люди вернутся к обычной жизни, кто-нибудь заинтересуется событиями, происходившими в России, я могу представить любопытные документы, характеризующие как сами тогдашние события, так и психологию лиц, принимавших в них непосредственное участие.

Вот, например, один из таких документов, на первой стороне которого написано:

"Подателю сего, гражданину Гурджиеву разрешается иметь револьвер - калибр..., номер...

Удостоверено подписью и печатью.

Председатель Совета солдатских и рабочих депутатов Рухнадзе

Место выдачи: Ессентуки

Дата выдачи..."

На другой стороне этого документа можно прочитать:

"Подтверждаем право господина Гурджиева на ношение револьвера, номер и калибр которого указаны на обратной стороне документа.

За генерала Деникина генерал Хейман Главнокомандующий генерал Давидович

Выдано в Майкопе Дата..."

Преодолевая огромные трудности, мы пробирались через разоренные в ходе гражданской войны населенные пункты и наконец прибыли в Кумишки, за которыми начинались уже совершенно безлюдные горные районы. Дальше дороги не было.

В Кумишках мы с большим трудом раздобыли немного провизии, так как времена были голодные. Оставили свои двуколки на произвол судьбы, перегрузили пожитки на лошадей и мулов, причем часть снаряжения пришлось нести нам самим, и начали подъем в горы.

Только пройдя первый перевал, мы облегченно вздохнули, решив, что все опасности остались позади, но оказалось, настоящие трудности только начинаются.

Я не стану описывать все, что мы пережили в пути в течение двух месяцев, что занял переход из Кумишек через перевал у Белой реки, по диким и безлюдным горам Кавказа до города Сочи. По моим сведениям подробные отчеты об этой экспедиции, описание явных и скрытых богатств этого края готовятся к изданию несколькими участниками нашей группы, которые впоследствии остались в России и оказались отрезанными от остального мира.

Совершенно неожиданно оказалось, что среди участников нашей экспедиции были специалисты почти всех профессий, необходимых для проведения научных исследований: горные инженеры, археологи, зоологи, врачи, а также представители других отраслей.

Хочу заметить, что самые сильные впечатления на меня произвела область между Кумишками и Сочи, которую многие участники нашей экспедиции с полным основанием назвали земным раем.

И хотя земли этого региона вполне пригодны для ведения сельского хозяйства, а также для строительства курортов, обладая множеством минеральных источников, способных привлечь сюда множество людей, нуждающихся в подобном виде лечения, тем не менее эти места абсолютно пустынные.

Когда-то этот край был населен черкесами, но с тех пор как 40-50 лет тому назад они

эмигрировали в Турцию, сюда не ступала нога человека.

В пути нам попадались заброшенные поселки и заросшие сорняками одичавшие сады, которые прежде снабжали превосходными фруктами тысячи людей. Наконец, совсем обессилившие из-за нехватки продуктов питания, мы добрались до Сочи, города, расположенного на берегу Черного моря.

Здесь мы расстались с некоторыми участниками экспедиции, которые не смогли достойно переносить трудности этого утомительного перехода, окрещенного нами "путем на Голгофу". Затем с теми, кто остался, мы направились в Тифлис, где в то беспокойное время поддерживался относительный порядок, обеспечиваемый меньшевистским правительством грузинских националистов.

С тех пор, как я начал вести в Москве практическую работу по организации своего Института, прошло более четырех лет. За этот период времени я лишился почти всех своих денег. Неожиданные катастрофические события вызвали множество непредвиденных расходов, которые я не мог предусмотреть.

Участие России в мировой войне, политические перевороты, экономическая разруха - все это заставило огромные массы населения сняться с насиженных мест. Те, кто еще вчера был обеспечен материально и чувствовал уверенность в завтрашнем дне, оказались у разбитого корыта. Многие из тех, кто, искренне разделяя мое мировоззрение, последовали за мной на Кавказ, оказались в буквальном смысле слова без куска хлеба и без крыши над головой. Таким образом, в мои обязанности теперь входило обеспечивать средствами пропитания и жильем около двухсот доверившихся мне людей. Особенно тяжелым было положение тех, кто оказался в этом краю вместе со своими семьями и имел на своем попечении маленьких детей. О них следовало позаботиться в первую очередь и не только поддерживать их материально, но и обеспечить крышей над головой.

Чтобы вы хоть в малейшей степени могли представить себе весь ужас нашего положения, я приведу только один пример, описав событие, свидетелем которого мне довелось быть.

Это случилось, когда я находился в Ессентуках и жизнь была еще относительно спокойной. Я содержал на свои средства две "коммуны", где жили мои друзья, родственники и ученики. Одна из них, численностью в восемьдесят пять человек, жила в Ессентуках, другая, состоящая из шестидесяти человек, - в Пятигорске.

Цены на самые обычные продукты питания с каждым днем росли и доставать их было все труднее и труднее. Я едва сводил концы с концами.

Одним дождливым утром, когда я сидел у окна и задумчиво глядел на улицу, ломая голову над тем, где раздобыть средства для содержания нашей многочисленной колонии, возле моей двери остановились два странных экипажа, из которых медленно вышли какие-то существа, отдаленно напомилавшие людей.

Сперва я разглядывал их в полном недоумении, не имея ни малейшего представления, кто бы это мог быть.

И вдруг меня как будто ударило током, я понял, кто эти люди, похожие на скелеты, замотанные в какое-то рваное тряпье, с босыми израненными ногами. Их было двадцать восемь, включая одиннадцать детей в возрасте от одного до девяти лет.

Эти несчастные оказались моими родственниками, среди которых была моя родная сестра и ее шестеро маленьких детей.

Они жили в Александрополе, городе, который, подобно нескольким другим городам, внезапно два месяца тому назад подвергся нападению турок. Так как ни почта, ни телеграф тогда не работали, местное население узнало об этом нападении только когда турецкая армия была уже в трех милях от Александрополя. В городе началась паника.

Только представьте себе, что должны были почувствовать все эти люди, когда поняли, что огромная турецкая армия уже находится на подступах к их почти не охраняемому городу и что вскоре начнется жестокая бойня, когда турки будут вырезать не только взрослых мужчин, но также стариков, детей и женщин, как это уже бывало.

И когда мои родственники, подобно другим жителям Александрополя, узнали о приближении турок всего за час до их вступления в город, охваченные ужасом, они бежали, не захватив с собой даже самого необходимого. Сперва они даже перепутали направление, и только тогда, когда совершенно обессилили и не могли бежать дальше, поняли, что ошиблись, и повернули в Тифлис.

Только через двадцать дней, пробираясь горными тропами, иногда почти ползком, страдая от голода и холода, они наконец добрались до Тифлиса. Узнав, что я нахожусь в Ессентуках и что сообщение с этим городом налажено, они с помощью друзей наняли две крытые повозки и двинулись по Военно-Грузинской дороге и наконец оказались у дверей моего дома. Должен сказать, что я едва узнал их - так ужасно они выглядели.

Представьте себе состояние человека, который видит, что случилось с его родными, и чувствует себя обязанным предоставить этим несчастным стол и кров, а также позаботиться об их дальнейшей судьбе.

Все эти непредвиденные расходы, как и средства, затраченные на организацию и проведение недавней экспедиции, а также материальная поддержка, оказанная моим ученикам, оставшимся в Минеральных Водах, почти полностью поглотили все мои накопления. Я не только истратил все мои наличные деньги, но также был вынужден распродать все те ценные вещи, которые мы с моей женой имели при себе.

Что касается тех ценных коллекций, которые я собирал всю жизнь, то, отданные на хранение моим друзьям, живущим в Москве и Санкт-Петербурге, они остались в столице, и я не имел ни малейшего представления о постигшей их судьбе. На второй день моего пребывания в Тифлисе я понял, что у меня не осталось ни цента, и был вынужден попросить жену моего друга пожертвовать свое последнее кольцо с бриллиантом примерно в один с четвертью карата, чтобы, продав его, купить на вырученные деньги еду для всей нашей колонии.

Дело осложнилось еще и тем, что я заболел, сильно простудившись во время экспедиции, так как высоко в горах перепады между дневной и ночной температурами воздуха очень велики. Мне становилось все хуже, потому что я не мог соблюдать постельный режим, и с температурой 104° (по Фаренгейту) вынужден был весь день бегать по городу, чтобы как-то обеспечить нашу группу самым необходимым и найти выход из этого отчаянного положения.

Я разузнал, как обстоят дела в коммерческой сфере, и оказалось, что несмотря на экономическую депрессию, охватившую весь регион Закавказья, торговля восточными коврами процветает, принося значительные доходы. Поразмыслив, я решил заняться этим бизнесом.

Я подобрал несколько человек, разбирающихся в коврах, из числа тех, кто приехал сюда со мной, а также моих родственников, живущих здесь уже достаточно долгое время, и, проинструктировав их, очень быстро организовал компанию по закупке и перепродаже ковров.

Часть моих помощников обследовали Тифлис и соседние города, разыскивая и закупая ковры в любом состоянии, другая группа мыла и чистила их, а третья занималась реставрацией. Затем ковры сортировались и выставлялись на продажу. Часть продавалась в розницу, часть - оптовыми партиями, как для продажи на местном рынке, так и для экспорта в Константинополь.

Через три недели этот бизнес стал нам приносить такую прибыль, что хватало не только на обеспечение всем необходимым нашей колонии, но и удавалось откладывать кое-что на черный день. Учитывая улучшение нашего материального положения, а также возможность расширения этого предприятия, я решил воссоздать мой Институт здесь, на месте, не дожидаясь, пока

окончится гражданская война и появится возможность вернуться в Москву, тем более что я и раньше планировал открыть в Тифлисе филиал своего Института.

Продолжая заниматься закупкой, реставрацией и продажей ковров, я одновременно стал организовывать Институт. Вскоре мне стало ясно, что в связи с жилищным кризисом в Тифлисе, естественным в тех обстоятельствах, практически невозможно найти подходящее для моих целей помещение. Поэтому я обратился за помощью и поддержкой к грузинскому правительству, и оно пошло мне навстречу. Тифлисскому губернатору было предложено оказывать всяческое содействие в обеспечении моего Института соответствующим помещением, которое предполагалось передать в мое полное распоряжение. И лично губернатор, и несколько государственных служащих действительно искренне пытались нам помочь, но в связи со сложным экономическим положением подходящее помещение так и не было найдено, и мне пришлось удовлетвориться временным помещением. Однако мне было обещано, что при первой же возможности оно будет заменено.

Таким образом, я в третий раз начал организовывать свой Институт, обеспечивая его всем необходимым оснащением. Местные жители и приезжие, на душевное состояние которых очень сильно повлияли происходящие катастрофические события, чувствовали потребность отыскать другие ориентиры в жизни, отбросить ложные ценности. Поэтому через неделю после открытия Института все классы, которые стали заполняться во временном помещении, оказались переполненными. Список желающих посещать мои лекции в несколько раз превышал вместимость нашего помещения, поэтому все мы с нетерпением ожидали, когда же власти сдержат свое слово и позволят нам заниматься в более подходящих условиях. Переполненность групп заставляла нас заниматься посменно, не только в утренние, дневные и вечерние, но также и в ночные часы.

Правительство постоянно откладывало решение этой проблемы, давая голословные обещания, и я решил, что продолжать занятия в таких условиях просто невозможно. И когда через некоторое время в Грузии власть захватили большевики и положение дел еще больше ухудшилось, стало ясно, что не стоит тратить попусту время и энергию. Я решил, что следует не только закрыть Институт, но и, перебравшись в другую страну, начать все сначала в более подходящих условиях.

Распродав почти за бесценок все свое имущество и кое-как обеспечив на первое время остающихся в России членов нашей колонии, я с большими трудностями эмигрировал в Константинополь, захватив с собой тридцать человек из числа моих единомышленников.

Ко времени отъезда из Тифлиса я заработал немалую сумму, торгуя восточными коврами. По моим подсчетам, этих денег хватило бы не только на оплату переезда в Константинополь группы в тридцать человек, но и позволило нам прожить там некоторое время относительно безбедно.

Но увы, все эти подсчеты оказались иллюзией. Нам не удалось вывезти средства, которые мы заработали буквально в поте лица своего.

Так как местная валюта была неконвертируемой и вывозить ее не имело никакого смысла, мы решили купить на все деньги партию старинных восточных ковров, а также некоторое количество драгоценных камней и везти, распределив это все поровну между членами нашей группы.

Но на границе, несмотря на соответствующее оформление необходимых документов и оплату пошлины, все мои ковры незаконно конфисковали, придравшись к каким-то мелочам. Позже, в Константинополе, когда мы предприняли попытку добиться справедливости и вернуть свои ковры, оказалось, что Батум уже захвачен большевиками, организация, проводившая конфискацию, полностью распущена, а наши ковры бесследно исчезли. Из двадцати чудесных

старинных ковров удалось спасти только два, которые провез под видом дипломатической почты мой ученик и единомышленник финский консул.

И вот я оказался в Константинополе почти таким же нищим, каким прибыл в Тифлис.

В моем распоряжении находились только два маленьких бриллианта и два оставшихся после всех злоключений ковра. От их продажи нельзя было выручить сумму, которая позволила бы всей нашей группе прожить более или менее значительное время, учитывая то, что почти всем нам было необходимо обзавестись одеждой. Дело в том, что купить одежду в Тифлисе в то время было почти невозможно, и мы так обносились, что не могли выйти на улицу в своих лохмотьях, особенно в городе, где жизнь была более или менее налажена.

Но удача сопутствовала мне, и немедленно по приезде в Константинополь я занялся бизнесом.

Среди прочего я на паях с одним моим старым другом и земляком занялся перепродажей больших партий икры. А один раз даже посредничал при перепродаже парохода. И вскоре мое финансовое положение начало улучшаться.

Еще в Тифлисе я раз и навсегда отказался от мысли организовывать постоянные представительства своего Института в России, но не будучи достаточно знаком с положением дел в Европе, я находился в затруднительном положении, не решив окончательно, где мне обосноваться. Поразмыслив некоторое время, я наконец обосновался в Германии, отдав предпочтение этой стране вследствие ее географического положения в центре Европы, а также общепризнанного высокого уровня развития культуры.

Но, задержавшись в Константинополе, чтобы обеспечить себя материально, я вынужден был заниматься всевозможными коммерческими предприятиями, так как у меня не было богатого дядюшки в Америке.

Между тем, группа учеников и единомышленников, вывезенная мной из России, хотела продолжить наши занятия, и я снял для этой цели подходящее помещение на Пера, в той части Константинополя, где в основном жили европейцы. И как только у меня появлялся свободный час или два, я занимался с учениками, читал лекции, приглашая на них и местных жителей, чтобы расширить число последователей и приучить своих учеников не смущаться от присутствия посторонних лиц.

Местные турки и греки, посещавшие мои лекции, проявляли большой интерес к этому учению, но особенно к музыке, которую я сочинял специально для наших занятий. К этому времени нестабильная политическая обстановка в Европе продолжала препятствовать осуществлению моих планов, так как из-за враждебных отношений, существовавших между правительствами разных стран, получение выездной визы превращалось в почти неразрешимую проблему, и валютный курс был очень неустойчив.

Несмотря на неблагоприятные обстоятельства я решил расширить и активизировать свою деятельность "на ниве просвещения" и увеличил количество классов и продолжительность лекций, знакомя слушателей с основными положениями моего учения.

Но так как я был вынужден отдавать большую часть своего времени коммерческой деятельности, как в самом Константинополе, так и на другой стороне Босфорского пролива, то мне приходилось поручать чтение лекций наиболее подготовленным ученикам, помогая им составлять планы, разрабатывая конспекты выступлений прямо в вагоне трамвая или даже на пароме, переправляясь через Босфор.

Прошел год, насыщенный неустанной, лихорадочной деятельностью, и наконец прибыли долгожданные визы. К тому времени я смог благодаря удачным коммерческим операциям накопить достаточно большую сумму.

Так как меня начала серьезно беспокоить чрезмерная активность турецких националистов,

я решил не ждать, чем все это кончится. Следовало как можно скорее уносить отсюда ноги. И я отбыл в Германию, предварительно перевезя группу своих учеников в более безопасное место.

Прибыв в Берлин, я устроил сопровождавших меня людей в различных отелях столицы, а также снял в Шмаргендорфе - одном из районов Берлина - вместительный зал, чтобы продолжить прерванную переездом работу. Затем я отправился путешествовать по Германии, осматривая помещения, которые рекомендовали мне многочисленные знакомые, находя их подходящими для Института.

Осмотрев большое количество зданий, я остановил свой выбор на одном - в местечке Хеллерау, что неподалеку от Дрездена. Оно предназначалось для популярной в то время школы ритмических танцев по системе Далькроза, и было оборудовано и оформлено соответствующим образом.

Находя планировку этого здания более или менее соответствующей моим целям, я решил именно тут организовать центральное отделение своего Института. Но во время ведения переговоров с хозяином помещения я получил от моих английских единомышленников предложение основать центральное отделение в Англии, при этом они обещали взять на себя все организационные расходы.

Принимая во внимание последствия экономического кризиса, охватившего многие страны и сказавшегося как на моем материальном положении, так и на состоянии дел моих компаньонов, я охотно согласился на это предложение и отправился в Лондон, чтобы изучить ситуацию на месте.

Так как для меня было очень важно, чтобы берлинское отделение Института не приостанавливало начатой деятельности и мое продолжительное отсутствие не сказалось на его работе, я решил ездить в Лондон каждые две-три недели на несколько дней, при этом каждый раз выбирать иной маршрут, чтобы как следует познакомиться с другими европейскими странами.

Изучив положение дел в других странах во время этих интересных и полезных путешествий, я пришел к окончательному решению организовать центральное отделение моего института не в Германии и не в Англии. Я остановил свой выбор на Франции.

Эта страна показалась мне наиболее стабильной в экономическом и политическом отношении, к тому же, хотя Франция и занимала географически менее выгодное положение, чем Германия, она заслуженно считалась столицей мира, в которой были представлены все нации и культуры. Поэтому Франция показалась мне страной, наиболее подходящей для успешного распространения моих идей.

Англия вследствие своего изолированного островного положения не совсем отвечала моим целям: Институт, основанный здесь, превратился бы в местную, локальную организацию.

Вот почему во время одной из моих поездок в Лондон я окончательно отказался от мысли обосноваться здесь, но согласился послать сюда инструкторов, специально подготовленных мной, а также группу наиболее одаренных учеников, которые должны были бы организовать в Англии одно из отделений Института.

Я прибыл во Францию летом 1922 года. Изучив свое материальное положение, я подсчитал, что после уплаты всех долгов в моем распоряжении останется всего сто тысяч франков.

Сняв в Париже временное жилье для своих учеников, я арендовал помещение школы Далькроза для продолжения курса лекций и семинаров, организованных в Германии, и затем занялся подыскиванием здания, подходящего для организации центрального отделения Института гармонического развития личности. Необходимо было также раздобыть средства, требующиеся для покрытия организационных расходов.

Проведя долгое время в поисках, я наконец остановил свой выбор на вилле Шато дю Приер,

расположенной в окрестностях Парижа, недалеко от небезызвестного Шато де Фонтенбло.

Хозяйка виллы, унаследовавшая ее от своего родственника, удачливого адвоката, хотела избавиться от этой обузы как можно скорее, так как огромные расходы на содержание поместья были ей явно не по карману. Она сообщила мне, что предпочла бы продать эту виллу, а не сдавать внаем. Имея несколько потенциальных покупателей, владелица виллы всячески затягивала оформление сделки, не давая мне определенного ответа, так как, не обладая достаточными средствами для покупки, я желал только арендовать это поместье.

Наконец, после всевозможных проволочек, обставив сделку рядом дополнительных условий, владелица согласилась отложить на год продажу имения и сдать мне ее на этот срок внаем за 65 тысяч франков. Мне предоставлялось шесть месяцев для того чтобы решить, собираюсь ли я покупать виллу. Если в течение этого срока я не приду к определенному решению, хозяйка имела право продать имение кому угодно.

Сняв Шато дю Приер на этих условиях, я переехал сюда с пятьюдесятью учениками в начале октября 1922 года. Новый период моей жизни вряд ли можно назвать самым благополучным, так как мне предстояло жить и работать в стране, с законами и обычаями которой я не был знаком. Заполучив это имение, я приобрел массу проблем. Сто тысяч франков до последнего су были потрачены на оплату аренды помещений, а также на материальную поддержку моих учеников, живущих в Париже уже в течение трех месяцев. А сейчас, продолжая оплачивать расходы всей нашей колонии, я был поставлен перед необходимостью затратить значительную сумму на закупку большого количества мебели и предметов первой необходимости, так как в поместье Шато дю Приер многого не хватало. Кроме того, сюда должна была прибыть из Лондона большая группа учеников, так как местное отделение Института так и не было открыто.

Ситуация осложнялась тем, что я не говорил ни на одном из западноевропейских языков.

Этот вопрос начал беспокоить меня еще в те времена, когда я только собирался уезжать из Багума. В Константинополе у меня не возникало никаких проблем, так как там в ходу были главным образом турецкий, греческий и армянский языки, которыми я хорошо владел. Но как только я прибыл в Берлин, я понял, что беспокоился не зря. И теперь в Париже, поставленный перед необходимостью добывать колоссальные суммы для оплаты все новых и новых счетов, я почувствовал, насколько облегчило бы мне жизнь владение языком. Пока же я не только не знал языка, но, перегруженный делами, не имел свободного времени для того, чтобы брать уроки французского.

Успешно вести коммерческие дела через переводчика оказалось практически невыполнимой задачей. Очень важно чувствовать настроение партнера по сделке, чтобы использовать его в своих интересах. Даже имея отличного переводчика, невозможно избежать продолжительных пауз в разговоре, которые чрезвычайно расхолаживают человека, не говоря уже о невозможности уловить все оттенки интонации, которые очень важны.

А я даже не смог найти подходящего переводчика, так как люди, желающие мне помочь, были иммигрантами, для которых французский язык не был родным. Большинство иммигрантов, особенно это касается русских, не стремились овладеть языком приютившей их страны в совершенстве, довольствуясь самыми поверхностными знаниями, позволяющими поддерживать застольную беседу, но не более того. Для ведения коммерческих операций требовалось очень глубокое знание языка.

Количество нервной энергии, которую я затратил в течение первых двух лет во Франции, особенно в те мгновения, когда чувствовал, что сказанное мной переводится неточно, - без сомнения, хватило бы на сотню начинающих брокеров с Нью-Йоркской фондовой биржи.

Так как сумму, необходимую для того, чтобы привести в надлежащий вид поместье Шато

дю Приер, невозможно было заработать сразу, я начал искать возможность сделать значительный заем, чтобы закупить самое необходимое на первое время. В дальнейшие мои планы входило половину времени посвятить организации Института, а другую половину отдать коммерческой деятельности и таким образом как можно скорее вернуть долг.

Мне удалось занять нужную сумму у нескольких моих знакомых из Лондона, проявивших интерес к этому предприятию и обладавших значительными средствами. Это был первый случай, когда я отступил от одного из своих основных принципов, которым неукоснительно следовал в течение пятнадцати лет. Я всегда брал на себя всю материальную ответственность за исход дела, отказываясь от любой денежной помощи.

Все, кто имел со мной дело, могут с чистой совестью подтвердить, что, несмотря на колоссальные расходы и убытки, которые я понес не по собственной неосмотрительности, а вследствие политических и экономических потрясений, которыми были богаты предшествующие годы, я не занял ни единого цента. Все, что я имел, я заработал сам. Мои друзья и единомышленники часто предлагали мне материальную помощь, но я всегда отклонял ее, предпочитая преодолевать трудности, полагаясь только на собственные силы.

Используя взятый заем на обустройство Шато дю Приер, я занялся коммерцией. Осуществить запланированное казалось выше человеческих сил. Иногда я работал буквально по 24 часа в сутки: всю ночь проводил в Фонтенбло, занимаясь проблемами Института, а днем спешил в Париж, чтобы успеть на деловое свидание. Даже в пути между Парижем и Фонтенбло я не позволял себе расслабляться, разбирая корреспонденцию или обдумывая условия очередной коммерческой сделки.

Дела шли успешно, но чрезмерное напряжение этих месяцев, последовавших за восемью годами непрерывных трудов, привело к тому, что мое здоровье серьезно пошатнулось, и я был вынужден сбавить темп.

Несмотря на трудности, возникавшие на каждом шагу, плохое состояние здоровья, незнание французского языка, невзирая на то, что количество моих врагов возросло прямо пропорционально количеству друзей - мне удалось за шесть месяцев выполнить почти все, что я запланировал.

Так как на вас, американцев, особенно в нынешние времена, можно произвести впечатление, только предоставив финансовый отчет, я просто перечислю все расходы, которые вынужден был нести со времени моего вступления на территорию Шато дю Приер до моего отъезда в Америку

Вот примерный перечень моих расходов:

оплата половины стоимости имения и полной стоимости прилегающего земельного участка;

оплата полной стоимости переоборудования помещений под нужды Института, в том числе закупка сельскохозяйственной техники и оборудования для медицинского отделения;

содержание скотного двора, в том числе закупка лошадей, овец, свиней и домашней птицы.

В дополнение ко всему этому возникла необходимость в переоборудовании помещения, предназначенного для занятий гимнастикой и другими видами физических занятий, а также для выступлений и чтения лекций. Этот большой зал мы прозвали театром.

Несмотря ни на что мне удалось погасить часть долга и в то же время нести организационные расходы по обеспечению деятельности Института.

Одним из источников постоянного дохода была моя деятельность в качестве психотерапевта, берущегося за лечение особо запущенных случаев алкоголизма и наркомании. Я был признанным специалистом в этой области, и родственники несчастных часто предлагали мне значительные суммы за их излечение.

Мне вспоминается одна американская супружеская пара, которая доверила мне лечение своего сына, на котором официальная медицина поставила крест. Обрадованные убедительными результатами применяемой мной методики, они добровольно удвоили предварительно оговоренную сумму гонорара.

Кроме того, я занимался биржевыми сделками и неплохо заработал на оптовой перепродаже акций нефтяных компаний.

Вместе в компаньонном я открыл два ресторана на Монмартре, которые стали приносить значительную прибыль, и через некоторое время продал их, так как не любил долго заниматься одним и тем же видом деятельности.

Конечно, теперь, когда я бегло перечисляю свои коммерческие операции, вам может показаться, что все это давалось мне легко. На самом деле участие в этих многочисленных коммерческих предприятиях требовало от меня огромных затрат физической и душевной энергии.

В течение этих месяцев я должен был работать с 8 часов утра до 10-11 часов вечера, а остаток ночи проводил на Монмартре, и не только потому, что контролировал работу ресторанов. Здесь я занимался лечением одного алкоголика, который днем спал, а ночью пьянствовал в одном из увеселительных заведений этого района. Я ужасно измучился с ним, так как моя методика была основана на сознательном желании избавиться от пагубной привычки, а этот человек не хотел лечиться.

Следует заметить, что этот период моей жизни, когда я много ночей провел на Монмартре, дал тем, кто меня знал или хотя бы слышал обо мне, богатую пищу для сплетен. Кто-то завидовал моим "веселым пирушкам", кто-то осуждал подобный образ жизни. Что касается меня, то таких "пирушек" я не пожелал бы своему злейшему врагу.

Короче говоря, настоятельная необходимость решить финансовые проблемы, возникшие в связи с арендой Шато дю Приер, надежда освободиться от хронических забот о хлебе насущном и желание посвятить все время и силы своему настоящему призванию - распространению и пропаганде своей системы взглядов, своего мировоззрения, которое откладывалось из года в год по независящим от меня обстоятельствам - вынуждало меня трудиться в сверхнапряженном темпе, что в конце концов сказалось на моем физическом состоянии.

Но несмотря на мое страстное желание довести начатое дело до конца, я вынужден был прервать свою деятельность как раз в то время, когда был близок к цели.

В течение последних нескольких месяцев мое здоровье настолько ухудшилось, что я был вынужден значительно сократить продолжительность своего рабочего дня. И так как несмотря на это я чувствовал себя все хуже и хуже и был всерьез обеспокоен своей дальнейшей судьбой, я решил полностью отказаться от всех видов деятельности, требующих от меня физического или психического напряжения. Однако эти благие намерения продолжали оставаться намерениями до тех пор, пока серьезная простуда не поставила на моей работе жирную точку.

Это произошло при следующих обстоятельствах. Однажды я закончил свои дела в Париже раньше обычного, примерно в 10 часов вечера, и, принимая во внимание, что завтра утром мне нужно быть в Шато дю Приер, чтобы обсудить с инженером смету на строительство бани, которую я запроектировал, решил поехать туда сейчас же и пораньше лечь в постель, чтобы наконец как следует выспаться.

Поэтому я отправился в Фонтенбло, даже не заезжая на свою парижскую квартиру. Погода была сырая, поэтому я закрыл стекло в машине. В дороге я почувствовал себя так хорошо, что даже стал обдумывать возможность сооружения в имении печи для обжига керамических изделий - не современной конструкции, а такой, которая использовалась персами тысячи лет назад.

Въехав в лесной массив, окружавший Фонтенбло, я вспомнил, что начинается участок местности, где ночью нередко ложится туман. Я посмотрел на часы и, отметив, что было уже четверть двенадцатого, нажал на газ, чтобы как можно быстрее проскочить этот участок дороги. И с того момента я уже не помню ничего. Когда я пришел в себя, то увидел следующую картину: я сидел в машине, которая находилась на правой полосе дороги, вокруг простирались густые леса, всюду светило солнце. Перед моей машиной стояла большая повозка, груженная сеном, и возчик, подойдя ко мне, стучал кнутом в стекло - эти звуки и разбудили меня.

Оказалось, что вчера вечером, не проехав ни одного метра после того, как я посмотрел на часы, я нечаянно заснул прямо за рулем и проспал до десяти часов утра. Ничего подобного со мной прежде не случалось.

По счастливой случайности машина, прежде чем остановиться, немного подалась вправо, так что все это время не мешала движению других машин, и мой сон никто не потревожил. Но этот фургон с сеном был так широк, что не смог проехать, вот почему возчик был вынужден разбудить меня.

Увы, я не только выспался, но и простудился, проведя всю ночь в сырой местности. Простуда была настолько серьезной, что ее последствия сказываются до сих пор.

Мне пришлось отказаться от большей части добровольно взятых на себя обязанностей, так как я в буквальном смысле слова еле передвигал ноги.

Ситуация становилась критической, так как заменить меня было некому, и все, созданное мной к этому времени, грозило развалиться. Постоянно приходили все новые счета, оплачивать которые не было никакой возможности. Нужно было что-нибудь придумать.

Однажды, когда я сидел на террасе Гранд-кафе, очень популярного у иностранцев, обдумывая свою невеселую и, казалось, безвыходную ситуацию, мне в голову пришла одна идея.

Так как, учитывая мое теперешнее состояние здоровья, я не могу и, вероятно, еще долго не смогу работать так напряженно, как требуется для осуществления моих планов, связанных с открытием Института, то не лучше ли будет предоставить себе "отпуск", хотя бы и непродолжительный, и отправиться в Америку, о чем я давно мечтал.

Поездка по Северной Америке - без продолжительных остановок - при постоянной смене впечатлений, создаст необходимые условия для полноценного отдыха. Так как я буду находиться достаточно далеко от того места, на котором сосредоточены все мои интересы, я смогу избежать искушения вновь взяться за работу, что при моем состоянии здоровья могло иметь роковые последствия.

Должен заметить, что я уже давно начал подготавливать материал для лекций, которые должны были познакомить слушателей с основными положениями моего учения в применении к различным областям деятельности человека, таким, как психология, медицина, археология, искусство, архитектура, и даже применительно к тому, что называется сверхъестественными явлениями.

К тому же я уже начал готовить своих учеников к серии выступлений, которые я собирался провести во время поездки по Европе и Америке. Моей целью было внести в будничную жизнь обычных людей квинтэссенцию моих идей, дать им понять, к каким практическим результатам ведет следование этим идеям, основанным на материале, собранном мной в различных регионах Азии, многие из которых недоступны простому человеку.

Хорошенько поразмыслив, я решил рискнуть и отправиться в путь немедленно, не дожидаясь, пока все будет подготовлено.

Я даже дал себе слово не думать ни о чем серьезном в течение всего путешествия, хорошо питаться и много спать, и читать только те книги, которые мне нравятся и отвлекают от забот.

Я отважился на эту поездку еще и потому, что надеялся на подготовленность своих

учеников, которые должны были самостоятельно, без моего руководства прочитать серию лекций и провести ряд показательных выступлений.

Главная проблема в осуществлении этого плана, который должен был способствовать улучшению как моего состояния здоровья, так и финансового положения, состояла в том, что мне необходимо было взять с собой в поездку не менее 46 человек, которые в Америке, как и прежде во Франции, оставались бы на полном моем попечении. Это был единственный способ решить назревавшую во Франции финансовую проблему, но нельзя было не учитывать, что в случае неудачи ситуация могла еще более ухудшиться и даже привести к настоящей катастрофе.

Что означает, с материальной точки зрения, поездка в Америку в сопровождении 46 спутников, вам, с вашей страстью к путешествиям, объяснять не надо. Но не забывайте, что вы, собираясь в дорогу, меняете доллары на франки, я же вынужден был производить обратный, гораздо менее выгодный обмен.

К тому времени, когда я решил отправиться в Америку, у меня было всего около трехсот тысяч франков, которые предназначались для уплаты за Шато дю Приер с целью выкупа этого имения в полную собственность до 15 февраля - последнего срока, когда эта сделка еще могла состояться. И несмотря на это я решил рискнуть и потратить эти деньги на путешествие по Америке и спешно начал готовиться к отъезду.

Во время всей этой суеты, связанной с приобретением билетов, оформлением виз, покупкой соответствующей одежды - как обычной, так и специальной, в которой мои ученики должны были показывать танцы, - я все же нашел время, чтобы больше заниматься с учениками отработкой ритмических движений, предназначенных для показа в Америке, и даже увеличил количество репетиций. Заметив, что участников этих выступлений очень смущает присутствие в качестве зрителей посторонних лиц, я решил перед отплытием дать несколько публичных представлений в театре на Елисейских Полях в Париже.

Хотя я и предполагал, что подготовка к путешествию обойдется мне в кругленькую сумму, но действительность превзошла все мои ожидания.

И действительно, аренда театра, покупка билетов на пароход, оплата всевозможных счетов, необходимость оставить некоторую сумму для тех, кто оставался в Европе, как и другие непредусмотренные расходы как-то незаметно "съели" все триста тысяч франков еще до отъезда.

И таким образом я очутился в трагической ситуации. Все было готово к отъезду, но мы не могли отправиться в плавание. Нельзя путешествовать такой большой группой, не имея в запасе некоторой суммы для непредвиденных расходов, которые часто возникают в пути.

Все три дня до отправления парохода я провел как на иголках.

Но в самый критический момент случилось одно невероятное событие.

Его нельзя объяснить не чем иным, как вмешательством в жизнь человека высших сил. Что касается меня, то осмелюсь утверждать, что я заслужил эту милость небес всей своей жизнью, наполненной трудами и заботами, своим настойчивым стремлением осуществить поставленные перед собой цели. А произошло вот что. Я сидел в своей комнате в Шато дю Приер и ломал голову над тем, как мне выйти из сложившейся критической ситуации, когда внезапно открылась дверь и вошла моя мать. Она прибыла в Париж совсем недавно с несколькими другими родственниками, которые остались на Кавказе, когда я эмигрировал из России. И вот теперь с большим трудом мне удалось вывезти ее во Францию.

Мать, подойдя поближе, подала мне маленький пакет, говоря: "Сынок, пожалуйста, освободи меня от этой обузы, я так устала повсюду носить его с собой".

Сперва я не понял, что она имеет в виду, и механически стал разворачивать сверток. Но когда я увидел, что там находилось, я просто запрыгал от радости.

Чтобы объяснить вам, почему появление этого маленького пакета вызвало у меня такую

бурную радость, я должен сперва кое-что рассказать. В ту пору, когда я жил в Эссентуках, беспорядки, повсеместно происходившие в России, не могли не вызвать у меня, как и у всякого здравомыслящего человека, некоторых опасений, и я забрал свою старую мать из Александрополя и поселил ее вместе с собой. А позже, отправившись в научную экспедицию, о которой уже упоминал, я оставил мать на попечение своих друзей, оставшихся в Эссентуках.

Должен напомнить, что в 1918 году на Кавказе, как и повсюду в России, курс рубля неуклонно падал, и всякий, кто имел хоть какие-нибудь средства, скупал предметы, имевшие более стабильную стоимость, такие, как драгоценные камни и металлы, антиквариат и т.д.

Я также вложил все свои деньги в подобные ценности, которые всегда носил с собой. Но так как в те дни, когда я собирался отправиться в экспедицию, грабежи под видом реквизиций стали самым обычным явлением, то, храня все эти ценности у себя, я подвергался огромному риску. Поэтому я распределил часть этих предметов среди моих спутников в надежде, что если нам даже не удастся избежать ограбления, то хоть что-нибудь да уцелеет, оставшиеся ценности я доверил своим друзьям в Пятигорске и Эссентуках, которым поручил заботиться о моей матери. Самую ценную вещь, купленную мной у одной герцогини, нуждавшейся в деньгах, я отдал матери.

Я был уверен, что, находясь в тяжелых материальных обстоятельствах, она продаст эту брошь вскоре после моего отъезда. Наконец, брошь могла быть украдена во время бесконечных переездов беглецов с места на место, так как повсюду орудовали вооруженные банды, или потеряна в дороге.

Короче говоря, я совершенно забыл о ней и, придумывая способы избавления от нищеты, абсолютно упустил из виду возможность ее внезапного появления из небытия.

Оказалось, что, взяв брошь на хранение, мать неверно поняла мои слова о ее особой ценности и подумала, что эта вещь дорога мне как реликвия или подарок близкого человека и не может быть продана ни в коем случае. И все эти годы мать берегла брошь как зеницу ока, никому не показывала и практически не выпускала из рук. И сейчас она обрадовалась возможности вернуть мне ее, чтобы избавиться наконец от постоянной тревоги за ее сохранность.

Можете представить себе мое состояние, когда я увидел эту брошь и понял, что спасен.

Эта брошь давала мне возможность занять под залог две тысячи долларов у кого-нибудь из знакомых, но я решил захватить ее с собой в Америку, так как в Париже мне предложили за нее всего 125 тысяч франков, тогда как я знал, что она стоит значительно дороже. И затем, продав ее в Нью-Йорке, я понял, что не ошибся, не став спешить с продажей".

Здесь мистер Гурджиев прервал свое повествование и закурил сигарету, с улыбкой поглядывая на нас. Нарушив тишину, воцарившуюся в комнате, из-за стола встал мистер Х. и, подойдя к мистеру Гурджиеву, сказал: "Не знаю, виной ли тому ваш простой рассказ или все дело в моей сентиментальности, но я чувствую постоянную потребность облегчить бремя ваших забот, взяв часть из них на себя.

Позвольте мне вручить вам этот чек, пожертвовав на ваш Институт все, что в данный момент находится в моем распоряжении. В то же время в присутствии всех этих людей я обещаю, что вы будете получать такую же сумму ежегодно, в каком бы уголке земли вы ни находились и каково бы ни было ваше материальное положение".

Когда мистер Х. окончил свою речь и, явно взволнованный, вытер лоб носовым платком, встал мистер Гурджиев и, положив руку ему на плечо, посмотрел на него с такой добротой и признательностью, которую невозможно забыть, и сказал: "Благодарю вас, с сегодняшнего дня вы мне как брат".

Но еще более убедительным свидетельством впечатления, произведенного рассказом

мистера Гурджиева на присутствующих было заявление некоей леди Л., проездом бывшей в Нью-Йорке и присутствовавшей на этом ужине в качестве гостьи мистера Р. Она поднялась и с большой искренностью сказала: "Мистер Гурджиев, волею судьбы я случайно оказалась в числе приглашенных на ужин, даваемый в честь открытия Нью-йоркского отделения Института гармонического развития личности, и все, что вы рассказали, произвело на меня огромное впечатление. Мне и раньше не раз доводилось слышать о деятельности, которой вы посвятили всю свою жизнь, и я даже имела счастье присутствовать на нескольких ваших лекциях и выступлениях ваших учеников и собственными глазами убедилась в ваших достижениях. И вас не удивит, конечно, мое сообщение о том, что ваши идеи меня чрезвычайно заинтересовали, и я хотела бы способствовать их распространению. Поэтому я считаю необходимым внести посильный вклад, пожертвовав половину состояния, которым я к этому времени владею.

Возможно, для вас не секрет, что я располагаю довольно значительным капиталом. Оставшейся половины этой суммы вполне хватит мне для того, чтобы вести жизнь, соответствующую моему социальному положению. В течение длительного времени я вносила определенные суммы на мой банковский счет, главным образом для того, чтобы обеспечить себя на черный день. Но я думаю, что вы найдете им лучшее употребление. Если я когда-нибудь окажусь в сложной материальной ситуации, надеюсь, вы поможете мне, как я теперь помогаю вам, ведь никто не знает, что готовит ему судьба".

Все время, пока леди Л. говорила, мистер Гурджиев слушал ее очень внимательно, с выражением искреннего интереса и признательности и затем ответил:

"Благодарю вас, уважаемая леди Л., на меня особое впечатление произвели ваша искренность и доброта, и, принимая ваше пожертвование с чувством глубокой признательности, я в свою очередь обещаю, что верну вам все полученные деньги не позже чем через восемь лет, хотя надеюсь, что провидение будет к вам благосклонно и черный день не наступит никогда".

После чего в комнате воцарилось молчание, все, казалось, погрузилось в свои мысли, находясь под глубоким впечатлением от всего услышанного в этот вечер.

* * *

И вот я сижу и редактирую свою рукопись в одном из ресторанов Нью-Йорка на углу Пятой авеню и 56-й улицы, в такой обстановке, в которой я занимаюсь писательским трудом в течение последних шести лет. Я писал в основном в ресторанах, кафе и других публичных местах, которые, как ни странно, очень способствовали моей работе. Считаю примечательным тот факт, который одни, возможно, посчитают простым совпадением, а другие провидением, а именно то, что без какого-нибудь умысла с моей стороны я закончил свою работу ровно через семь лет, день в день после разговора, который я только что описал.

Чтобы завершить этот рассказ, я должен добавить по поводу поездки в Америку, что хотя было очень рискованно отправиться в другую страну в сопровождении такой большой группы людей без единого цента в кармане, не зная языка, не будучи полностью подготовленными к задаче, которая нам предстояла, но несмотря на все это успех наших выступлений превзошел все ожидания.

Я с уверенностью могу утверждать, что если бы со мной через несколько дней после возвращения во Францию не случилось серьезное несчастье, которое помешало мне вновь поехать в Америку через шесть месяцев, как я намеревался, то я смог бы с помощью моих учеников не только заработать значительную сумму, которой бы хватило на оплату долгов, но также обеспечил бы как дальнейшее существование отделений Института гармонического развития личности, так и организации новых отделений.

Но стоит ли об этом сейчас говорить?

Описав этот период моей жизни, я вспомнил любимую поговорку нашего уважаемого

муллы Нассреддина: "Снявши голову, по волосам не плачут".

Когда я дописывал это предложение, кто-то подсел за мой столик.

Все мои друзья знают, что если они хотят обратиться ко мне с чем-нибудь, то должны подождать, пока я закончу свою работу. Должен сказать, что хотя они и соблюдают это условие, но я чувствую, что оно не доставляет им особого удовольствия, иногда на их лицах появляется такое выражение, точно они приняли горькую микстуру.

Закончив дописывать абзац, я повернулся к тому, кто сидел рядом, и, услышав то, что он мне сказал, внезапно принял серьезное решение. Но если бы я сейчас стал описывать все мысли, что пришли мне в голову и весь процесс принятия решения, то поступил бы вопреки своим собственным принципам, которые красной нитью проходят через все мое повествование.

Чтобы не морочить вам больше голову, я должен объяснить, кем был подошедший ко мне человек, который, получив все необходимые инструкции, сразу же ушел. Это был не кто иной, как мой тайный компаньон по торговле антиквариатом. Я сказал "тайный", потому что никто, даже мои близкие друзья, не знал о его существовании.

Я занялся этим бизнесом шесть лет тому назад, через шесть месяцев после несчастья, случившегося со мной, когда я еще был очень слаб физически, но прекрасно осознавал, насколько ухудшилось мое материальное положение вследствие больших расходов на организацию путешествия по Северной Америке, а также из-за расходов на лечение моей матери и жены, которые были тяжело больны. Так как продолжительный постельный режим и моя полная беспомощность были просто невыносимы, я начал потихоньку совершать небольшие поездки на машине, как для того, чтобы несколько развлечься, набравшись новых впечатлений, так и затем, чтобы разузнать, не найдется ли занятие, с которым я мог бы справиться, учитывая мое теперешнее состояние здоровья. В сопровождении моих близких друзей, которые почти всегда были рядом со мной, я начал ездить повсюду, особенно часто бывая в тех местах, где собирались иммигранты из России.

И вот как-то раз в одном из популярных парижских кафе ко мне подошел человек, которого я не сразу узнал. Только в ходе завязавшегося разговора я вспомнил, что много раз встречался с ним на Кавказе, а также в Закавказском регионе. Переезжая с места на место, он занимался скупкой и перепродажей антиквариата и часто обращался ко мне за консультациями как к признанному знатоку в этой области. Особенно хорошо я разбирался в старинных восточных коврах и китайском фарфоре.

Он сказал мне, среди прочего, что ему удалось вывезти из России значительную часть своего капитала и, хорошо владея английским языком, он сразу же занялся в Европе прежним бизнесом. Рассказывая о своих торговых операциях, мой старый знакомый пояснил, что самая большая проблема состоит в том, что европейский рынок переполнен всевозможными подделками, и внезапно предложил мне: "Ну а вы, мой друг? Как насчет того, чтобы стать моим компаньоном? По крайней мере, вы смогли бы проводить оценку товара".

Обсудив условия сотрудничества, мы пришли к полному взаимопониманию и ударили по рукам. Наша совместная работа продолжалась около четырех лет. Прежде чем покупать какую-либо вещь, мой компаньон привозил ее мне, чтобы я провел квалифицированную оценку. Иногда я сам приезжал к продавцу и производил оценку на месте, затем сообщал мое мнение компаньону.

Так продолжалось некоторое время. Он целый год путешествовал по Европе, разыскивая и скупая различные раритеты, а затем привозил в Америку, главным образом в Нью-Йорк, где и продавал оптовикам. В мои функции входило только произвести оценку вещи и больше ничего.

В тот период, когда мое материальное положение было особенно плачевным, антикварный бизнес как раз процветал, так как Европа была просто наводнена подобным товаром. Я решил,

что сейчас самое время увеличить масштабы операций.

И вот вместо того, чтобы как следует отдохнуть после долгого утомительного путешествия, я, как этого требовала моя деятельная натура, с головой погрузился в работу и смог занять около миллиона франков у тех людей, с которыми я вел дела и которые мне безоговорочно доверяли. Собрал эту сумму, я немедленно инвестировал ее в расширение моего бизнеса. Воодушевленный быстрым развитием нашего предприятия и перспективами получения большой прибыли, мой партнер, не жалея сил и времени, рыскал по Европе, закупая товар в огромных количествах. Он вернулся в Америку, как мы договорились, за шесть недель до моего приезда.

К несчастью, экономическая депрессия, пришедшаяся как раз на эти годы, самым неблагоприятным образом отразилась на нашем бизнесе. Мы не только не могли рассчитывать на получение прибыли, но даже потеряли всякую надежду вернуть вложенный капитал.

Где найти слова, чтобы описать безвыходную ситуацию, в которую я попал, рассчитывая, что кризис скоро кончится, в то время как это было только начало большой экономической депрессии?

Для того чтобы понять, как тяжело мне приходилось в то время, не нужно обладать высшим образованием.

В тот год я расширил свой бизнес, я был полностью убежден в том, что это предприятие принесет мне прибыль, достаточную для уплаты накопившихся долгов, и что заработанный капитал позволит посвятить все свое время литературному труду. Первая книга была к этому времени закончена, и я рассчитывал, что смогу опубликовать ее на свои собственные деньги, ни от кого не завися, и сразу же сесть за вторую книгу. Но этот экономический кризис, охвативший всю Америку, посадил меня, как сказал бы почтенный мулла Нассреддин, в такую глубокую калошу, что в нее не проникал и лучик дневного света.

В течение этих шести лет, работая над тремя книгами, я должен был всегда и везде помнить о своей главной цели, которую во что бы то ни стало следовало осуществить и которая была единственным оправданием и смыслом моей нелегкой жизни.

Я не давал себе никакой поблажки, не позволял тяжелому материальному положению, в котором оказался, мешать моему литературному труду.

Желание выразить свои мысли в форме, доступной для других, так захватило меня, что я часто забывал вовремя поесть.

Но самым тяжелым для меня было то, что я не мог сосредоточить все свое внимание на работе, так как постоянно приходилось отвлекаться, чтобы решить, какие долги следует возратить в первую очередь, потому что платить по всем счетам не было возможности.

За эти шесть лет я дошел до состояния нервного истощения. Не из-за того, что работал над несколькими книгами, рукописями которых была завалена комната, специально переоборудованная под архив. Меня изматывала необходимость постоянно ломать голову над тем, что делать с многочисленными долгами, которые продолжали расти.

Но если раньше я мог отказаться от своей миссии, то теперь, когда мои идеи получили широкую известность, все пути к отступлению отрезаны.

И в тот раз, когда мой партнер нашел меня в парижском ресторане и сообщил о провале нашего предприятия, я принял следующее решение, которое не противоречило моим основным принципам. Оно состояло в следующем.

Я должен без помощи других людей заработать сумму, которая позволит мне не только вернуть долги, но и обеспечит достойное существование, при этом я не сделаю ничего такого, что вызвало бы угрызения совести.

Поступая так, я снова смогу испытать блаженство, даруемое нам Создателем, блаженство, о котором египетский священник, первый наставник Моисея, сказал так: "Ничто не доставляет

человеку такой радости, как чистая совесть".

Сегодня 10 января. Три дня тому назад по старому стилю был день моего рождения.

В соответствии с привычкой, выработавшейся у меня с детства, я посвятил этот день переосмыслению всего, что произошло со мной за год, и постановке новой цели. В этом году я должен был мобилизовать все свои способности и заработать сумму, достаточную для погашения всех моих долгов до моего отъезда из Америки, назначенного на середину марта.

Затем, по возвращении во Францию, я снова начну писать - при условии, что я буду избавлен от всех материальных забот.

Но если по тем или иным причинам я не смогу выполнить то, что задумал, или разочаруюсь в идеях, пропагандируемых мной до сих пор, то я, верный своим принципам, поступлю следующим образом. Отнесу в издательство только те рукописи, которые я считаю полностью готовыми к печати, то есть материал для первой книги и две начальные главы второй книги, а затем, вернувшись домой, разведу большой костер в центре лужайки, расположенной перед окнами моего кабинета, и брошу туда все оставшиеся незаконченные рукописи.

После чего я начну новую жизнь, стремясь к единственной цели - удовлетворению своего личного эгоизма.

План моей будущей жизни уже сложился в моем воображении.

Я вижу себя занятым созданием нового Института, имеющего множество отделений по всему миру, на этот раз - не Института гармонического развития личности. В моей новой жизни я буду искать средства, позволяющие человеку достичь душевного равновесия и сохранять его на протяжении всей его жизни.

И я не сомневаюсь, что в этом новом деле добьюсь успеха.